

ВАЛЕРИЯ ВОРОНЦОВА

ПРАКТИКУЮЩИЙ.
— — — — —
СДЕЛКА С ВОРОНОМ

Валерия Воронцова Практикующий. Сделка с вороном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70053925

SelfPub; 2023

Аннотация

Став фамилльяром темного ведьмака, Агата Вольская впустила в свою жизнь таинственный и опасный мир Практикующих. Впустила, или же родилась в нем? Первая серьезная битва оставила свои следы и притаившегося врага, появление отца срывает покров с прошлого, а незнакомец из снов не оставляет в покое... Тернистый путь фамилльярства опасен как никогда: за каждым поворотом ждет проклятье, любая развилка приведет к потере, и даже любимый практикующий Влад Яблонев не может спасти от всех капканов и ловушек.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	46
Глава 4	72
Глава 5	98
Глава 6	122
Глава 7	147
Глава 8	169
Глава 9	192
Конец ознакомительного фрагмента.	212

Валерия Воронцова

Практикующий.

Сделка с вороном

Глава 1

Говорят, первое впечатление значит очень много. Прежде, чем складывается какое-либо мнение, человека изначально должно что-то привлечь, или, напротив, оттолкнуть. Внешность, голос, запах, жесты и мимика... В моем случае ничто из этого не сработало, несмотря на то, что я видела родного отца впервые за все свои двадцать лет.

Конечно, ситуация не особенно располагала к знакомству. На дворе стояла ночь, в небе ярко светила полная луна, а до этой минуты я испытала все прелести похищения, ментальные пытки, мистическую драку не на жизнь, а на смерть, и едва не лишилась своего обожаемого темного и очаровательно саркастичного ведьмака Влада Яблонева.

За последний час я видела, как наш противник, осознав поражение, шагнул с крыши, и в какой кровавый шмат сырого мяса он превратился, пролетев двенадцать этажей заброшенного хлебозавода. Между двумя этими значимыми событиями Влад все же признал свои чувства, пусть мне при-

шлось читать по глазам да между строк (и на то есть огромная причина, думать о которой сейчас не хочется) и случился наш первый, до сих пор горевший на губах, поцелуй.

После всего сделанного, услышанного и сказанного я сомневалась, существует ли слово, способное обозначить мое нынешнее состояние. Титаническая усталость и внутренняя раздробленность при хаосе мыслей. Больше всего мне требовался максимально продолжительный сон и какой-нибудь особенный чай с легкой руки практикующего. Если говорить об идеальном варианте, то хорошо бы Яблонев остался при этом со мной, но мой ведьмак был вынужден разбираться со всеми последствиями нашего «приключения». Так или иначе, явление прежде не интересовавшегося мною родителя в этот сценарий не вписывалось совершенно.

Как следует разогнавшись ментально еще на крыше, я и сейчас продолжала видеть все вокруг на двух планах: реальном и метафизическом. Не просто видеть, но и чувствовать. За спиной шеренгой растянулась стая из самых крупных представителей собачьего племени – звериные ипостаси моего рода потомственных фамильяров, присматривающие и помогающие с тех пор, как наша с Владом связь запустилась на всю мощь.

Каждая из них следила за мускулистым и крепко сбитым испанским бульдогом перед нами. Холеный, сильный и уверенный; шкура с тигровым окрасом лоснилась и блестела в лунном свете, знакомые по собственному отражению ка-

ре-желтые глаза смотрели выжидающе, но спокойно. Все тело – сплошные мышцы, а сомкнутая пасть оставляла простор воображению, впечатляя одним видом. Опытный воин и охотник, наверняка отличная ищейка.

Человеческий облик сохранял все, что внушала собачья сущность. Мужчина, оказавшийся моим отцом, был высок, спортивно сложен и источал такую уверенность, что захотелось как следует потрепать ее в качестве проверки.

Пока я разглядывала его на всех возможных уровнях, никто из присутствующих не рискнул нарушить напряженную тишину. Всего в шаге от нас, нервно сминая собственные руки, стояла мама, переводя взгляд с меня на отца и обратно. Последний раз, когда мы с ней виделись, был как будто в другой жизни, хотя на деле всего лишь позавчера. Ее знакомство с Владом закончилось бурным скандалом и моим уходом из дома, когда вскрылось, что она всю жизнь знала о существовании практикующих и моем месте в их мире.

Чуть левее подпирал плечом фонарный столб второй незнакомец. По характерным внешним чертам я догадывалась, что это еще один мой кровный родственничек. Интуиция пометила его как родного дядю, скорее всего, младшего брата отца. Кристально ясно было и то, что они составляют тандем практикующего и фамильяра. Стиль, взгляды и общая аура выдавали в них темных, то есть в своих ментальных практиках они прибегают к самым жестким мерам и различным ресурсам. Самое важное, что сразу же объяс-

нил мне Влад – темные и светлые не значит добрые или злые, разнятся только методы и принципы.

В стороне ото всех возвышалась Анастасия Захарова, сильнейшая практикующая нашего круга, девушка индивидуальная во всем, начиная от стиля одежды и заканчивая неординарной внешностью и манерой говорить. Как всегда спокойная и хладнокровная, она легко покачивала в правой руке свою неизменную спутницу-трость, предпочитая смотреть в ночное небо, а не на разворачивающуюся семейную драму. У меня не было ни малейших сомнений, что от внимания Безумной Шляпницы, как я называла ее про себя, не ускользает ни одна деталь.

На лавке у подъезда остались светлая целительница Катя и ее фамилляр и парень Миша, старательно делавшие вид, что их тут вообще нет. Своими обострившимися в эту ночь инстинктами я чувствовала, что оба мне сочувствуют, но не знают, как и чем помочь в этой глубоко личной ситуации.

– Что ж, род тебя поддерживает, – первым заговорил мужчина с сущностью испанского бульдога. У него был низкий, хорошо поставленный голос, какой трудно не услышать. – Отлично.

Черт возьми, да это первое место в списке «Топ-25 самых неудачных первых фраз от отца дочери»! Первая встреча, как снег на голову, и что он говорит? Как здорово, что меня поддерживает род, хотя, вообще-то, это должно быть его работой?

Река ядовитых воспоминаний потекла сама собой. В десять лет у меня сломался велосипед, колесо отскочило. Чинил сосед. В шестом классе я так сильно отставала по физике, что учитель потребовал переделывать лабораторную работу на дополнительном уроке вместе с родителем. Выражение его лица нужно было сфотографировать, когда, вместо ожидаемого папы, со мной за парту опустилась мама. На выпускной нас с подругой вез ее отец. И так было всегда. Моего отца никогда не было рядом, ни в одном из тех моментов, которые будто созданы специально для проявления отцовской заботы и любви. Никакой, мать ее, поддержки.

Слишком много свидетелей. Слишком сильная усталость. Слишком не хватает Влада, уж точно подказавшего бы, как поступить.

Выдохнув сквозь сжатые зубы, я постаралась загнать назад раздражение и все, что рвалось из глотки и предназначалось исключительно отцу. Передо мной лежало два пути: вести себя как обиженная брошенная дочь или же как фамилляр.

Первый виделся изматывающим, эмоциональным и совершенно неподходящим. Еще одной крупной разборки я не выдержу, как бы ни хотелось начать ее в роли обвинителя, к тому же претензий, радующих своей оригинальностью, у меня было хоть отбавляй. Далекое не каждый еще до рождения брошенный отцом ребенок может высказать что-то вроде: «Ты оставил маме заговоренный браслет, чтобы она про-

веряла всех людей вокруг меня на предмет энергетики практикующих? Серьезно?». Да, серьезно, потому что так он и сделал.

Глубоко вздохнув, ловя на язык остроту и особенную дымность весеннего ветра, я сосредоточилась на втором варианте. Спасательном круге, должном удержать меня наплаву в бушующем океане эмоций.

– Агата, – неуверенно позвала мама, все же рискнув нарушить молчание. – Это Вячеслав, твой... отец.

А то я не догадалась. Оказывается, я – Агата Вячеславовна, а не Алексеевна, ведь отчество мне дали в честь деда. Вот это день, что ни час, то новое открытие! На всплеск моей злости откуда-то издалека послышалось настороженное карканье. Нас с Яблоневым разделяло полгорода, но, допуская, *такое* он не пропустил бы, даже если бы сейчас спал.

– Не надо, Паш, она злится, – качнул головой Вячеслав, когда мама потянулась ко мне. Собиралась подвести к нему за ручку?

– Нет у меня отца, – процедила я. Верхняя губа поднялась сама собой. Определенно, я в бешенстве, все это время удачно скрывавшемся за плотиной шока. – Передо мной чужой фамильяр незнакомого практикующего, и я не собираюсь разговаривать с тобой без своего собственного.

– Агата... – мама беспомощно опустила руки, вглядываясь в меня так, словно видела впервые.

По факту она и впрямь видела такую меня впервые. Еще

два дня назад я была для нее во всем понятной, очевидной и знакомой. Родной дочерью, обожающей сериалы и хорошо поесть, лентяшей вставать на первые пары и заслушивающейся русским роком. Теперь же мама столкнулась с Агатой, которую до недавнего времени я сама от себя прятала.

То, что она знала обо мне, никуда не ушло, просто стало лишь частью меня новой. Девушки, способной на куда большее, чем она могла представить, с кучей секретов, арсеналом собачьих навыков и любовью к темному ведьмаку, за которого, в прямом и переносном смысле, готова была убить. Последнее откровение настигло меня всего пару часов назад, когда жизнь Влада оказалась в настоящей опасности.

– Прежде, чем вы что-либо скажете, – неожиданно вмешалась Захарова, стукнув тростью об асфальт, – я рекомендую воздержаться от попыток давления или принуждения Агаты к общению. В противном случае, с моей стороны последуют контрмеры, и они вам не понравятся и не забудутся.

Что ж, отсутствие Влада компенсировала готовность Насти встать на мою защиту. Если я правильно понимаю, то мое желание остаться на позиции фамильяра развязало ей руки. В ментальном я видела ее полярную лису, сидевшую в снегах в свете северного сияния.

– Анастасия, не думаю.... – начала было мама, но ее прервал до сих пор молчавший практикующий отца:

– Не беспокойтесь, мы не собирались настаивать и, тем более, принуждать Агату к разговору. Особенно, в такой си-

туации, когда мне и всем нам, за небольшим исключением, – он покосился на маму, – очевидно, через что ей сегодня пришлось пройти. Хотя ты меня и не знаешь, Агата, но я очень рад, что с тобой не случилось ничего непоправимого. Меня зовут Арсений. К сожалению, сейчас мы не можем задержаться в городе, поэтому я предлагаю встретиться через две недели, на майских праздниках, и обсудить все в присутствии твоего практикующего. Идет? – Он улыбнулся, сверкнув верхними резцами, и я отчетливо разглядела его сущность, до того скрытую за пеленой несуществующего в реальности дождя. Разумеется, крупная собака, как и у большинства в моем роду фамильяров.

– Зенненхунд, – сходу определила я породу, до того даже не догадываясь, что могу ее распознать.

– Верно, – еще шире улыбнулся Арсений, и в ментальном плане его пес дружелюбно завилял хвостом, отчего мне стало спокойнее. – Идем, Слав, девочке нужны сутки сна, а не наши расспросы. Все еще успеется.

– Ты прав, – кивнул мужчина, отходя от нас с мамой. – До встречи, Агата. Прости, что все получилось так.

Интересно, под «все» он подразумевает этот вечер, или свое отсутствие в целом? В любом случае, одно «прости» звучало хлипко и чавкало в ушах своей неуместностью.

Попрощавшись со всеми кивком, Арсений остановился возле опеля стального цвета. Обняв маму, что смотрелось откровенно неуклюже и как-то натянуто, Вячеслав, еще раз

глянув на меня, присоединился к брату, больше ничего не сказав. Правильно сделал, еще пара слов в мой адрес сейчас, и я за себя не отвечаю. Он занял место водителя, в салоне зажегся свет, мотор заурчал, и вскоре машина покинула двор. Радость-то какая.

– Агата, – Захарова не позволила мне погрузиться в клочущее недовольство. – Мы с Катей заварили тебе в термосе специальный настой. Обязательно выпей его перед сном, а сейчас нам всем пора оставить твою территорию.

– Спасибо, – я признательно посмотрела на обеих. – А Игнат, он...

– Сбежал, – чуть поморщилась Настя. – Это ему все равно не поможет, я впитала его энергетику в вашей квартире, осталось только отправить небольшой подарок от ее части к целому.

Даже не пытаюсь понять, что все это значит, я еще раз поблагодарила ребят, выдержав теплое объятие Кати и басовитое пожелание побыстрее оправиться от Миши. Пиканье подъездной двери прозвучало своеобразным звонком с антракта. Очевидно, до дивана я доберусь лишь после второго действия с мамой в главной роли.

Облегчение, настигнувшее за порогом, напоминало возвращение после долгого отсутствия. Прежде такое появлялось лишь после летних каникул у бабушки с дедушкой. Жаль, сейчас не тот случай.

Не успела я и слова сказать, как мама крепко стиснула ме-

ня в руках, всхлипывая и дрожа всем телом. Все, что она сдерживала на глазах у посторонних, вырвалось на волю. На шею закапали слезы, в потоке бессвязных слов и судорожных вздохов хорошо улавливались «прости», «я так виновата» и «мне жаль». Не зная, как это остановить, да и не видя себя на это способной, я только молча гладила ее по спине.

– Мам, мы же можем поговорить завтра, – вымученно напомнила я, разуваясь. – Со мной все в порядке, только пара синяков, но это ерунда.

– Да-да, конечно, тебе нужно отдохнуть, столько всего, а я ничем не могла тебе помочь...

Логика темных услужливо подкинула возражение, но я успешно придержала его за зубами. Конечно, она могла бы помочь, рассказав всю правду сразу, как заметила во мне первые признаки способностей фамильяра, но сейчас глупо было тащить на свет еще и это. На сегодня с меня достаточно.

– Мам, оставь. Ты сейчас помогаешь, все, хватит. Я в ванную.

Вряд ли это была сила воли, скорее, банальное бегство от разговора и нежелание лечь в грязи и запахах крови, дыма и пота. Мне удалось принять душ и не заснуть под струями теплой воды, хотя глаза слипались. Попутно оценив количество синяков на теле, саднящие запястья, губу и лоб, я вышла в зал, запахнувшись в халат.

– Вот, чистая, – мама протянула мне ночнушку, сжимая в другой руке кружку чего-то ароматного и слегка пахнущего

цветочным лугом. – Термос на столе, могу принести сюда, чтобы поближе... Катя такая приятная девушка, и Миша у нее... прямо защитник, – запнулась мама.

– Ага, – нейтральным тоном отозвалась я, принимая от-вар. – Он самый.

В воздухе так и повисла несправедливость. Как светленькие, так сразу приятные, а на Влада она чуть ли не с вилами пошла. Дурацкие стереотипы.

Сев на разобранный и даже свежим бельем застеленный диван, я молча принялась цедить оставленное питье, глядя, как мама так же готовится ко сну. Заметив, что постельное белье она меняет и у себя, я нахмурилась. Отжигающая всю ночь интуиция выстрелила догадкой. Отведя стакан в сторону, я повела носом, углубляясь в привычные запахи квартиры.

Легко уловив Захарову и тандем светленьких, я отбросила их ароматы прочь вместе с маминым. Вячеслав и Арсений сюда даже не заходили. Вдохнув глубже, я скривилась, уловив поток с маминой стороны. Игнатом оттуда не то что пахло – разило. Гадость какая.

– Ты с ним спала.

Планировался вопрос, но усталость поставила на вежливости жирный крест. Напрягшись, мама осталась стоять ко мне спиной.

– Что ты хочешь услышать? – спросила она, не оборачиваясь и по третьему разу принявшись сворачивать простынь.

– Да, наверное, ничего, – честно призналась я. – Я не собираюсь тебя обвинять, но и радоваться тут глупо. Мне жаль, что он оказался таким уродом.

– Спасибо, Агата, – сдавленно пробормотала мама, и мой собачий слух уловил очередной всхлип. Черт.

– Мам, не расстраивайся! – Я глубоко вздохнула, ставя пустой стакан на полку. По горлу прокатывалось приятное тепло, скапливаясь в животе. Сложно понять, что в это «зеле» набросали Настя с Катей, но оно работало. – Все закончилось хорошо, чего толку теперь-то переживать.

– Ложись спать, малышка, – сказала Ма, и это, как ничто другое, доказывало, насколько она не в себе. «Малышкой» я не была класса с пятого, все эти показательные словесные нежности были у нас не приняты. Только «Агата» или «бес-толковка», только хардкор.

– Спокойного утра, мам, – промычала я, краем глаза приметив на электронных часах половину пятого утра.

Устроив голову на подушке, я отвернулась к стене, все еще видя ментальное. Стая была где-то поблизости, я хорошо чувствовала их молчаливое присутствие, почти физически ощущая со всех сторон теплые бока и защиту, как и полнолуние. Стоило только закрыть глаза, как оно нарисовалось в темноте само собой. Огромный бело-желтый диск лежал на горизонте моей дороги, освещая все вокруг. Интересно, как долго еще я буду его видеть, реальность ли это, состояние сущности, или все вместе?

Хотелось написать Владу, убедиться, что с ним все в порядке, но мой телефон разбился, а позвонить с чужих я не догадалась. Впрочем, будь что-то не так, я бы почувствовала. Так же четко, как и на крыше, в тот момент, когда мы были на волоске от краха... всего. Вздвогнув от воспоминания о мертвом теле на асфальте, я крепче закуталась в одеяло, только сейчас ощущая странную дрожь.

Слава всем богам, усталость и отвар оказались сильнее запоздалого страха. Прижавшись к кольцу с агатом щекой, убеждая себя, что так ближе к Яблонеvu, я, наконец-то, позволила себе отключиться.

Затягивающая темнота обернулась салоном незнакомой машины. За окном проносились желтые и оранжевые огни, холодный ветерок из приоткрытого водительского окна трепал волосы. Безрассудно и, возможно, по-собачьи, захотелось высунуть голову и ловить ночной ветер на язык. Секундное желание растворилось в охватившей разум и тело настороженности. Кто за рулем? Кто... за моей спиной?

Костер и гроза. О, боги. Только не это. Только не сейчас.

– Рад видеть тебя, воинственная, – подтверждая худшие опасения, поздоровался незнакомец-практикующий, прежде частый посетитель моих снов. Кольцо-оберег должно было защитить от его визитов, но, похоже, сегодня все шло не так.

Обернувшись, я тут же вжалась спиной в дверцу, оставляя между нами как можно больше пространства. Непростая задача, когда нежелательное соседство происходит на заднем

сидении иномарки.

– Да не дергайся ты так, – расслаблено протянул парень, вроде бы и не думая приближаться.

Прищурившись, я внимательно посмотрела на него. Руки сцеплены на животе поверх уже знакомой серой ветровки, длинные ноги, затянутые в черные джинсы, согнуты в коленях, но не упираются в спинку переднего. Голова на подголовнике повернута ко мне как-то вальяжно и будто бы лениво. Волосы падают на лоб, в очередном отсвете уличного фонаря сверкнули желто-зеленые глаза, смотрящие с любопытством и ожиданием. Вот черт.

– Почему мы в машине?

Прежде все наши встречи происходили на улице незнакомого города, возле фонаря напротив двери трехэтажного многоквартирного дома. Именно там, при последнем столкновении, он насильно поцеловал меня. Подобное отучило меня от беспечной привычки засыпать без кольца с агатом на пальце.

– Потому что я сплю во время поездки, – незнакомец чуть пожал плечами.

Посмотрев вперед, я увидела только дорогу и полную луну. Что за черт, я засыпала уже под утро, сейчас вообще не должно быть ночи!

– Как ты, воинственная?

– Прекрати меня так называть, – процедила я.

Прошлый вариант «моя девочка» нравился мне еще мень-

ше, но и от этого веяло чем-то... слишком личным. У этого наглого придурка не было никакого права давать мне прозвища.

– Разве это не правда? – усмехнулся он. – Насколько я смог почувствовать, ты совсем недавно была в состоянии войны. Или я ошибаюсь? Это риторический вопрос, – тут же указал парень, напоминая своей уверенностью другого темного ведьмака, в чьей компании я сейчас предпочла бы оказаться.

– Это тебя не касается, – отрезала я. – Выпусти меня отсюда и катись подальше.

Он цокнул языком и прищурился:

– Но ведь ты сама захотела оказаться здесь, рядом со мной. Как и каждый раз до этого, если быть точным.

– Сам не устаешь от бреда, который несешь?

Незнакомец усмехнулся:

– Не больше, чем ты от собственного отрицания.

– Что тебе нужно?

– Ты еще не понимаешь, – утвердил практикующий. – Пока не понимаешь, но меня касается абсолютно все, что касается тебя. Тем более, настолько грубо, – он кивнул на мою разбитую губу. – Как твой так называемый практикующий это допустил?

– Я не собираюсь отвечать на вопросы о моем практикующем, – железно отсекла я, прекрасно помня, как он пытался выведать его имя.

– Очень жаль, – досадливо прищелкнул языком незнакомец.

– Я даже не знаю твоего имени.

– Как и я твоего. Но, уверен, в нем есть три буквы «а», – хмыкнул парень.

– Почему?

– Это традиция древних темных родов, – слегка пожал он плечами. – В именах девочек обязательно должна быть защитная триада «а». Что, тебе даже такой очевидной вещи не объяснили?

Не то чтобы я об этом спрашивала. Каждый раз, как этот вопрос возникал на горизонте, находилось или случалось что-то поинтереснее.

– А у мальчиков почему не так?

– У мальчиков все привязывают к одной «а». Олегов, Глебов, Денисов или Дмитриев среди нас не найти.

– Как-то несправедливо.

– Так уж повелось.

Отлично. Пора сматываться отсюда, но сперва...

– Почему мой оберег не сработал, и я попала в твой сон?

Он посмотрел на меня со скепсисом:

– Потому что он защищает, а не препятствует, воинственная.

То есть, повторил предыдущую версию на новый лад. Я приподняла брови, выдавая лучший из своих презрительных взглядов. Технически я научилась ему у Праховой, но об

этом никому знать не обязательно.

– Ты всерьез думаешь, что я здесь, потому что сама этого захотела?

– Знаю, если быть точным, – кивнул ведьмак, несколько не впечатленный моей насмешкой.

– Невозможно. Я о тебе никогда не думаю и даже не вспоминаю, – куда серьезнее заявила я, чувствуя, как зачесались десны.

– Твой темперамент – это что-то, – протянул парень, широко улыбнувшись. – Сначала ты растеряна, потом возмущена, следом заинтересована, а вот уже готовишься показать клыки. Какая горячая.

Наверное, выражение моего лица застряло где-то между шоком и злостью. Горячая? Да какого черта он себе позволяет?!

Незнакомец расхохотался:

– Видела бы ты себя сейчас. Нечасто получаешь комплименты?

– Пошлость – не комплимент, – прорычала я, нашарив ручку дверцы. – Держись подальше от меня и моих снов, ясно?

– Я итак держусь подальше до поры до времени, сама же приходишь, – хищно улыбнулся он. – Подсознание не поддается контролю, не так ли?

Гневно выдохнув, я передразнила его улыбочку:

– Ну, сейчас-то я себя вполне контролирую, так что...

– Нет, стой!

Он резко скользнул ко мне по сидению, но я уже распахнула дверцу и вылетела прочь из машины. Вместо ожидаемого столкновения с асфальтом под спиной оказался хорошо знакомый пол едва ли не самой дорогой для меня комнаты. Спальня Влада.

– Где это мы? – раздался позади голос незнакомца.

О, боги.

Вскочив, как по тревоге, я уставилась на чужака, стоявшего ровно за порогом спальни. Примечательно, что за его спиной не было коридора или другой знакомой мне обстановки из дома Яблонева. Только странная серость.

– Не твоё дело. Убирайся, – угрожающе заклокотала я.

– На женскую спальню не похоже, – парень не обратил внимания на мой словесный пинок. – Ни фенечек, ни плакатов, ни фотографий и прочих милых штучек, которыми вы забиваете своё пространство.

– Предпочитаю спартанский стиль, – высказала я, едва не клацнув зубами.

– Плохо врешь, – цокнул он языком. – Давай посмотрим...

Приготовившись выталкивать непрошенного гостя насильно, в следующий миг я удивленно приоткрыла рот. Едва нога ведьмака попыталась ступить в комнату, как весь дверной проем перекрыла хорошо знакомая фиолетовая завеса – защитный барьер Влада. Значит ли это, что...

О, да, именно. Губы сами собой растянулись в довольной

улыбке, обнажая клыки. Может быть, неизвестный практикующий и способен допекать меня на моей или своей территории во сне, но не во владениях Яблонева. Зная, как мой ведьмак рьяно оберегает все, что считает своим, не стоило удивляться такому повороту событий.

Отшатнувшись от дверного проема и ругнувшись сквозь зубы, незнакомец выдал кривоватую ухмылку:

– А этот твой практикующий не такой профан, как можно было бы подумать.

Крутизну моего практикующего даже сложно представить, самоуверенный ты идиот.

Скрестив руки на груди, я уставилась на чужака в ожидании новой провокации. Так как мы оба поняли, что ему не войти, а выходить я уж точно не собираюсь, это могло превратиться в дуэль из обоюдных насмешек.

– Как, говоришь, его зовут?

Может ему еще точный адрес и номер телефона сообщить? Приподняв брови, я сделала «пока-пока» ручкой.

– В таком случае, до следующего раза, воинственная, – отсалютовав двумя пальцами ото лба, незнакомец исчез, словно кто-то переключил канал.

Втянув носом, я почувствовала только свое любимое сочетание древесной стружки, прогоревшего воска и ноток табака. Все вокруг пропитал аромат Влада, никакой грозы и дыма чужака. Прекрасно.

Выждав еще немного, я забралась в кровать своего прак-

тикующего. Наверное, ложиться спать во сне – та еще клиника, но только такое желание у меня и было. Устроившись среди подушек и натянув одеяло по самый подбородок, я какое-то время смотрела на вход, опасаясь возвращения незнакомца.

Пусть настоящего хозяина комнаты рядом не было, его присутствие ощущалось в каждой вещице, оборачиваясь вокруг теплым одеялом безопасности и комфорта до тех пор, пока меня не настиг долгожданный сон без сновидений.

Глава 2

Выплыть из реки сна оказалось сложнее, чем обычно. Разноцветные кадры, яркие очертания, контуры каких-то фигур переплетались и уносились прочь по течению. Смутно вспоминалось, как я что-то пила и даже куда-то ходила, но все эти обрывки реальности тонули в темноте, не достигая берега. Как и я, пока меня не поймали на удочку и не начали плавно подсекать.

Легкое касание костяшек к щеке, нежное скольжение по скуле, и вот уже кончики пальцев чертят дорожку от шеи до ключицы. Щекотно, приятно до мурашек, но все же недостаточно, чтобы заставить открыть глаза и признать необходимость проснуться окончательно. Перевернувшись на другой бок, я лишь приблизила свою капитуляцию.

Нос уткнулся в самую гущу любимых ароматов, мягкости и тепла. Все от свежести океана шампуня до мельчайших древесных и чайных ноток внушало спокойствие, чувство уюта и защищенности. Не хотелось никаких вопросов и даже ответов. Просто лежать так, дышать только этим и беречь окутывающую меня надежность.

Тихий смешок над ухом намекнул, что «просто» не получится. Никогда не получалось. Тяжело вздохнув, я глубже зарылась в запахи и ощущения, догадываясь, что с остальными козырями моего настойчивого похитителя спокойствия мне

не справиться.

– Просыпайся, Агата.

Только один человек умел произносить мое имя так, что хотелось слышать снова и снова. Мягко и легко, словно кончиком пера по голой коже и, в то же время, уверенно, без малейшего намека на несерьезность.

– А что мне за это будет? – пробормотала я, подтягиваясь выше и зарываясь носом в тепло его шеи.

– Я ожидал совсем других вопросов, но давай прикинем, – поддержали дурашливое настроение, зарываясь рукой мне в волосы. В моем личном словаре именно этот жест служил определением слова «блаженство». – Я принес мраморную говядину, ветчину, торт к чаю и еще у меня есть для тебя подарок.

– Что? Какой еще подарок? – резко распахнула я глаза, наконец-то лицом к лицу встречаясь с потомственным темным ведьмаком, своим практикующим, лучшим другом и человеком, которого люблю. Все эти статусы для меня вмещались всего в два слова: Влад Яблонев.

Серые глаза парня сегодня напоминали дым с искорками любопытства и веселья. Губы сами собой растянулись в улыбке, рука крепче обняла его за пояс, мы смотрели друг в друга, и весь остальной мир был не важен. Мы в порядке. Мы выжили. Мы стали сильнее.

Тонкие линии его лица, как всегда, притягивали взгляд, и я не отказала себе в удовольствии провести по каждой, по-

второя этот путь подушечками пальцев. Чуть задержавшись на соблазнительной ухмылке и ямочке на правой щеке, я вернулась к глазам. В комнате было светло, однако в эту минуту, бархатно и плавно, в нее на цыпочках прокралась ночь.

Пространство, как и прежде в такие моменты, загустело и наполнилось трескучим ожиданием. Во мраке его зрачков встрепенулись вороны крылья, все внутри подобралось от жажды особенного прикосновения, всегда скрывающегося за наэлектризованной тишиной. Несмотря на ожидание, Влад все равно застал меня врасплох.

Резко подавшись вперед, ведьмак подгрёб меня под себя, оказываясь сверху, и я с облегчением выдохнула, задирая подбородок, вжимаясь затылком в подушку. Теплое дыхание коснулось шеи, зубы прижались к коже, и я едва не всхлипнула, растворяясь в жгучем укусе темного.

Жадно до дрожи. Необходимо до отчаянья. Безумно до эйфории.

Длинные пальцы обхватили запястья, опуская руки в прохладу простыни и мешая зарыться в его волосы. Я была бы не прочь привнести в них хаос, но такое положение устраивало даже больше. Дразнящая цепочка укусов справа налево, все внутри поджимается, хочется дольше, глубже...

Чувства обострены до предела, самоконтроль в тисках инстинкта, ноги обхватывают его бедра через одеяло, властные губы скользят ниже, оставляя за собой пылающий след. Зубы впечатываются в грудь сквозь ткань ночнушки, настоя-

щий сильный укус сотрясает меня, и реальность ускользает куда-то в круговерть разноцветных огней, запахов и ощущений.

– Такой подарок мне нравится, – пробормотала я, когда Яблонев отстранился, давая понять, что минуты нашей ночи при свете дня истекли.

– Это приятный бонус, окончательно восстановивший твои силы, а не подарок, – поправил Влад, изогнув губы в ухмылке.

– В смысле?

– Инстинкты сущности вышли на первый план, в каком-то смысле реанимируя твои способности после спячки полнолуния, – пояснил Яблонев.

– Может быть ты удивишься, но это-то я как раз поняла. Я про подарок.

– Ты удивляешь меня чаще, чем кто-либо, – отвесил комплимент ведьмак. – Закрой глаза.

Подозрительно прищурившись, я все же выполнила его просьбу, как и последовавшую за ней вытянуть руки. Пару мгновений спустя на ладони опустилось нечто прохладное, гладкое и сравнительно небольшое. Открыв глаза, я уставилась на предмет, раздираемая противоречивыми эмоциями.

– Ты купил мне айфон, – севшим голосом проговорила я.

– Подарил. Он уже с твоей симкой, я вытащил ее из старого телефона.

– Купил. Мне. Айфон. С ума сошел? Он же дорогой!

– «Спасибо, Влад, мне очень приятно». «Без проблем, Агат, я знал, что тебе понравится», – разыграл сценку Яблонев с дурашливой жестикуляцией.

Я хмуро посмотрела на него. Полагаю, мой взгляд был достаточно красноречив, что и мысли читать не требовалось. Тяжело вздохнув, Влад прикрыл глаза:

– Боги, дайте мне терпения.

– И мне заодно, – поддакнула я.

Тишина разбилась о наш общий смех.

– Будь добра, выкинь из головы весь этот стереотипный мусор и феминистическое настроение, – вернулся Яблонев к теме. – Я знаю, что ты, в отличие от меня, любишь возиться с техникой, так что выбрал модель, максимально отвечающую твоим интересам и выражающую мою благодарность. Это благодарность за все, что ты сделала в нашем столкновении с Ильей, и я не приму отказа.

Последнее прозвучало с нотками неизбежности, проskalзывающими у Влада в общении с клиентами. Бодаться бесполезно, решения ведьмак не изменит, что бы я сейчас ни сказала. Да и что тут можно сказать, кроме...

– Спасибо.

– Сразу бы так, – улыбнулся Яблонев, поднимаясь с кровати черной тенью.

Словно демонстрируя свою сущность ворона на максимум, Влад предпочитал черный цвет одежды, изредка разбавляя его серым или синим. Я искоса оценила его черные

джинсы, футболку и напульсники с парой тяжелых перстней в серебряной оправе на пальцах.

– Ты похож на гота и рокера и в то же время нет, – поделилась я своим «умным» наблюдением.

– Правильно, я же ведьмак. Практикующие существовали еще до того, как появились эти субкультуры, – пожал плечами Яблонев. – Буду ждать тебя на кухне.

– Хочешь сказать, что они у вас стиль заимствовали?

– А то нет, – фыркнул Яблонев. – И те, и другие обвешиваются псевдомистическими вещами, хотя изредка среди них встречается и что-то настоящее. У меня был случай, когда парень-гитарист приобрел на барахолке цепочку с деревянными символами-рунами и едва не отправил на тот свет всю свою семью. Заряжал руны энергетикой своей музыки, те начали ее транслировать, и, чем больше он играл, тем хуже становилось всем вокруг. С рунами и знающие связываться опасаются, это очень мощные передатчики энергии, даже отсутствие веры и скептицизм его не спасли.

– Ого. Подожди, а сколько времени? – нахмурилась я, только сейчас настигнутая тройкой самых важных вопросов нынешней ситуации. – Как ты попал в квартиру? И где мама?

– Вот теперь ты точно проснулась, – хмыкнул Влад. – Сейчас три часа дня вторника, утром меня впустила твоя мама, а сама ушла на работу.

– А... Вторника? Я проспала почти два дня? – вытаращилась я.

– Обычная спячка фамильяра после полнолуния, – отметил Яблонев, позабавленный моим воплем. – Насколько мне известно, пару раз ты все же просыпалась, и один из них несколько напугал твою маму.

– Что? Чем?

– Она сказала, что ты вскочила сегодня в два часа ночи, как ужаленная, выпила залпом остатки отвара девчонок и, не реагируя на ее вопросы, упала на кровать и тут же заснула опять. Помнишь что-нибудь об этом? – Серые глаза сверкнули любопытством.

– Нет. Смутно помню, что вроде бы поднималась и что-то пила, но, чтобы так резко... – удивленно пробормотала я, стараясь воскресить этот момент. Похоже, мне даже ничего не снилось, никаких катастроф и кошмаров, от которых я могла бы так подскочить.

– Вставай, – Яблонев нажал мне на кончик носа пальцем, прежде чем уйти на кухню.

Наскоро застелив кровать пледом, я выдернула из шкафа наименее страшную футболку с домашними шортами и скрылась в ванной. На приведение себя в порядок ушло минут десять, так что, зайдя на кухню, я застала Яблонева за нарезкой бутербродов. Запах ветчины вызвал голодную слюну и мученический стон. Последний раз я ела... Вот черт, последним был завтрак дома у Яблонева, утром воскресенья.

– Она слишком прекрасна для этого мира, – провозгласила я, выхватывая ломтик прямо из-под ножа и отправляя в

рот.

– Главное – жуй, – усмехнулся ведьмак.

Ценное уточнение. Успев хапнуть еще несколько кусочков без хлеба, я зажмурилась, наслаждаясь вкусом и ароматом. Когда-то в детстве у меня была мечта работать поваром, чтобы попутно пробовать все самое вкусное. Мечта ушла, а запросы остались.

Пять бутербродов, кусок торта и две кружки чая спустя я почувствовала себя довольной жизнью, как никогда до этого. Влад, весь завтрако-обед успешно сдерживающий смех, не выдержал и расхохотался, когда, потянувшись, я шлепнулась обратно на диван с чувством выполненного долга.

– Только не говори, что снова собираешься спать, – сел он рядом.

– Даже не думала. Я просто рада, что ты здесь, – искренне, на волнах сытости, поделилась я, возвращаясь в вертикальное положение. – В смысле, я помню, что просила тебя не звонить, а приезжать, но не думала, что ты правда это делаешь.

– Строго говоря, еще вчера я не был бы способен на это физически, – ведьмак скривился. – В шесть утра вломилась Ба, и я попал под все меры и ритуалы очищения, исцеления и восстановления разом.

– Твоя бабушка в городе?

– Утром уехала. Расслабься, я не потащу тебя с ней знакомить. По крайней мере, сейчас.

Все, что я знала о бабушке Влада, так это то, что она «та еще ведьма», живет в какой-то деревне в двух часах езды от Тулы и по-прежнему практикует. По рассказам Яблонева, именно она научила его большей части того, что он умеет, поскольку к нему перешел их основной семейный дар помогать или проклинать. Так или иначе, она представлялась мне дамой суровой, жесткой и уверенной, как и большинство темных практикующих, с кем мне довелось познакомиться.

– Как ее зовут? – удивительно, но раньше этот вопрос не приходил мне в голову.

– Маргарита Валентиновна Зарницкая, – озвучил Яблонев, и по позвоночнику скользнул неприятный холодок. Имя было под стать представленному образу.

– Ого, мощно, – только и сказала я, привычно отмечая в имени триаду «а».

Мы замолчали, и эта тишина уже не была такой уютной, как во время моего пробуждения. Нас поджидал серьезный разговор, и я не знала, как к нему подступиться. Хорошо, что практикующие, сами по себе, неуверенностью не отличаются.

– Я почувствовал твою злость, но у меня не было времени как-то среагировать, все внимание уходило на приехавших полицейских и их бюрократию. Пришлось заполнить пару бумажек, – начал Яблонев. – Я позвонил Захаровой, и она сказала...

– Что объявился мой папаша под ручку со своим практи-

кующим, который по совместительству мой дядя, – продолжила я, притягивая колени к груди.

– Насколько все было плохо? – серьезно спросил Влад, перехватив мою руку.

– Не настолько, как могло бы быть. Я была слишком усталой, так что, наверное, всем повезло.

– Ты правильно сделала, что вела разговор как фамилльяр.

– Да не знаю я, как тут правильно. Я же хотела найти его, встретиться, понять, как так получилось, но то ли была не готова, то ли не тот момент... Мне не стало интересно. Один сплошной яд и злость. Я увидела его, сразу поняла, кто это, и дальше меня раздражало все, что он делал и говорил. И мама еще...

– Это временно, – Влад не позволил моей раздражительности взять верх. – Ты права – момент был неподходящим, а подготовиться к такому и вовсе невозможно. Не зацикливайся на том, как все прошло.

– Проще сказать, чем сделать. Я вроде как... Наверное, я надеялась на какую-то серьезную причину. Вроде того, что его практикующим оказалась бы какая-нибудь ведьма, и у него не было сил бороться с инстинктами... Сам понимаешь, – шелкнула я пальцами, уверенная, что суть ему ясна. – Что он будет рад меня видеть, и я найду его сама, а не то, что мама, оказывается, все двадцать лет моей жизни знала, как с ним связаться, но сделала это, только когда припекло. Да и не похоже, что он живет где-то далеко, быстро они примча-

ли, согласись. Уж явно не за Уралом.

– Любые ожидания не оправдались бы просто потому, что представляется все всегда и вполнину не так, как происходит на самом деле, – успокаивающе проговорил Яблонев, погладив мое запястье, одним этим жестом погружая в привычный уют своего общества.

– Вот поэтому я и сказала, что в следующую встречу твое присутствие обязательно, – улыбнулась я. – Арсений, практикующий отца, предложил встретиться и поговорить в выходные на девятое мая.

Влад скривился, едва прозвучала дата.

– Что такое?

– Не самое лучшее время для практикующих, проживающих на территории России, – пробормотал Яблонев. – Обычно, в этот день мы или уезжаем куда-то в безлюдные места, или безвылазно сидим дома. Скорбь и память о погибших в Великой Отечественной буквально висят в воздухе, растревоженные воспоминаниями фантомы бродят по улицам... Информационные потоки настолько мощны, что приходится использовать все имеющиеся под рукой средства защиты. Сложное время для любого, кто способен видеть и чувствовать больше обычных смертных, так что ни о каком применении дара и речи быть не может.

Это была одна из тех тонкостей, о которых я, новичок, понятия не имела. Хотя за три месяца фамилльярства я успела столкнуться с сущностью, лешим, кознями враждебного

Владу тандема и ведьмаком-психопатом, миру практикующих еще точно было чем меня удивить.

– Думаешь, они не случайно назначили такое время? Чтобы, в случае чего, дело не дошло до ментальной драки?

Ну, или настоящей. Понятно, что при плохом самочувствии Яблонева меня больше будет заботить его состояние, чем желание проредить шерсть Вячеслава и Арсения. Несмотря на сытость, продолжительный сон и близость Влада, мысль о них все еще вызывала больше возмущения, чем любопытства или каких-либо теплых семейных чувств.

– Уверен, только вряд ли это из-за меня, – прищурился Яблонев. – Не хочу нагнетать, но история с одиноким потомственным фамильяром, ничего не знающим о своих возможностях, изначально виделась чем-то непростым. Для нашего мира это нонсенс. Каждый род трясется над своими потомками, тщательно передает все знания, обучает и поддерживает, а тебя намеренно вычеркнули, пусть и не обрезали связь с предками.

– Может, у меня есть брат или сестра-близнец, и нас разделили при рождении? – припомнился мне клишированный сюжетный ход из второсортного кино.

– Нет, – уверенно качнул головой Влад. – Я бы это видел. Заговоренный браслет твоей матери лишь подтвердил мои подозрения, как и ее слова. Думаю, тебя от кого-то или чего-то прятали.

– Чего-то?

– Поверь, вариантов слишком много, особенно, когда дело касается темных, – красноречиво глянул ведьмак исподлобья.

– Зато какая-никакая, но все-таки причина, – пробурчала я.

– Она так тебе нужна? А что, если ее нет, и это просто жизнь, в которой двое молодых людей напортачили и разбежались, чтобы не отравлять существование друг друга взаимными обвинениями?

Интересный вариант. Распространенный сценарий, в который очень легко поверить. И именно эта легкость ложилась на язык прогорклой ложью.

– Причина есть у всего, и я хочу ее знать, какой бы страшной, нелепой или идиотской она ни была, – твердо проговорила я. – Между прочим, ты в эту версию веришь не больше моего.

– Я предпочитаю не мучить себя напрасными догадками, – поймал меня Яблонев. – Трата эмоций и энергии вхолостую. Мы все узнаем, когда придет время, а пока нужно сосредоточиться на настоящем.

Знать бы еще самой границы этого настоящего. Тяжело вздохнув, я обвела глазами комнату. Отчего-то было странно сидеть сейчас в своей квартире и вспоминать сражение на крыше. Что-то из этого отказывалось укладываться в коробку с надписью «настоящее».

– Как ты это делаешь? Ведешь себя так спокойно и нор-

мально, словно ничего не произошло, на наших глазах никто не умирал, и никакой угрозы для нас тоже не было, – в конце концов не выдержала я.

Яблонев тяжело вздохнул. Длинные пальцы утонули в черноте волос плавным жестом, и Князь откинулся на руки, демонстрируя полную расслабленность. Покосившись на потолок, ведьмак устало улыбнулся.

– Что-то всегда происходит. Иногда я забываю, что ты совсем недавно во всем этом. Ты часто действуешь как опытный и все понимающий фамильяр, но при этом можешь в упор не улавливать каких-то совершенно очевидных вещей. Спокойствие и нормальность настолько относительны, что эти слова не следует воспринимать всерьез. Первое слишком часто бывает обманчивым и коварным, а второе – сушая глупость. Я не нормален, а в глазах подавляющего большинства и вовсе безумен. Я не спокоен, в этом состоянии невозможно жить. Спокойствие для трупов.

– Тогда как ты справляешься? – вытаращилась я, хотя очередного обрушения сводов привычного кувалдой харизмы и мудрости Яблонева следовало бы ожидать.

– Как ты справляешься с жизнью? – лукаво поинтересовался практикующий. – Правильно, ты не справляешься, ты живешь. Ситуация с Ильей была опасна, но она позади, здесь не о чем переживать и задумываться в том ключе, какой тревожит тебя.

– Хорошо, а какой тогда ключ тревожит тебя?

– Последствия. Всегда нужно думать о последствиях, – серьезно ответил Влад. – Меня волнует то, чем он был, прежде я никогда не слышал о подобном и, тем более, не встречал. Что должно было произойти, чтобы сущность, метафизическое ядро практикующего, начала распадаться? Да, он охотился за другими, чтобы выжить, найдя способ паразитировать, но я не могу представить, в результате чего вообще возникла эта проблема.

– А у бабушки с мамой не спрашивал?

– Мать не знает, это вообще не ее поле деятельности, а Ба напустила тумана. Сказала, что должна сначала кое-что проверить, прежде чем мы вернемся к этому разговору, – недовольно дернул плечами Яблонев. – Кроме того, еще остается Игнат. Настя отправила ему «подарочек», и он точно дошел до адресата, но утром она позвонила и сказала, что ее виденье этой нити закрылось.

– И это значит... – Я повертела кистью, напоминая, что все еще плаваю в этом океане мистического и непонятного и без спасательного круга его объяснений точно утону.

– Что он или отбил посыл, или нашел того, кто смог это сделать. Учитывая, что Игнат – проводник, наиболее вероятен второй вариант. Он потерял старшего брата, и если у него есть знакомый практикующий...

– Он может вернуться, чтобы отомстить, – протянула я, поежившись. – Что будем делать?

– Пока ничего. В любом случае, вряд ли сейчас он спосо-

бен действовать, может быть, так и не рискнет, нас слишком много, и мы этого ожидаем.

Закусив губу, я устала на узоры ковра на полу. Чтобы отомстить, необязательно иметь какие-либо сверхъестественные способности. Достаточно всего одного пистолета или даже кирпича, сброшенного на голову. Он знает, где я живу и учусь, знает, где работает мама, знает, где дом Яблонова и вообще, как проводник, может найти все, что ему требуется.

– Агата, – Влад разомкнул мои руки, успевшие сплестись в крепкий замок. – Все будет хорошо, не волнуйся. У него нет ничего, с чем мы бы не справились. С чем не справился бы круг.

– Как остальные ребята? – переключилась я, не спеша соглашаться с ведьмаком. Верить, что все будет хорошо, конечно, удобно, но спокойствия эта вера не прибавляет. То ли дело, скажем, тюремное заключение Игната.

– Варвара и Саша вернутся завтра в Тулу. По словам Леша, ей стало лучше, как только они въехали в ворота семейного особняка Праховых.

– Особняка?

– Если верить Ругаловой, то это целое поместье, а ее отец похож на Деда Мороза в готической версии, – хмыкнул темный, и я захихикала, живо представив себе бородатого дедулю в черной шубе, с подводкой вокруг глаз и посохом с набалдашником в виде черепушки. Может, зря я выбрала пиар

и связи с общественностью? С моей живой фантазией нужно было думать о чем-то более творческом...

– Они все знают про Илью?

Боюсь, даже мое бурное воображение не способно представить масштабы допроса, паники и переживаний Ирки при будущей встрече.

– Нет, я решил, что мы все должны присутствовать на обсуждении. Знаешь, что будет в эту субботу?

– Тридцатое апреля?

– Ночь с тридцатого апреля на первое мая. Мы все планируем поездку в лес.

– А что в ней та... – наткнувшись на насмешливый взгляд Яблонева, я оборвала себя и усердно заскребла по сусекам памяти. Что-то в ней точно особенное, вроде бы натыкалась, когда читала о язычестве... – Вальпургиева ночь?

– В точку, хотя и не так быстро, – хмыкнул ведьмак.

– Так это не выдумка?

– Нет. Особая ночь с очень сильной энергетикой. Идеальное время для многих магических ритуалов, церемоний, шабаша, – на последнем слове он ухмыльнулся. – Считается, что это время разгула для всякой нечисти и колдовской силы, и, отчасти, так и есть, но все же несколько в ином смысле.

– Я ничего не поняла, – проворчала я.

– Чтобы понять такое, это нужно прочувствовать. Твой первый костер силы состоится в Вальпургиеву ночь, интересный расклад, – отпустил очередную таинственность ведьмак.

– Влад Яблонев не может так просто взять и не разговаривать загадками, да? – язвительно отметила я.

– Кто же виноват, что любопытство Агаты Вольской – единственное, что помогает ей прочно усваивать необходимые знания.

– Не поняла, – нахмурилась я.

– Никакая зубрежка не поможет запомнить то, что неинтересно. Я мог бы сейчас провести целую лекцию о возможностях, открывающихся в такие ночи, как Вальпургиева и Самайн, но это не даст тебе и десяти процентов необходимого понимания, в отличие от практического опыта.

– Тебе лишь бы меня подразнить, – надулась я.

– И это тоже, – резко приблизившись, Яблонев растрепал мне волосы на макушке, отчего вся показная обида спешно эвакуировалась до более подходящего момента. Мстительно опустив диванную подушку ему на голову, я показала язык, быстро увернувшись от ответного выпада.

В однокомнатной квартире место для маневров ограничено, так что очень скоро меня перехватили за пояс и плечи. С каждым тяжелым вздохом из-под атмосферы азартного веселья на волю, неуклюже, но упрямо, пробивалось нечто иное. Вместо того, чтобы отпустить и, как всегда, использовать дистанцию в качестве личного огнетушителя наших отношений, Влад сократил ее еще больше. Уткнувшись лбом мне в изгиб шеи, парень глубоко вздохнул. Уверенная хватка превратилась в уютное объятие, и выдохнули мы уже син-

хронно.

– Я кое-что так и не сказал тебе, Герцогиня, – тихо произнес Яблонев, и от его тона все внутри замерло в ожидании. Наверное, так пациент, подозревающий у себя смертельную болезнь, ждет оглашения диагноза врачом. – Ты очень храбрая и сильная, Агата. Чертовски упрямая и до безумия бесстрашная. Я хочу, чтобы ты знала, что я гордился тобой каждую секунду на крыше и продолжаю гордиться сейчас. Спасибо, что однажды вечером ты решила прогуляться по парку и не прошла мимо той женщины, потерявшей пса.

В горле встал ком. Закрыв глаза, я сосредоточилась на дарящих тепло руках и ровном биении его сердца, стучавшего мне в лопатку, словно требуя впустить. По всем канонам в такой ситуации следует перевернуться и высказать все касанием, без плоских слов, но для нас это невозможно. Клятва Влада, данная Захаровой в порыве дикого отчаянья и боли, будет действовать еще девять месяцев, прежде чем наступит день для ее отмены. Он обещал на своей крови, что больше никого не полюбит. Нарушение повлечет за собой серьезные последствия, потерю чего-то ценного, от близких людей, до здоровья и дара. Возможно, своим поцелуем на крыше, мы уже пошатнули ее. Возможно, я совершила ошибку, отчаянно ища с его стороны подтверждение тому, что чувствовала сама. Возможно, все следующие девять месяцев мне лучше даже в мыслях держаться подальше от воспоминаний об этом моменте... Но как отставить до лучших времен то, что

дарит счастье?

Связь практикующего и фамильяра ощущалась сейчас так же всеобъемлюще, как и на крыше. Канат верности, понимания и силы, натянутый между нашими сущностями, нашими душами. Я чувствовала его осторожность и радость как свои собственные. Редкий случай, когда Влад не перекрывал свои эмоции наглухо. Высший уровень его доверия, несомненно.

– Спасибо, что поддался на уговоры Насти и Вари и провел ритуал по поиску фамильяра, – так же тихо ответила я, боясь спугнуть то, о чем изначально опасалась заговаривать. – Там, на крыше, когда я сказала...

– Я не отказываюсь, – пробормотал Яблонев мне на ушко, и это... стоило всего.

Значит, мы останемся честны и не будет отговариваться адреналиновой ситуацией, в которой чего только не ляпнешь. Три заветных слова, понятных на любом языке мира, могут вылететь неожиданно, адресованные кому угодно на волне настроения, но это не наш случай. В мире практикующих нет места несерьезности.

– Очень хорошо, потому что я – тоже, – уже куда увереннее заявила я, справившись с собой. Зубы сомкнулись на шее коротким укусом, я дернулась всем телом, жмурясь от вспышки удовольствия. Только Влад может оставить последнее слово за собой, ничего при этом не говоря. Впрочем, такая точка мне нравится, грех жаловаться.

– Останешься на ужин? – спросила я, когда, отстранив-

шись, ведьмак сообщил о необходимости выйти и покурить.

– Только если ты пообещаешь, что мне достанется хотя бы одна отбивная.

– Так и быть, – манерно взмахнула я рукой. – Одна достанется.

Обувшись, парень посмотрел на меня вопросительно:

– Я буквально чувствую, как свербит твое любопытство. Что?

– Серьезно, как мама утром с тобой поговорила? – выпалила я на одном дыхании, уже несколько часов мучимая этим вопросом. Прощлая встреча и попытка вместе поужинать провалилась с треском, и я не хотела повторения даже чего-то отдаленно похожего.

– Успокойся, – улыбнулся Влад. – Она поменяла свое мнение. Вообще-то, она даже обняла меня утром, когда я зашел, и извинилась за свое поведение.

– О, здорово, – моргнув, я широко улыбнулась, окрыленная этой новостью. – Значит, все в порядке, да?

– В полном, не переживай, – накинув куртку, Яблонев вышел из квартиры, прихватив ключи.

Вид того, как он перешагнул порог, и дверь закрылась, на секунду кольнул странной тревогой. Слишком быстро, чтобы распознать, на что указывала интуиция. Повернувшись к зеркалу, я наткнулась на собственный озадаченный взгляд.

Игнат и его возможное возвращение.

Отец-фамильяр и дядя-практикующий с багажом из се-

мейных тайн и перспективой серьезного разговора.

Девять месяцев до отмены клятвы Яблонева, которые надо как-то пережить, не ставя при этом под угрозу все значимое для темного.

Просевшие отношения с мамой, где неясно, как и к чему подступиться.

Пропуск двух дней в универе с учетом приближающейся зачетной сессии.

Может быть, что-то и было в порядке, но точно не все.

Глава 3

Было что-то неправильное в том, чтобы ощущать среду как понедельник. Все вокруг куда-то спешили, что-то обсуждали, разговаривали о приближающихся выходных, а я, ожидая Ругалову у третьего корпуса, все не могла отойти мыслями от предыдущих. Странное волнение и ощущение ирреальности происходящего не уходили, впившись в меня с удвоенной силой ровно с той секунды, как Влад покинул нашу квартиру в половине десятого вечера.

Ужин с мамой прошел довольно гладко, хотя первый час я сидела, как на иголках, ожидая, когда ее недовольство вырвется наружу. К счастью, я зря так переживала, мама и Яблонев вели непринужденную беседу, изредка разбавляя ее шутками, и потихоньку я влилась в их разговор. К чаю наступил тот момент, когда мама все же попросила рассказать, что именно произошло на крыше, и, дождавшись моего молчаливого согласия, Влад пояснил ей все ключевые моменты со своим особым умением доносить все сложное простыми словами.

Несмотря на сильно облегченную версию нашего «приключения», у мамы все равно задрожали губы и пальцы. Думаю, ее взгляд я запомню на всю жизнь, потому что прежде никогда не видела ее настолько растерянной и напуганной. Понятия не имею, как она представляла практикующих до

этого, что знала точно, а что додумывала сама, но Влад, кажется, показал ей новый угол зрения.

По крайней мере, больше никакой антипатии к моему ведьмаку не наблюдалось. Честно говоря, из опасного темного практикующего, вовлекшего единственную дочь в мир мистических проблем, Яблонев в ее глазах внезапно превратился в мифического персонажа – идеального «сына маминной подруги». Оставалось только надеяться, что Влад не подсыпал ей в еду какое-нибудь зелье авторства собственной матери, и эффект такой перемены не окажется кратковременным.

Воровато осмотревшись, я погладила большим пальцем агат на кольце-обереге. Прежде чем уйти, Влад проверил его по моей спонтанной просьбе и не обнаружил никаких странностей. Кольцо, по его словам, сейчас было еще сильнее, чем прежде, впитав энергетику нашей связи в момент проявления ее мощи.

Жаль только, что в настройки кольца не входила защита от кошмаров. Проснувшись в пять утра, я несколько минут убеждала себя и зашедшееся ударным битом сердце, что жива и нахожусь в собственной кровати, а не умираю на асфальте, шагнув с крыши. Мне снился Илья: подавленный, несчастный и обреченный, он все спрашивал и спрашивал одно и то же. «Ты же понимаешь, что это начало?». Даже сейчас я все еще слышала в голове эту сочувствующую интонацию и роковую неизбежность. Жутко.

Тряхнув головой, я сделала очередной глубокий вздох. Воздух пах весной и теплом, в ветвях деревьях на территории корпуса вовсю чирикали птицы. Не услышав ни одной вороны, я почему-то приняла это за дурной знак. Скажи мне кто в январе, что вороны будут играть для меня такую большую роль и заслуживать особого внимания, покрутила бы пальцем у виска. Сейчас же существовала вероятность, что сомневаться окружающие могут как раз в моей нормальности.

К очевидным причинам для нервоза из-за мира практикующих добавлялись кратковременные приступы паники и паранойи, знакомые каждому. Пропустив два учебных дня на фоне приближающихся майских праздников и зачетной сессии, я чувствовала себя неуютно, слово первокурсник, впервые прогулявший пару. Какое-либо понимание происходящего в студенческой жизни исчезло, я не помнила, должна ли была что-то отвечать на прошедших семинарах, сдавать какие-то курсовые, и не было ли тестов по профильным предметам.

Вчера я слишком поздно освободилась, чтобы иметь возможность засесть за ноут и написать кому-то из одногруппников. В таких вопросах я доверяла только Ленке Кручиловой, как старосте группы, и Ярославе Самойловой, как человеку с повышенным чувством ответственности и присутствовавшему на всех парах без исключения, какими бы убийственно-скучными они ни были. Да и, если честно, на-

кануне все мое внимание занял подарок Влада, над которым я просидела несколько часов.

Рука сама собой потянулась к внутреннему карману ветровки, буквально прожигаемому айфоном. То и дело казалось, что он не на месте, может куда-нибудь выпасть и разбиться. Несмотря на все великолепие техники и ее возможностей, я предсказывала себе долгое привыкание к ней и не только из-за ее непривычности.

В обществе существовало предубеждение, что дорогие подарки и хорошие домашние девочки понятия несовместимые, и первое даже исключало второе под косые взгляды и завистливые шепотки любителей посплетничать.

Хмыкнув, я почему-то представила себе Прахову и Захарову, строящих из себя домашних девочек. Выходило плохо, фантазия упорно отказывалась менять трость Насти на половник, а Варины черно-красные луки на фартук и бигуди. Если для меня это была не та история, то для них даже не та полка с книгами.

Нос уловил теплую травянистость, и, повернув голову, я увидела только что вышедшую из-за угла Ругалову. Счастливо вскрикнув, подруга раскинула руки и побежала... рысью. Из-за фиолетовой ветровки, розовой майки, ярко-голубых узких джинсов и бирюзовых кед с лимонно-желтыми шнурками казалось, что на меня несется радуга.

– Агата! – взвизгнула подруга, крепко стискивая меня в объятьях. – Ты пришла! Я думала, что ты будешь только на

следующей неделе... Как ты? Прости-прости-прости, я хотела тебе позвонить, но Леша сказал, что не надо тебя тревожить... Хорошо себя чувствуешь?

– Да я...

– Уже видела Влада? А что сказала твоя мама?

– Ир...

– Ой, твоя губа, этот урод тебя так?

– Тпру! – наконец, нашла я верное слово, удивительно оборвавшее весь словопоток Ругаловой.

Переглянувшись, мы рассмеялись и снова обнялись, на этот раз без намека на борцовский захват, каким она едва не повалила меня на лужайку.

– Я в порядке, наверное, – поделилась я, когда мы направились в корпус. – В смысле, чувствую себя неплохо, просто сложно поверить, что все это произошло.

– Похоже, как когда узнаешь о практикующих? – серьезно спросила Ирка.

– Нет, не особо, – задумалась я. – Там шок, удивление, скепсис, а тут и радость, и страх, и боги знают, чего еще намешано.

– «Боги знают», – фыркнула Ирка. – Совсем как Влад сейчас сказала. Даже с его интонацией.

– С кем поведешься... – многозначительно приподняла я бровь, и мы снова прыснули.

Сверкнув студенческими перед бдительной охраной в ли-

це бабульки в зеленой вязаной кофте с прической-одуванчиком, мы припустили на третий этаж, где в коридоре, перед закрытой аудиторией, уже толпились наши одноклассники.

– Привет, – поздоровались с нами неразлучная парочка Марина Богатырева и Нинка Алферова. – Присоединяйтесь к нашим молитвам, чтобы культурологичка заболела и не пришла.

– А следующим у нас что?

– ПМК, – кисло сообщила Марина. – Лекция.

«Психология массовой коммуникации» могла бы быть очень интересным предметом, не веди ее дотошный до занудства Лев Константинович Щебин. Переглянувшись с Ирой, я качнула головой на ее молчаливое предложение свалить и поговорить. Уйти, конечно, хотелось – весенний день звал гулять в парке, а не сидеть в аудитории, но с третьим днем отсутствия подряд до деканата и разбирательств рукой подать.

– Ого, что это с твоим лицом, Вольская? – поинтересовалась Инга Марьянова, отвернувшись от своей «куриной» свиты. Смерив взглядом предводительницу сплетниц нашей группы, я не уловила какого-либо участия или беспокойства. Только жажду очередной косточки-сплетни для обсасывания.

– А с твоим? – я насмешливо приподняла бровь.

– Я про губу, – кивнула она на след от столкновения с железной дверью (аплодисменты Игнату).

– А я про в целом, – парировала я, ловя укоряющий взгляд Ирки.

– Я бы сказала, что ты нарвешься, но вижу, что на кого-то ты уже нарвалась, – мило улыбнулась Марьянова.

Сучка.

– Или кто-то нарвался на меня.

Допускаю, мой взгляд был крайне недобрый, может быть даже враждебным. Десны зачесались, в ментальном, черный дог, до того бежавший трусцой по дороге среди полей, настороженно остановился и раскрыл пасть. Втянув носом, я изогнула губы в хищной улыбке.

От Марьяновой шел душок страха. Внешне главная курица группы хорохорилась, наверное, со стороны казалось, что мы продолжим конфликтовать, но нам обеим уже все было ясно. Что-то в *моих* глазах напугало ее и вывело из спячки инстинкт самосохранения. Что-то в *ее* глазах выдавало добычу и звало меня на охоту.

Я чувствовала Яблонева. Не эмоции, а само присутствие. словно стоит оглянуться, и ведьмак будет где-то в паре шагов рассматривать окружающих, склонив голову на бок, как обычно. Едва ощутимый запах воска, древесины и табака лишь подтверждали и обостряли это ощущение.

Раскрыв рот и наверняка собираясь сказать какую-нибудь пакость, Инга внезапно раскашлялась. Сильно, утробно и сухо, как при запущенном бронхите. Приступ оказался таким мощным, что согнул ее пополам, и в какой-то момент мне,

как и всем вокруг, показалось, что ее вот-вот стошнит.

Выпрямившись с бордовым, как настоявшийся свеколь-ник, лицом, Марьянова сморгнула слезы и, все еще покашливая, стремительно покинула коридор. Едва не зацепившись плечом с культурологичкой на лестничной площадке, Инга обернулась, и ее главная подпевала Наташа Запатова тут же поспешила за ней. Наши взгляды снова на мгновение пересеклись, и на этот раз я не смогла понять, что сверкнуло в ее глазах. Понятно было только то, что оно совершенно мне не понравилось. Примерно так же, как может не нравиться наступить на хвост гадюке в темном лесу.

– Вот это я понимаю – злобство поперек горла встало, – пошутила Богатырева, и отовсюду донеслись смешки, разбивая сгустившееся напряжение.

– Как ты это сделала? – округлила глаза Ирка, когда мы заняли заднюю парту у окна.

– Не уверена, что это моих рук дело, – еле слышно ответила я, доставая свой новый телефон.

– Ого-го, – едва сдержала восторг Ругалова. – Карыч расщедрился? Можно посмотреть?

«Карыч»! Зажав рот рукой, я изо всех сил пыталась не засмеяться, медленно стекая по стулу. Судя по косым взглядам, получалось не очень. Требовательно кашлянув, преподавательница, чьего имени и отчества я совершенно не помнила, строго обозначила, что зачет светит лишь тем, у кого есть все лекции за семестр.

– Интересно, они вообще понимают, что этот метод больше не работает? – недостаточно тихо для моего слуха спросила Алферова, сидевшая впереди. – Просто берешь, фоткаешь лекции, какие есть, кидаешь в общий чат и ловишь там те, которых нет.

– Не пали контору, – хмыкнула Богатырева.

Способ, конечно, неплохой, но я знала и получше. Кто-то в группе ходил на все занятия с ноутбуком, а, значит, вместо фото с чужим корявым почерком, можно списать все с вордовского документа... Завертев головой, я внезапно не увидела самого образцового посетителя пар – Самойлову.

– У меня галлюцинации, или Ярославы правда тут нет?

– Ее с начала недели нет, – тихо ответила Ругалова. – Кручилова сказала, что у Несмеяны бабушку положили в больницу, что-то серьезное, так что ей не до учебы.

Ладно, наверное, стоит написать ей вечером, осторожно поинтересоваться как дела и предложить помощь. К счастью, я всегда хорошо улавливала эту тонкую грань между навязчивостью и искренним желанием помочь. Должно быть, одна из заводских настроек фамильяров, ведь все мы, как любит говорить Влад, «те еще альтруисты».

Подумав о Яблоне, я, чертыхаясь про себя на сенсорную клавиатуру и прочие премудрости однокнопочного, набрала сообщение: «Если кто-то во время ссоры резко начинает кашлять, что это значит?».

Уже отправив вопрос, я осознала, как глупо он звучит.

Все равно что запросы в поисковике о значении снов. Что-то неприятно кольнуло в правый висок, крошечная вспышка, заставившая поморщиться и дернуть рукой к источнику уже исчезающей боли.

– Что-то болит? – тут же насторожилась Ирка.

– Да нет, просто...

– Я чувствую головную боль, – прошептала подруга, покосилась на распинаящуюся у доски культурологичку и написала карандашом на полях тетрадки: «У меня выросли спи-ти фа-ра, теперь я чувствую болячки».

Выросли способности фамильяра? Нет, конечно, Влад говорил, что наши возможности из-за сильной звериной составляющей превосходят обычных людей физически и ментально, но мне казалось, что на этом все и останавливается.

Взяв карандаш, я быстро вывела: «Разве это не Лешины сп-ти?»

«По сравнению с ним я улавливаю самую малость, что-то вроде отголосков его сп-тей. Он говорит, это из-за связи. Ты дернулась, и я сразу поняла, почему. Как шилом в висок ткнули, правда?»

Шилом в висок... Да, очень и очень верное сравнение. Кивнув, я написала: «Ты поэтому решила, что кашель Глав-КуКу – моя работа?». Ирка так же кивнула в ответ и стерла всю переписку.

Под ладонью дернулся айфон, мигнув сообщением от Влада.

Князь: «Либо он болен, либо хотел высказать или сделать против защищенного ментально человека что-то весьма негативное. Защита реагирует на эти колебания и мешает им выплеснуться в пространство. Кашель, рвота, потеря сознания, внезапное падение – вариантов много. Я почувствовал полчаса назад, как моя защита на тебе кого-то прихлопнула».

Подтверждение, что я к случившемуся с Марьяновой прямого отношения не имела, принесло одновременно облегчение и удовлетворение. Понятно, почему я ощутила Яблонева совсем рядом, это была его защита... Чертовски приятно.

«Так, значит, теперь ты защищаешь меня 24/7?».

Князь: «Теперь? Я оскорблен».

Наверное, другие практикующие, вроде бывшего лучшего друга Влада Павла, или едва не убившего нас Ильи, умели обходить такую реакцию, в отличие от простых людей.

«Хочешь сказать, что эта защита на мне давно?»

Князь: «С первого укуса, Герцогиня, и я крайне внимательно отношусь к ее регулярному обновлению».

Представив, как мой ведьмак, весьма довольный собой, ухмыльнулся экрану, я уставилась в окно. Не хотелось освещать всю аудиторию улыбкой в тысячу ватт. К тому же, последнее «обновление» произошло только вчера, и наверняка сейчас мы оба о нем подумали.

Повернувшись на тычок Ругаловой, я коротко изложила ей на листе, что Инге досталось лично от Влада, и я, как Дуремар из «Буратино», совсем здесь ни при чем.

– Интересно, это только ваши такое ставят, или наши тоже умеют?

– Иди, доведи Курятник до ручки, и проверим, – хмыкнула я, сильно сомневаясь, что светленькие могут пойти на такой негуманный прием.

– Мы не нападаем первыми, – фыркнула Ирка.

– Святоши, – тем же тоном ответила я, решив спросить Яблонева про новые способности фамильяров при личной встрече. Может, у темных такого не бывает вовсе, что-то не припомню ничего подобного в рассказах Мирковой, а она фамильяр подольше нашего с Иркой.

– А Влад тебе сказал о поездке в субботу? – поинтересовалась Ирка, едва мы вышли из корпуса.

– Ага. Ты что-то знаешь о костре силы, и что это такое?

– Ни малейшего. Я же новичок, как и ты, – развела руками Ругалова. – Леша только разразился своим дельфиньим смехом и сказал, что это надо прочувствовать.

– Какая знакомая песня! – притворно изумилась я. – Представляешь, я ее тоже где-то слышала!

– Хит сезона, – авторитетно утвердила Ирка, и мы расхохотались, бодро шагая к одиннадцатому корпусу. – Я только надеюсь, что через него не придется прыгать. Ты же знаешь, что я и огонь, это...

– Потенциально билет в ожоговое отделение, – покивала я, не раз наблюдавшая, как подруге попадает от капризной стихии. Один раз она умудрилась серьезно обжечься о на-

гревшуюся на солнце железку.

– Так или иначе, я рада хотя бы тому, что никаких ночевок в палатках и песен под гитару не предвидится.

– А то, тебе лишь бы было где волосы с утра помыть, – мигом раскусила я причину Иркиной нелюбви к походной жизни.

– Между прочим, правильный уход за волосами – очень важная составляющая жизни любой неглупой женщины, – задрала Ирка нос.

– О, боги, какими еще составляющими нас удивят неглупые женщины? – прокомментировала я, наверняка скопировав один из лучших саркастичных взглядов Влада.

Повторный приступ хохота заставил нас вцепиться друг в друга, чтобы не упасть.

– Агат, Ир! – донеслось в спину, и все мое веселье от заикленности Ругаловой на ее шевелюре испарилось.

– Вот черт, – пробормотала я.

– Он все еще не знает, что ты... Влад... Послушай, ну это уже реально полные «о боги», – вытаращилась Ирка.

– Я его не обнадеживала! Это вообще все ты виновата, – прошипела я, оборачиваясь и растягивая губы в приветливой улыбке.

– Всего лишь хотела помочь тебе прекратить сохнуть по его княжескому высочеству, – пояснила подруга, едва размыкая губы из-за милой улыбки приближающемуся к нам Денису Хворостухину.

Конечно, Ирка была права, и, конечно же, я скорее откушу себе язык, чем это признаю. Что-то вроде одного из нерушимых законов лучших подруг на век. Одна говорит абсолютную правду, вторая молча слушает, обе знают, что происходит, но никто не углубляется в тему до грани скандала. В противном случае это не дружба на век, а паразитизм до первого конфликта.

– Осторожнее в выражениях, про клятву забыла?

– Клятва касается только вашей связи, а не твоей личной жизни, – быстро напомнила Ругалова последствие, пожалуй, самого крупного своего косяка в мире практикующих. Еще в феврале Ирка бурно выражала протест касательно моего фамильярства, давила предвзятым отношением к Яблоневу и полностью оправдывала свою фамилию, доводя своими выводами до белого каления. Принцип Влада защищать свое вкупе с правилами практикующих по урегулированию таких вопросов привели ее за стол Захаровой – мастера по клятвам на крови и еще неизвестно чему.

– Заткнись и только попробуй свалить.

– Привет, девчонки! – улыбнулся Денис, наконец-то поравнявшись с нами. – Как ваши дела?

Я посмотрела на парня, видя все то же самое, что и всегда. Светлые волосы, голубые глаза, широкая улыбка, неоновая вывеска «Хороший Парень» на лбу. Добрый, жизнерадостный, активный, с неплохим чувством юмора, вкусом в музыке, сущностью оленя и ароматом хвои....

Сколько бы положительных качеств еще я ни перечислила, Дэн все равно не вызывал во мне ничего, кроме обычной симпатии и желания провести экскурсию по залу френдзоны. В отличие от Влада, каждую минуту рядом с которым я чувствовала себя вулканом. Неважно, спящим, пробуждающимся, или извергающимся во весь кратер.

– Да вроде нормально все, – протянула Ирка.

– Думаем, как пережить очередную сессию, – добавила я.

– Везет вам, я пока занят вопросом, как до нее дожить, – скривился парень.

Наши взгляды пересеклись, и возникла та особая неприятная пауза, когда все всё понимают. Я знаю, что он хочет поговорить наедине, он уже видит, что это бесполезно, но все равно надеется, а Ирка усиленно делает вид, что стоять рядом со мной – важнейшая миссия всей ее жизни.

– Ладно, мне пора, еще на четвертый в девятом подниматься, – первым сдался Денис с нескрываемым разочарованием в голосе. – Увидимся на философии.

– Пока! До встречи, – вразнобой ответили мы с Иркой, сворачивая к гуманитарному.

– Пояснишь, что это было? – Ругалова достала из сумки яблоко. – Хочешь? У меня еще два есть.

– Нет, спасибо, не хочу лишать травоядных их единственной пищи, – хмыкнула я, вспомнив, что в холодильнике меня ждут две отбивные и картошечка, требующая, чтобы ее разжарили. Вот она, нормальная еда, придающая сил.

– Очень смешно, но вернемся к первому вопросу.

– Это который «Что делать?» или «Быть или не быть?»?

– Агата!

– Хорошо-хорошо. Я знаю, что нравлюсь ему, мы один раз сходили в пиццерию, поговорили, я честно сказала, что он меня не интересует, и мы остались друзьями. Вот и все.

– Врешь как дышишь, – прищурилась Ругалова.

Когда это она стала такой пронизательной?

– Я рассказала все как было.

– Вот только не договорила что-то.

Ну просто не в бровь, а в глаз.

– Хорошо! Я облажалась с Дэном. Вместо твердого «нет» выдала фигню с «мне нужно время», то есть дала шанс, понимаешь? Тогда мне это казалось правильным, я не хотела обижать его, да и ситуация с Владом считалась понятной, я же не знала, что... – я оборвала себя.

Не знала – что? Что не смогу без своего ведьмака? Что у него есть ко мне чувства, которые он держит на коротком поводке, пока клятва не проснулась? Знала. Интуитивно, конечно, но все же знала.

– Лешка говорит, что так делать нельзя.

– Как так?

– Это сложно, – сморщилась Ругалова. – В общем, основная мысль в том, что жалеть в настоящем о поступке в прошлом, когда он был сделан из лучших побуждений, нельзя. Этим ты подселяешь в себя самого жуткого червяка, – заяви-

ла она и выбросила огрызок в урну.

– Какого еще червяка?

О, боги, мне только паразитов не хватало до кучи. Почти уже слышу шутки про глистов и прочую мерзость, цепляющуюся к собакам. Нашему кругу палец в рот не клади, по крайней мере, темной его части.

– Сожаления. Леша уверен, что отрицательные эмоции, направленные на самого себя, вроде сожаления, разочарования или страха сжирают человека намного быстрее, чем это делает самая страшная болезнь.

– О, – как всегда глубокомысленно ответила я, узнавая этот ни с чем несравнимый стиль высказываний практикующих.

– Вот тебе и «о», – развела руками Ругалова.

На третий этаж к нужному кабинету мы поднялись не раньше, чем Ирка хорошенько прошерстила буфет на предмет молочного шоколада. Довольная собой, шоколадкой и жизнью, Лошадка уступила мне место у окна. Пусть подруга выглядела беззаботно и в отличном настроении, моя непогрешимая интуиция чувствовала здесь какой-то подвох.

– Ты чего это такая добрая? – подозрительно спросила я.

– Серьезно? – фыркнула она. – Нашла кого спросить.

– Не знаю, какой нимб ты у себя на голове воображаешь, но добренькая ты далеко не всегда, – напомнила я.

– И пусть, это нормально, – пожала плечами Ирка. – Главное мотив действия и посыл, а не как это выглядит для окру-

жающих.

Или я с утра проснулась в параллельной вселенной, или Ругалова действительно начала доверять Леше и не только слушать, но и *слышать* своего практикующего.

Обведя взглядом кабинет, я, наконец, обнаружила причину такой уступчивости подруги. Сидя у прохода, она почти целиком загораживала меня от Марьяновой. Не думала, что увижу их с Запатовой на этой паре...

– Ты что, защищаешь меня от КуКу? – яростно прошептала я.

– Скорее, ее от тебя, – последовал вполне себе «светленький» ответ, после чего Ирка посмотрела на меня с выражением глубочайшего дзена и будто бы одной жизнью в запасе. – Честно говоря, я не думаю, что с тобой все в порядке, Агат. Мне кажется, все как раз наоборот, и я пытаюсь предотвратить очередной конфликт. Ты же первая начала ее задирать.

Понадобилось два глубоких вдоха, длительное изучение облаков в окне и напоминание самой себе, что до таблички «Осторожно! Злая собака!» на шее рукой подать, а это совсем не то, что нужно в отношениях с лучшей подругой.

– Ты же поняла, зачем она спрашивает, – как можно спокойнее проговорила я.

– Конечно. Только ты могла проигнорировать и ответить нейтрально, а не раздувать перепалку до быстрого реагирования защиты, – кивнула Ирка. – Раньше ты бы просто отшутилась и закрыла тему.

Я почти нашлась с ответом, когда в кабинет зашел Щебин. Как всегда в сером костюме и с коричневым дипломатом. Поправив круглые очки в толстой оправе, Лев Константинович сел за преподавательский стол и потребовал у Кручиловой журнал посещений. Стараясь пропускать мимо ушей его противный дребезжащий голос, называющий фамилии, я видела, как он отмечает присутствующих и в своей ведомости, и в журнале старосты. Да уж, такой пропуск точно не закрыть.

– Петров?

– Болеет, – стандартно ответила Ленка.

– Воспалением хитрости? – фыркнул Щебин, и его и без того слишком тонкая верхняя губа скрылась под щеткой седых усов. – Передайте юноше, что у него всего две явки за семестр, и я не допущу его к экзамену без сдачи хотя бы восьми работ из десяти.

– Передам.

Да уж, не повезло Ваське. Я мысленно подсчитала свои собственные сданные работы и посещения. Вроде бы на допуск наскребалось.

– Самойлова?

– Отсутствует.

– Болеет?

– Отсутствует, – терпеливо повторила Кручилова. – По семейный обстоя...

Почувствовав какую-то странную тревогу, я повернула го-

лову налево, к окну. К нему стремительно приближалось что-то черное и... Я вскрикнула, когда в стекло, прямо напротив моего лица, на полной скорости врезалась ворона. Всего мгновение черные глаза смотрели на меня со всем безумием, паникой и ужасом, а затем погасли. Птица рухнула на землю.

Кто-то вскочил со своих мест, раздалась еще пара вскриков, я же смотрела на кровавые брызги на стекле, чувствуя, как внутри все резко ухнуло куда-то вниз. Так же, как птица только что.

Ворона. Насмерть в окно рядом со мной. Шансы на совпадение или случайность отсутствуют. Не тогда, когда сущность моего практикующего – ворон, и с тех пор, как кое-кто отправился погулять с крыши, не прошло и недели.

Что это? Предзнаменование? Чье-то предупреждение? Игнат вернулся и уже готовит месть?

На каждый вопрос приходилось по удару сердца, во рту появился металлический привкус – разволновавшись, я обрезала язык об клык. В ментальном дог вздыбила шерсть и оскалилась в поиске источника угрозы. Когти впились в землю, мышцы гудели от напряжения, мы готовы были сорваться и бежать, преследовать невидимого врага, бросившего нам такую «перчатку».

Голова резко закружилась, виски снова пронзило раскаленной иглой, Ирка потянула меня за рукав, заставляя сесть. Надо же, до этого я не понимала, что оторвалась от стула.

В карих глазах подруги плескались волны тревоги с пеной страха, но это не помешало ей переплести пальцы с моими под партой и крепко сжать.

– Дыши, просто дыши и думай о чем-то хорошем. Не смотри вокруг, у тебя глаза почти желтые, – прошептала Ру-галова.

Щебин поспешил успокоить группу, начав молоть какую-то чушь о птичьих болезнях, климате и потере ориентации в пространстве. Якобы распространенный случай. Большая птица. Ничего выдающегося.

Интуиция насмехалась и ставила печать абсурда на каждое его высказывание. Глубоко вдохнув пару раз, я покосилась на оживший вибрацией телефон. Определенно, Влад почувствовал мою ярость с щепоткой паники.

Я почти потянулась за айфоном, когда поняла, что речь преподавателя, до того звучащая где-то на заднем плане, сменилась тишиной. Короткое предупреждающее пожатие Ирки подтвердило, что она каким-то образом относится ко мне. Нехотя подняв голову, я встретилась со сверлящим взглядом Щебина.

– Что, простите? – переспросила я, догадываясь, что пропустила какой-то вопрос.

– Вы хорошо себя чувствуете? – противный голос, как пилой по железке, вспорол мой слух.

Прекрасно, спасибо, что привлекаете ко мне внимание, именно его-то мне сейчас и не хватает!

– Да, со мной все в порядке, – уверенно ответила я, выдерживая взгляд его водянистых глазок. На мгновение язык словно окунулся в болотную жижу. Фу.

Ничего больше не сказав, он вновь опустился за свой стол и вернулся к теме лекции. Выждав еще пару минут, я посмотрела сообщение.

Князь: «Что с тобой? Если не ответишь, позвоню через пять минут».

Несмотря на то, что в запасе у меня было еще две, я напечатала свое «Позвоню на перемене» так быстро, как смогла. Переглянувшись с Ирккой, я покачала головой в ответ на ее безмолвный вопрос. Не хотелось делиться с подругой собственными страшными догадками и подозрениями, неважно, насколько обоснованными они могли быть.

Едва дождавшись пятиминутки, мы под шумок выскользнули из аудитории с вещами, спешно покидая корпус.

– Черт возьми! Это уже ни в какие ворота! – взорвалась Ругалова, когда мы отошли подальше.

– Ты о чем?

– Seriously? Этот придурок последние мозги растерял, Яблонев его в блин раскатает так, что никто отлепить не сможет, – всплеснула подруга руками.

– Подожди, ты что, понимаешь, что произошло?

– А что тут понимать? – округлила она глаза. – Понятное дело – Безродный сошел с ума и напрашивается на проклятье.

Упоминание бывшего лучшего друга Влада, ведьмака-самоучки и нынешнего парня девушки, разбившей Яблоневу сердце, поставило меня в тупик.

– Думаешь, это был он?

– А ты разве нет?

Уж кто-кто, а он мне на ум точно не приходил.

– Я... Почему ты так решила, что-то почувствовала? Подожди, я обещала позвонить Владу... – оборвала я сама себя, доставая телефон.

Мой ведьмак снял трубку уже на середине первого гудка:

– Что случилось?

– Я не очень понимаю, что конкретно это было. Просто я сидела на паре, а потом в окно, прямо напротив меня, врезалась ворона и тут же умерла. То есть, я уверена, что она умерла, я... видела ее глаза, и как они... потускнели, и потом я вроде как взбесилась, глаза пожелтели, клыки заострились... Если бы Ирка меня не выдернула, наверное, зарычала бы, – неуверенно пробормотала я, покосившись на вышагивающую передо мной туда-сюда подругу, кивавшую на каждое мое слово.

– Скажи ему, – вскинулась Ругалова.

– Влад?

– Я здесь. Думаю.

Голос практикующего меньше всего напоминал задумчивый. Больше походило, что он в тихой ярости, скрытой под стальным самоконтролем. Я не чувствовала его эмоций по

нашей связи, но банальная логика подсказывала, что настроение Князя максимально далеко от улыбок и раздачи сладкой ваты.

– Это же не случайность, да? – расстроено спросила я.

– Их не существует, – отрезал темный. – Иди домой и отдыхай...

– Скажи ему! – громче напомнила Ирка.

– Что там хочет Лошадка?

– Она считает, что это был Паша, только я пока не поняла, почему.

– Есть такая вероятность, – признал Яблонеv после продолжительной паузы, и по спине поползли мурашки от вкрадчивости, с какой это было сказано. Не хотелось бы мне когда-нибудь услышать такие интонации Влада в свой адрес. – Агата, иди домой, я позвоню тебе вечером, как только все проверю и выясню.

– Я... Ладно, – пробормотала я, морщась.

– Что такое?

Конечно же, Влад слушал меня так же внимательно, как и я его, так что от него не укрылась моя досада.

– Я думала, нужно приехать к тебе, и мы вместе разберемся с этим, чем бы оно ни было.

что не с чем разбираться, я должен буду сделать пару вещей, чтобы увидеть, что именно произошло. Не хочу, чтобы ты тратила свои силы, толком не успев восстановиться. Понятно?

– Понятно, – протянула я, все еще недовольная.

Попрощавшись с Владом до вечера, я посмотрела на Ирку:

– Рассказывай, причем здесь Безродный?

– Шутишь, что ли? Да у него конкретно пригорело, когда он понял, что ты – потомственный фамильяр. Может, Алена и сильна, но тогда, в парке, ты отшвырнула ее, как мешок с мусором. Варвара сказала, что от его зависти зубы даже ей свело!

Я ничего подобного не заметила, но, с другой стороны, тогда моя голова была забита совсем другими проблемами. Крайне интересовал вопрос, останемся ли мы с Яблоневым вообще тандемом, учитывая все, что он скрывал о своей клятве и ее причине.

– Когда сказала?

– Когда мы везли их с Сашкой в Калугу.

– Хорошо, и зачем бы ему это делать?

– Ну, не знаю... Может быть, потому что он темный ведьмак с пунктиком насолить Яблоневу? – развела руками Ругалова. – Если подумать, то ослабить практикующего, выведя из строя его фамильяра, не такой уж и плохой план.

– Я не вышла из строя, – процедила я, внутренне закипая.

– Агат, – Ирка тяжело вздохнула и протянула мне руку. – Как только это случилось, ты... расвирепела. Это было что-то покруче твоей привычной вспыльчивости. Обычно ты просто сильно злишься и напиралась, но там, – она

неопределенно кивнула назад, – было совсем другое. Вроде бешенства и паники одновременно. На самом деле, я сначала почувствовала твой ужас, а потом уже злость. Не обижайся, но, повторюсь, ты не в порядке. Думаю, так и должно быть после всего, что с тобой случилось. Давай я пойду с тобой, посмотрим что-нибудь вместе? О, и еще я расскажу тебе про предков Праховой и их огромный домище...

Ирка продолжала свой монолог на тему, чем еще можно заняться, и я старалась отделаться от ощущения, что подруга играет в няньку. Однако вскоре слова Ругаловой и вовсе перестали достигать моих ушей. Холодок чужого внимания пробежался по позвоночнику и будто бы сковал морозом лопатки.

За мной кто-то наблюдал. Целенаправленно, внимательно и вряд ли с добрым намерением.

Нагнувшись поправить шнурок, я посмотрела под рукой назад, но ничего подозрительного не обнаружила. Выпрямившись, я снова пошла в ногу с Ирккой и сразу же поняла, что слежка исчезла. Или преследователь понял, что его заметили, или же у меня разыгралась паранойя.

Предпочтительнее было второе, а потому я не сомневалась, что верно первое. Мертвая ворона и неизвестный наблюдатель.

Как всегда, Влад оказался прав – мне следовало остаться дома.

Глава 4

Запах горящих трав коснулся носа еще на выходе из парка и усиливался с каждым шагом к дому Яблонева. Открыв ключиком дверь, я чудом успела выставить перед собой руки, спасаясь от коварного нападения огромной овчарки и пушистого умывальника по совместительству.

– Кельт! Привет, дружище, как твои дела, да-да, давно не виделись, чем это от тебя пахнет, ромашкой, что ли... – я заворковала над псом Влада, зарывшись руками в густую шерсть и стоически выдерживая безостановочные удары мощного хвоста по ногам.

Сам Князь курил на порошках дома, наблюдая за нами с полуулыбкой. К ноге ведьмака был прислонен рюкзак, в котором он обычно носил рабочие инструменты и атрибутику, а на первой ступеньке лежала большая спортивная сумка. По идее, где-то в пределах получаса за нами должны заехать Леша с Иррой, чтобы мы все вместе отправились праздновать – это слово вообще подходит? – Вальпургиеву ночь с ее кострами силы в какие-то дремучие леса.

– Привет, – я наконец-то добралась до своего практикующего, поборов энтузиазм Кельта. Жизнерадостно оббежав нас вокруг, пес скрылся в своей «летней резиденции» – будке, украшенной Владом шикарным шпилем и узорами с завитушками. Кроме резьбы по дереву Яблонев так же зани-

мался пирографией, но ее следов на домике Кельта я не заметила.

– Привет, – кивнул Яблонев с улыбкой, когда я опустилась рядом с ним. Серый цвет глаз ведьмака сегодня был ближе к перламутровому, а это означало, что он расслаблен и доволен. – Что, ни одного вопроса?

– Почему так пахнет жжеными травами? – начала я с самого несерьезного, но интересного. Конечно, я уже чувствовала присутствие Тамары – матери Влада, темной ведьмы, специализирующейся на делах любовных и психологической помощи клиентам. Но зачем она поджигает травы в доме, было неясно.

– Энергетическая уборка, – хмыкнул парень, указывая большим пальцем себе за спину. – Мама выкуривает отрицательную энергетику и чужие проблемы, обновляет защиту... Скоро начнется этап с солью и иголками, так что заходить туда запрещено всем. А теперь вопрос, который я ожидаю, Герцогиня.

– Если ты его уже знаешь, можешь сразу озвучить ответ, – пробурчала я, удержавшись от демонстративного скрещивания рук на груди.

– Нет, я не почувствовал никаких проявлений активности от Игната, – терпеливо проговорил Яблонев. – Равно как не увидел его близкого присутствия или причастности к случаю с мертвой вороной.

– А Паша?

– Он тоже ни при чем. Его спрашивала Захарова прямым текстом, а ей крайне сложно соврать, если вопрос и, что важнее, ответ ее действительно интересует, – повторил Влад свое вчерашнее объяснение.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, – я подперла голову рукой, глядя на парня. – Если это не Игнат как ожидаемый вариант, и не Паша как чуть менее ожидаемый вариант, то кто еще мог постараться с вороной и следить за мной?

– Агата, – Яблонев взял меня за руку, проскальзывая длинными бледными пальцами между моими. – Выслушай очень внимательно и не перебивай, хорошо?

– Хорошо, – сморщилась я, чуя недоброе. Слишком серьезный тон и неоправданно тяжелый взгляд подсказывали, что поспорить в какой-то момент захочется, пусть я еще и не знала, о чем пойдет речь.

– Ты многое пережила за последние месяцы. Становление фамильяром – серьезный стресс и без драк и похищения ма-ньяком-практикующим. Ты впервые столкнулась со смертью лицом к лицу и в ту же ночь встретила с родным отцом, никогда не видев его прежде. На фоне всего этого – совершенно неудивительно, что мертвая птица, тем более, ворона, воспринимается как предзнаменование чего-то страшного. В любой другой ситуации я принял бы это за дурной знак, как и ты, но иногда разбившаяся птица – всего лишь несчастное животное, и ничего больше.

– Ты думаешь, у меня паранойя, – недоверчиво посмот-

рела я на парня.

– Нет, – ведьмак едва ощутимо погладил костяшки моих пальцев. – Я думаю, что последние события выбили тебя из равновесия. После шторма океан не сразу становится спокойным, так и здесь. Твои способности были задействованы на максимум, даже больше, чем я мог ожидать. Вполне нормально, что они до сих пор... колышутся по малейшему поводу.

– То есть ворона – случайность, а слезка мне померещилась на почве обострившегося восприятия, – повторила я основные тезисы Яблонева.

– В противном случае я бы почувствовал, что моему фамильяру что-то угрожает, или он уже находится в опасности, – невозмутимо, словно приглашая на медитацию и поиски дзена, проговорил Влад.

– Как? Как ты это чувствуешь?

– Как будто мне пытаются вытащить мозги и сердце одновременно, – и глазом не моргнул темный. – Связь соединяет наши мысли и чувства, и именно их источники сообщают о проблеме на другом конце. Колебания чужих намерений коснулись бы тебя в любом случае, и это донеслось бы до меня, не справься защита.

– Есть ли способ скрыть от практикующего свои ментальные колебания?

Влад посмотрел на меня со скепсисом:

– Есть ли способ остановить твои вопросы?

– Нет, – буркнула я, сжимая его руку. – Твоя очередь.

– От практикующего можно скрыть что-либо, но только не тогда, когда он связан напрямую с тем, кому пытаются навредить. Понимаешь ли, следить за фамильяром – это все равно что следить напрямую за его практикующим, а мы хорошо чувствуем, когда кто-то нарушает наше пространство. Можно не видеть конкретную персону, но факт вмешательства всегда очевиден. Как если в дом пробирается вор, и срабатывает сигнализация.

Отвернувшись от ведьмака, я посмотрела на обнюхивающего забор Кельта. Заверения Яблонева казались логичными и весьма правдивыми. Было в них еще кое-что для меня диковинное и дефицитное – опыт и уверенность. Не обладая первым и не испытывая второго, стоило признать правоту Влада.

После испуга и парализовавшего той ночью шока, я все еще не могла прийти в себя. Только скрывала организовавшийся хаос за дверью привычного. Не разбиралась в нем, не прятала. Хуже. Притворялась, что его не существует.

– Хорошо. Как мне вернуть равновесие?

– Наконец-то правильный вопрос, – отметил ведьмак, поднимаясь. – Идем, ребята подъедут к остановке минут через пять.

– Ты не ответил.

– Тебе не нужен *мой* ответ.

– Слушай, обычно, я просто обожаю заплетать и распле-

тать свои извилины под твои загадки, но тебе не кажется, что сейчас немного другая...

Яблонев заткнул меня так, как делал до этого лишь раз, в нашу вторую, но для меня самую первую по восприятию, встречу. Щелкнул пальцами у меня перед глазами. Сухой резкий звук подействовал и на Кельта, тут же сосредоточившего внимание на хозяине.

– Ты придаешь моим словам больше сложность, чем в них заложено. Внутренний стержень – сочетание всех твоих возможностей и особенностей. Я придерживаюсь мнения, что это самый сложный механизм в сущности человека. – Потрепав пса по ушам, Влад вышел через калитку. – Эфемерный, индивидуальный, особенный во всем и отвечающий за самое главное. Личность. Если он находится в шатком состоянии, претерпевает какие-либо изменения, кренился между разумом и чувствами, никто посторонний не сможет его стабилизировать. Я знаю, как найти *свое* равновесие, но не твое. Этот ответ известен только тебе.

– Ну, конечно, я придаю сложность, – пробурчала я, шагая следом за ведьмаком. – Очень просто сейчас все объяснил, и младенцу понятно.

– Как только перестанешь ворчать и язвить, поймешь, что я прав, – так же спокойно рассудил темный.

– Ты что-то не договариваешь, я точно знаю, – зашла я с другого бока. – Если не можешь сказать конкретно, как насчет небольшой подсказки?

– Сегодняшняя ночь, в любом случае, должна тебе помочь, – чуть улыбнулся Яблонев.

– Да-да, «костер силы», – кисло покивала я, так и не добившись никаких пояснений.

– Слушай огонь, – туманно изрек практикующий.

– От создателей «смотри в воду», «разговаривай с землей» и «трогай воздух», – проворчала я.

Влад расхохотался, разворачивая мое приближающееся раздражение на сто восемьдесят градусов. Не сумев сдержать смешок, я присоединилась к его смеху, хотя мне точно было не до шуток.

О том, что ребята уже ждут нас, Яблонев сказал еще до того, как мы вышли из парка, и, конечно же, не ошибся.

– Наконец-то, мы уже собирались уезжать без вас, – широко и по-доброму улыбнулся Березин, открывая багажник.

– Конечно-конечно, – подыграл Влад, загружая наши сумки в ауди. – Ты, наверное, даже речь для остальных заготовить успел.

– Ага. Звучала бы она так: «не судьба», – фыркнул Леша, занимая водительское место, и мы с Иркочкой захихикали.

– Представляю я себе лицо Захаровой в этот момент, – хмыкнула я, устраиваясь на заднем за водительским. – Хотя, подождите-ка, нет, не представляю.

Придвинувшись вплотную к окну, я посмотрела, как Влад закрывает дверь. Что-то смутное, скорее тень мысли, чем она сама, промелькнула в голове, оставив шлейф растерянности

и раздражающее покалывание в висках.

– Что такое? – насторожился Яблонев.

– Не знаю, что-то вроде дежавю, наверное, – пожалала я плечами. – У вас такое бывает? Кстати, как мир практикующих объясняет это явление?

– Элементарно, – протянул Березин, перестраиваясь в другой ряд.

– Поезд приближается, застрянем на переезде, – предупредил Влад, по-птичьи склонив голову на бок и продолжая глядеть на меня.

Только не это. Такая поза означала лишь одно – режим сосредоточенности и пронизывающего насквозь внимания. Конкретно для меня это значило какой-либо неудобный, глубоко копающий, вопрос, или такой же вывод, что еще хуже.

– Знаю, – согласился Леша. – Успеем проскочить.

– Так что там с дежавю? – напомнила Ругалова, хрустнув яблоком. Когда она вообще успела его достать?

Цепкий вороний взгляд Влада временно меня оставил, предупреждающе сверкнув напоследок. Да, ему ясно, что я ляпнула первое пришедшее на ум, и да, мы еще поговорим об этом, но без свидетелей. А говорят еще, что такое взаимопонимание вырабатывается годами.

– Это мысленный скачок в будущее, – начал Яблонев. – Чаще всего он происходит во сне, когда человек находится в покое и его сознательное, отвечающее за рационализм, недоверие и приверженность логике не активно, в отличие от

бессознательного. Можно особенно ярко увидеть какой-либо момент, ощутить его сразу несколькими органами чувств, подробно запомнить и, вместе с тем, забыть сразу же после пробуждения.

– Ровно до того момента, пока он не произойдет в реальности, – вступил Березин. – Как правило, такие вещи у простых людей случаются интуитивно, хотя есть те, кто верит в программирование сна, засыпает с конкретным вопросом и получает во сне ответ.

– Но это же бесполезно, верно? – живо высунулось наружу мое любопытство. – Какой смысл видеть будущее во сне, если наяву увиденное вспомнить нельзя, пока оно не настало?

– Поэтому я и сказал, что это случается интуитивно и неосознанно у обычных людей, оказавшихся на жизненном распутье. Другие пытаются обмануть систему, запомнить сон, но это бесполезно.

– Почему? – спросила Ирка.

– Будущее – слишком чистое озеро, чтобы в него ныряли все подряд, оно тщательно защищает свои берега, – как всегда привел образный пример Яблонев. – Есть те, кому можно помочить в нем ручки, и гораздо меньше тех, кому позволено окунуться с головой.

– Ты, конечно же, о практи... Ой!

Ирка взвизгнула, я подлетела на сиденье, едва не встретившись головой с потолком, и завалилась на Влада, как мешок с картошкой. Разумеется, это не могло быть единствен-

ной неприятностью. Выступившие на глазах слезы, металлический привкус во рту и резкая боль в щеке и языке... О, боги, я умудрилась прикусить и то, и другое сразу!

– Говорил же, что проскочим! Шлагбаум сразу за нами опустили, – довольно заявил Леша, сбрасывая скорость.

Издав какой-то совершенно идиотский и плаксивый звук, призванный выразить, куда может проскочить Березин в следующий раз, я беспомощно посмотрела на склонившегося Влада. Как и когда его руки оказались обвиты вокруг меня, я не помнила, да это и не важно. Куда больше беспокоил за клубившийся в его серых глазах туман. Короткой искрой по нашей связи проскочило что-то холодное и тяжелое, и лицо парня неуловимо поменялось, выпуская наружу настоящего темного.

– У тебя кровь, – уронил ведьмак, дотронувшись большим пальцем до моей нижней губы.

Машину тряхнуло, как если бы мы налетели на камень.

– Влад, пригаси, я не хочу ловить колесами все ямы! – подтверждая догадку, громко попросил Леша.

– Тогда веди нормально, – резче, чем требовалось, велел Влад, вскинув голову на целителя.

– Успокойся, я понимаю, что...

– Не понимаешь, – оборвал ведьмак. – Поймешь, если испытаешь на себе. Желая тебе, чтобы этого никогда не произошло.

– Вы о чем? – встревожено спросила Ругалова, протяги-

вая мне влажные салфетки. Отлично, в одну точно придется сплюнуть – крови как будто зуб выдернули, что за невезуха!?

– Я понял, извините. Не сообразил, что тряхнет, – примирительно проговорил Березин, когда оба практикующих оставили вопрос Ирки без ответа. Я догадывалась, что имел в виду мой темный, но не хотела пугать подругу.

Сидя почти спиной к окну, Влад наблюдал, как я привожу себя в порядок. Неотрывный взгляд – сочетание птичьей зоркости и человеческой наблюдательности – сопровождал каждое действие. Это бы раздражало, не понимай я причины.

Когда в прошлый раз Влад видел кровь на моем лице, мы были в одном шаге от краха. Неудивительно, что тот же образ спустя такое короткое время спровоцировал ведьмака на... ментальную агрессию.

Бросив салфетки в предоставленный Ирой пакет, я, не задумываясь, протянула Яблоневу руку. Нужно отпустить это дерьмо. Нам обоим.

Ловко подметив мою зацикленность, темный ни словом не обмолвился о своей. Вряд ли я узнала бы о ее существовании, не проявись она так резко и ярко. Пока я нервно оглядывалась через плечо, Влад не выпускал меня из-под прицела своих способностей, опасаясь, что со мной вновь что-то случится. Все это рассказала связь, вот только не словами, которые можно трактовать по-разному, а эмоциями.

Длинные тонкие пальцы тесно переплелись с моими, и я

облегченно выдохнула про себя. Отлично, нас не заставят идти пешком за машиной, и никакая авария тоже не грозит. По крайней мере, пока Яблонев спокоен.

– Так я не поняла, – нарушила установившуюся тишину Ругалова. – Все практикующие могут заглядывать в будущее или нет?

– Не все и нельзя говорить об этом, как об одном и том же действии, – покачал головой Леша, покидая территорию завода. – Вот мракобесие! Мы застряли.

Я прыснула, сообразив, какое слово светленький заменил литературно-приличным «мракобесием».

– Разумеется, – чуть пожал плечами Влад. – Если в одном месте проскочил – в другом обязательно застрянешь. Баланс.

– Это вроде подпункта закона подлости? – оглянулась Ирка.

– Это вроде закона Вселенной, что, в принципе, одно и то же, – хмыкнул Яблонев.

– Вы второй раз уходите от изначальной темы, – заметила я, чуть сжав пальцы ведьмака. Интуиция чуяла какой-то подвох так же, как собачий нос колбасу.

– Не я, – он кивнул на Березина. – Это светлейшие у нас приверженцы принципа «меньше знаешь – крепче спишь».

– Эй! – возмутилась Ругалова. – Не забывай, в чьей машине сидишь, темнейший!

– А ты обрати внимание, где она остановилась, Лошадка. Тут ежика сколько ни зови – не придет, – усмехнулся Влад.

Посмотрев в окно со стороны Яблонева, я, первым делом, наткнулась взглядом на торговые палатки с венками и пустыми надгробиями, прежде чем обнаружила позади них кресты и ограды.

– Мы стоим в пробке напротив кладбища? – вытаращилась я.

– Как видишь, – отчего-то развеселился мой практикующий. – Какая ирония, не правда ли?

– Давай-давай, развлекайся, – протянул Леша. – Можем тебя тут оставить, вместе с твоим принципом «больше знаешь – быстрее действуешь».

– Как приятно, что ты наконец-то его запомнил.

– Вы же не собираетесь устроить батл светлые против темных на всю оставшуюся дорогу? – поинтересовалась я. – Мы с Ирккой на такое не подписывались. Расскажите лучше про предвиденье.

– О, боги, будущее можно не только увидеть во сне или, при должной концентрации, наяву, – скривился Влад. – Его можно так же услышать, почувствовать, осязать и даже ощутить на вкус. Умение применять любой из этих способов на высоком уровне – отдельная специализация. Базовые навыки присутствуют у потомственных, как часть дара, но очень часто сужены до конкретных областей или людей, часто родных и близких.

– Но вы же только что сказали заранее, что поезд приближается, – не поняла Ирка.

– Это уже состоявшееся действие, распространяющее свои колебания, – опередила я Влада. – А предвиденье – это знание о том, что произойдет до того, как его энергетика коснется пространства и начнет его шевелить, правильно?

– Совершенно точно, – одобрительно кивнул Березин.

– Что-то сильно и назойливо подсказывает, что этот разговор неспроста, – протянула Ругалова. – Не знаю, как ты, – подруга обернулась на меня, – но мне видится связь между ним и нашей сегодняшней поездкой.

Посмотрев на Влада, я наткнулась только на лукавую полуулыбку. Получается, Ирка была права, но мне не поступало никаких звоночков от интуиции на этот счет. Даже автоответчик не высвечивал пропущенный.

– Ладно, в чем прикол?

– Завтра поймете, – таинственно отозвался Березин, хотя обычно такая манера изъясняться была свойственна моему практикующему.

– Костры. Ну или костер. Это связано с ним, сто процентов, – заключила Ирка, в то время как я не почувствовала ничего. Может быть, она просто раньше ловит эти волны, и до меня ничего не доходит?

– Ты сказал мне слушать огонь... – протянула я, еще сама не зная, зачем. – И мы сейчас говорим про предвиденье... Костер рассказывает о будущем?

– Костер дает ответы, – снисходительно поправил Влад. – А теперь не мешайте мне наблюдать за фантомами, не хва-

тало еще, чтобы нас почувствовали. Некогда сейчас регулировать кладбищенское движение.

Как только речь зашла о покойниках, внутренний детектив Ирки сдулся, да и мой тоже перестал подавать признаки жизни. Уставившись в окно, на зеленеющее поле, я задумалась о том, что Влад сказал мне возле дома.

Могла ли слежка мне показаться? Бывают ли сбои в интуиции? Сейчас я ничего не почувствовала, в отличие от Ругаловой, просто сделала логический вывод. На вечерней отработке прогулов по физре пару раз запиналась о свои ноги, чего прежде никогда не случалось. Еще эти вспышки головной боли... До этой недели я даже не знала, что это такое.

Складывалось впечатление, что мои базовые настройки фамильяра по очереди, а то и все вместе, сбиваются. Варианта было два: или во мне сломался какой-то важный фамильярский механизм, или это что-то вроде прокачки до следующего уровня. Надеюсь на последнее, я пока не спешила тревожить Яблонева. И без того понятно, что темный не так спокоен, как показывает.

За своими мыслями я не заметила, как мы выехали на трассу, когда Ирка включила музыку, и как долго это продолжается. Единственной константой оставалась рука Влада в моей.

Удивительно, но тишина в такой, во всех смыслах, разношерстной компании совсем не угнетала. Наоборот, чувствовался домашний уют вроде растянутого теплого свитера и

кружки горячего какао на ночь. Наверное, отсутствие разговора в компании из четырех молодых людей могло показаться странным явлением, но, когда имеешь дело с практикующими, понятие «странно» становится весьма... редким в употреблении.

Совершенно неожиданно Березин свернул на обочину, проехал по траве, и, только за первыми двумя деревьями я увидела размытую проселочную дорогу.

– Почти на месте, – оповестил Леша, когда мы въехали в на редкость глухой лес.

Впереди показалась припаркованная у березы машина Потапова, значит, ПрахМир и Захарова добирались на ней. Веселая, должно быть, вышла поездочка...

– Сотовый лучше оставить здесь. Современная техника очень плохо сочетается с такими... вещами, – неопределенно покачал рукой Влад.

– Ты хотел сказать: «с глухоманью», – хмыкнула я.

– Ворчи-ворчи, – ласково потрепал меня по макушке Яблонев, вызывая глупую довольную улыбку.

Когда айфон оказался в надежных руках ведьмака, мне, наконец-то, удалось выбраться на волю, напрямик в объятья леса. Несколько шагов по мягкой почве, усыпанной мелкими веточками, не включили никакой тревожной сирены. Потянувшись, я сделала глубокий вдох, проникая в «карту запахов». Ничего подозрительного или опасного, только весенний ветерок, немного сырости и земли, мох и листва, а по-

верх – та особенная нотка мая, неуловимо присутствующая всюду в эту пору года.

Повернув голову, я учуяла медовую травянистость Миши и Кати, неповторимое сочетание ароматов ПрахМира, где пряность переплеталась с запахом роз, а потом в носу резко зашипало от мороза Насти. Вот кто умел отрезвить одним намеком на свое присутствие. Потерев кончик носа, я повернулась к остановившемуся рядом Владу.

– Всех унюхала? – поинтересовался парень, закидывая рюкзак на плечо.

– Не-а, я же камбала по сущности, – покачала я головой, состроив скорбную мину.

Переглянувшись, мы прыснули.

– Замышляете что-то недоброе? – широко улыбнулся Леша, доставая из багажника все сумки и чехол с гитарой. Последнюю он торжественно вручил Ирке вместе со спреем от комаров.

– Так и знала, – скрестила я руки на груди, пялясь на скрытой материей инструмент. – Костер... лес... гитара... – Я обратилась к Ирке: – Они тащат нас на Грушинский фестиваль.

Березин расхохотался своим заразительным дельфиньим смехом, и к нему сразу же добавился лошадиный ржач Ирки. Пришлось схватиться за согнувшегося пополам Яблонева, чтобы самой не упасть со смеху. Практикующие продолжали хихикать даже тогда, когда мы с Ругаловой уже успокоились и были готовы идти навстречу этому... чем бы оно

ни было, но точно не на фестиваль авторской песни.

– Выдвигаемся, пока остальные не вышли проверить, что тут происходит, – Леша первым пошел по едва протоптанной тропинке.

– Чую дым, – вставила я, вытянув шею, чтобы быть ближе к только что донесшемуся до нас аромату, от которого дразняще подвело желудок. – Очень вкусный дым. С какой-то примесью... Не знаю, не похоже на лесной костер...

– Дрова из фруктовых деревьев, – пояснил Березин через плечо. – Миша заготавливает их на даче и привозит сюда. Ему не нравится жарить шашлык на углях, а разводить костер из леса, в котором находишься, опасно и... неэтично для нашей «профессии».

Последнее я и сама знала, благодаря своему первому делу по поиску, когда мы с Владом искали маленького мальчика, похищенного лесом в наказание взрослым за все сотворенные ими гадости.

К месту общего сбора мы вышли минут через пять, немного прогулявшись по каким-то зарослям. Для посиделок ребята выбрали неправдоподобно круглую поляну, словно кто-то очертил ее циркулем. Я сразу же отметила сложенную кучу веток в самом центре, окольцованную кирпичами, и полное отсутствие каких-либо кочек, муравейников или нор. Немного работы газонокосилкой, и можно здесь спортивную площадку размечать.

– Она сама такая ровная, или вы ее такой сделали? – не

удержалась я.

– Естественным путем, но не случайно, – ответил Влад. – Если есть мы, есть и такие места, нужно только уметь их находить.

– А это... – я неопределенно указала рукой в сторону кучи веток выше моего роста.

– Он самый, да, – кивнул Яблонев.

Покосившись еще раз на костер наверняка Мишиного авторства, я обнаружила самого Потапова в компании Мирковой возле мангала.

– Иди к нам, Агат! Катька все равно бутербродами не делится! – крикнула Сашка.

– Что значит – не делюсь? Мы просто еще не сели есть, не надо перебивать аппетит! – возмутилась целительница, не отвлекаясь от нарезки огурца возле широкой клетчатой клеенки, заставленной пластиковыми тарелками и формами с разными закусками.

– Ты точно с Мишей вместе живешь? – поинтересовалась я, и, наткнувшись на непонимающий взгляд, пояснила: – Нам же невозможно перебить аппетит.

– Один ноль в пользу фамильяров! – хохотнул Потапов. – Агат, у тебя переедание бывает?

– Никогда! – отчеканила я, в принципе смутно представляя себе, что это такое. Меня даже чувство полного насыщения редко посещало, где уж тут говорить о перенасыщении.

– Два ноль в пользу фамильяров! – показала два пальца

Саша, и все присутствующие рассмеялись.

– Где Варвара с Настей? – сдалась я, не обнаружив девушек даже после третьего тщательного осмотра местности.

– В лесу, – кивнул Влад вперед. – Мне нужно к ним присоединиться, подожди здесь.

– Мне тоже, – поддержал Березин, и парни, оставив нас с Ирккой разбирать сумки и помогать Кате, уверенно скрылись за деревьями.

– Зачем им туда? – спросила я единственную оставшуюся на поляне практикующую. Она как раз закончила красиво выкладывать хлеб, и мне сразу же захотелось проткнуть его каким-нибудь прутом и поджарить на костре. Может, позже так и сделаю...

– Каждому нужно достать ветку для себя и фамильяра, которая сгорит в костре, – пояснила Катя. – Я нашу с Мишей почти сразу нашла, по дороге сюда.

– Будет очень глупо, если я спрошу «зачем»?

Ирка активно покивала, поддерживая вопрос.

– Затем, что в ветку можно вложить что-то, от чего нужно избавиться, и дать этому сгореть, – ответила Саша, плюхнувшись на плед рядом со мной. – Речь, конечно, об эмоциях, неприятных воспоминаниях и всем в таком ключе.

– Круто, – оценила я, ранее не встречая нигде даже отдаленно похожей информации, хотя за последние дни перекликала немало ссылок по Вальпургиевой ночи. – Кать, можно вопрос?

– Спрашивай! – Практикующая села по-турецки, накинув на плечи ветровку.

– Это же языческий ритуал, а ты... ну, не язычница... Как это между собой стыкуется?

– Ты знаешь, почему эта ночь так называется и откуда берет свое начало, если опустить фольклор? – ответила целительница вопросом на вопрос.

Как назло, о жутких традициях ведьм, слетавшихся на Лысую Гору, чтобы присягнуть Сатане, я и читала больше всего. После подробного описания что конкретно они ели и из чего пили, изучать эту тему перехотелось, так что я сдалась и смирилась с нежеланием Яблонева рассказать хоть что-нибудь путное.

– Я знаю, что раньше этот праздник назывался Белтейн и означал начало светлой половины года, – осторожно проговорила я.

– Верно, это языческий корень праздника, однако веками позже, когда название забылось, и люди в большинстве своем отказались от древней религии, жила-была Вальбурга – дочь короля, в самом юном возрасте оставленная отцом в аббатстве на все время его похода на Святую землю. Она стала монахиней и прожила в монастыре двадцать шесть лет, пока однажды не отправилась в Германию вместе с другими миссионерками. По дороге на корабль налетел шторм, шансов выжить почти не было, и тогда Вальбурга начала молиться, подавая пример остальным. Шторм утих, словно его вовсе

не было, и моряки стали называть ее своей покровительницей. За свою жизнь она совершила еще много чудес, и после смерти тоже.

– Это как? – нахмурилась Ирка.

– Ее могилу однажды случайно осквернили, когда проводили какие-то работы. Вальбурга привиделась во сне настоятелю монастыря и указала на пещеру, куда следует перенести ее останки, и в скале образовался целебный источник. Произошло это первого мая. Понимаете, что случилось? – Катя взяла два куска хлеба и сложила их один на другой. – Вера в традиции и каноны двух разных религий наложились друг на друга, порождая мощнейшую энергетику. Для меня это такая же ночь силы, как для Варвары, Влада, Леши и Насти, пусть и вкладываю я в нее совершенно другое значение.

Мы с Сашей одновременно повернулись влево, чуть опережая Ирку. За спиной Миши показалась Захарова, хотя я скорее почувствовала ее морозное приближение, чем увидела. Впервые на моей памяти практикующая была без цилиндра на голове и ярких контрастов в одежде. Вместо привычных вещей из стимпанковского гардероба – военный камуфляж, тяжелые черные ботинки на шнуровке и кепка козырьком назад. Зато трость по-прежнему зажата в правой руке. Иногда мне думалось, что Настя с ней в обнимку даже спит.

– Приветствую, – кивнула она нам с Иркой, занимая складной стул неподалеку. – Небольшой урок истории?

– Поверхностный обзор, – Катя улыбнулась, показав мизерное расстояние пальцами.

– Да ладно вам, – скептически оглядела их Ругалова. – Вы же сами это тоже от кого-то узнали, в смысле, не с рождения же эта информация у вас в голове?

– Не с рождения, – подтвердила Анастасия, и я как всегда уловила внушительное «но» в ее паузе. – Любое знание начинается с вопросов, – она покосилась на меня. – Вопрос практикующего – ментальный магнит, притягивающий к себе все, что относится к ответу. Образы, звуки, ощущения.

– Да, Леша говорил мне об этом, – покивал Ирка. – Но ответы есть не всегда.

– Ответы есть всегда, – отрезала Захарова. – Бывают неправильные формулировки вопроса. Ментальное пространство – самая серьезная бюрократическая организация из всего, что вы когда-либо встречали. Оно любит конкретику – прописанную, представленную и проговоренную с максимальной точностью. Чем четче мысль, тем яснее посыл и больший процент успеха. Помните об этом, когда ваши практикующие отдадут вам ваши ветви для костра. Не распыляйтесь на множество балластов, найдите самый большой и бросьте в огонь его.

– Это точно, – поддержала Саша. – Помню свой первый костер... Я тогда слишком поспешила и получила серьезный урок.

– Девчонки, тащите мясо, жар само то! – крикнул Пота-

пов, выдергивая нас из задумчивости.

Схватив таз с мясом в маринаде, я потопала к Мише, едва не захлебнувшись слюной от запаха. Коротко приобняв меня, словно большой плюшевый медведь, парень накалил шампуры на огне и принялся нанизывать мясо.

– Свинина и курятина, – определила я.

– Ага, рыба тоже есть, но ее последней буду делать. Жарила когда-нибудь шашлыки?

– Сама? Никогда, только смотрела, как дед готовит.

– Тогда иди сюда, для нас это проще простого, потому что мы...

– ...фамильяры, – закончила я.

– Дай-ка брызгалку.

Я протянула ему бутылку с дырочками в пластиковой пробке.

Потапов принялся объяснять премудрости готовки, и его басовитый спокойный голос помог мне расслабиться и отвлечься от сказанного Настей. Достаточно, чтобы холодные колики прекратили терзать живот, но от нервозности я так и не избавилась. На этот подвиг был способен только Влад, и, с каждой минутой его отсутствия, беспокойство за ведьмака начинало ворочаться все сильнее.

– Слушай, долго они могут искать эти ветки? – не выдержала я, поняв, что шашлык вот-вот будет готов, а Яблонева все нет.

– Столько, сколько потребуется... Это же, в каком-то

смысле, испытание, а их преодолевают только достойные, – размеренно прогудел Миша, ободряюще улыбнувшись. – Не переживай, даже Варвары еще нет, хотя она ушла на полчаса раньше.

Словно дождавшись этих слов, с противоположной стороны на поляну вышли Прахова и Влад. Оба курили на ходу и что-то обсуждали с крайне серьезными лицами. Следом за ними показался Березин, выглядевший столь расслабленно, что, от одного взгляда на него захотелось проехаться в хипповском мини-автобусе, подпевая Бобу Марли.

Пару секунд я не чувствовала ничего, кроме облегчения от вида своего практикующего. Дог в ментальном звонко гавкнула, припав на передние лапы, в то время как меня продолжало штормить от желания с разбега прыгнуть на этого, не предупредившего о длительном отсутствии, засранца.

Широко улыбнувшись, явно уловив часть моих, должно быть, весьма громких мыслей, Влад стремительно подошел, и наши руки столкнулись. Нет, не так. Это слышится слишком случайным, как будто не нарочно. Но ничего случайного между нами никогда не было. С самой первой встречи.

Пальцы совершили один и тот же маневр, подушечки вжались в теплую кожу запястья, где так быстро пульсировала жилка, и я задержала дыхание. Выпускать из себя даже крохотную частичку этой совершенной правильности виделось чем-то вроде особо тяжкого преступления. Большой палец нежно провел по голубой ниточке вены, и я уткнулась лбом

в грудь своего ведьмака. Плевать, как это смотрится со стороны и что могут подумать остальные. Что ни посетило бы чужие головы, всех ста процентов правды им не уловить.

– Прости, не думал, что так задержусь, – шепнул Влад, вжавшись лбом в мою макушку.

Нечего и говорить, все указывало на одно ПТСР на двоих. Не так давно нам пришлось прочувствовать «конвульсию связи», когда само ее существование оказалось под угрозой из-за наших недомолвок. Теперь происходило что-то похожее, только ощущалось несколько иначе.

– Ты никогда не задерживаешься. Ты всегда приходишь вовремя, – покачала я головой, и это относилось не только к обычной пунктуальности темного.

Ничего не ответив, Яблонев на мгновение прижал меня крепче и отстранился. Легкая рябь сожаления прокатилась по связи с его стороны, прежде чем все исчезло под привычным ровным спокойствием ведьмака. Похоже, кое-кто не согласен.

– Нет, это так, – настойчиво посмотрела я в серые глаза. – Надеюсь, ты нашел ветку, и весь наш...эм...мусор сгорит синим пламенем.

– Синего пламени не обещаю, но сегодня это закончится, – серьезно подтвердил Влад.

Что начнется после – вот в чем вопрос. Как подсказывала логика: свято место пусто не бывает.

Глава 5

Не помню, когда последний раз выбиралась на шашлыки на природе. Кажется, это было еще в школе, на субботнике выпускного класса. В любом случае, сравнения с происходящим он не выдерживал. Сложно объяснить, но у клеенки, вокруг которой мы собрались, не существовало ничего лишнего, а все нужное нельзя было назвать обычным.

Ни пустых разговоров, ни надоедливой суеты, ни дурацких баек или еще каких обязательных спутников подобных посиделок. Особенно в глаза бросалось отсутствие алкоголя. Даже у Праховой, предпочитающей красное вино, сегодня в фаворитах значился вишневый сок. Уверена, это одно из негласных, но обязательных условий Вальпургиевой ночи.

Практикующие сидели через фамильяра, светлые напротив темных, и только стул Захаровой служил чем-то вроде разделительной черты и места главы «стола» одновременно. Пусть все выглядели расслабленно, воздух почти дрожал от скопившейся здесь энергетики. Густая, плотная и мощная, она ощущалась сквозь все звуки, запахи и цвета, время от времени покалывая кожу.

Готовка Потапова оказалась настолько изумительной, что первые пятнадцать минут не было слышно ничего, кроме редких «передай» и «держи». Проголодавшиеся в походе за ветками практикующие даже не пытались вести светские

ведьмовские беседы, уделяя все внимание ужину.

Сидя под боком у Яблонева, между ним и Варварой, я наслаждалась куриными ножками, отвоевав их у Мирковой еще возле мангала в эпичной дуэли на шампурах, насмешившей всех присутствующих. Смех смехом, но мясо на косточке – мой профиль, и плевать, сколько собачьих шуточек придется вытерпеть. Влад, в отличие от меня, больше склонялся к запечённой картошке и овощам, съев всего пару кусочков свинины. Впрочем, как я успела заметить, на мясо налегали только фамильяры.

– Почему вы едите одни овощи? – тихо спросила я ведьмака.

– Сытость слишком расслабляет и замедляет.

– А нам...

– Вам все равно, инстинкты перекрывают любое состояние, – пояснил Яблонев. – Не замечала?

– Не-а, – призналась я, только сейчас понимая, что это так. Например, на крыше, собственное самочувствие не входило даже в первую тройку моих волнений. То же самое происходило и во время поиска ребенка в лесу, и в квартире моей соседки, и... каждый раз, когда Влад был рядом, распутывая чей-то клубок мистических проблем.

– Думаю, мы все готовы слушать, – над клеенкой распустилась морозная вязь голоса Захаровой.

Все, как по команде, посмотрели на нас с Яблоневым. Точно. Влад же говорил, что собирается рассказать про Илью

сегодня.

– Я раньше такого не встречал, – отложил ведьмак тарелку. – Сущность Ильи представляла собой его собственную, разлагающуюся, и пришитые к ней части сущностей других практикующих, тех, кого они с братом убили, или кто отдал дар добровольно.

– Мертвая пряжа? – спросила Варвара.

– Мертвая пряжа привязывает дух к предмету, а он пришил части других к своей, – возразил Влад.

– А ты вспомни, как она накладывается, и мысленно замени всего четыре, – Варя показала пальцы, – слова. Два брата-акробата не чурались убийств, думаешь, тут этическая норма работала? Разграбить могилу много проще, чем отнять жизнь.

Я поежилась, но все же рискнула:

– Что такое «мертвая пряжа»?

– Один из приемов темных практик, для которого необходимы волосы умерших, носивших при жизни то же имя, что и сосуд пришиваемой сущности, – ответила Захарова.

– Фу-у-у, – протянула Ирка, сморщившись.

– Такому невозможно обучиться извне, – покачала головой Катя. – Сколько колен у этих братьев?

– Достаточно, чтобы он узнал мои корни и видел разницу между «провинциальным» и «столичным» обучением, – мрачно ответил Влад.

– Подождите, одна из моих прабабок, жившая в восем-

надцатом веке, Аглаида, специализировалась на ментальных слияниях... Невозможно применить мертвую пряжу к самому себе. – Варвара достала сигарету и прикурила. – Это из той же оперы, что гадания, привороты и прочие методы воздействия себе во благо.

– Плюс, если мы говорим о сущности практикующего... Любая манипуляция с ней в сотни раз сложнее, сами знаете, – добавил Леша.

– Хотите сказать, что с ними был еще один практикующий? – прищурился Яблонев.

– Это бы объяснило, как Игнат избавился от моего проклятия, – Настя придирчиво разглядывала набалдашник своей трости.

О, боги. Нам только пособника с приемами темных практик в команде с проводником-Игантом не хватало. Стоп. Если на стороне крысы есть еще ведьма или ведьмак... не значит ли это, что версия с моей паранойей отправляется в закат?

– Никакой чужой энергетики на крыше не было. В любом случае, это не то, на что стоит обращать внимание. Даже если есть еще один практикующий, нас больше, и мы настороже, – твердо сказал Влад, и остальные согласно закивали.

– Тогда на что стоит обратить внимание? – поинтересовался Миша.

– На событие, создавшее эти последствия, – Настя посмотрела на нас с Яблоневым.

– Верно, – подтвердил мой темный. – Илья был готов на все, чтобы выжить, но я абсолютно уверен, что умереть он не боялся. То, как он шагнул с крыши, это подтверждает. Кто-нибудь из вас когда-либо слышал, что должно произойти, чтобы сущность практикующего начала разлагаться?

Отчего-то все посмотрели на Прахову. Должно быть, недоумение на моем лице было очевидным, потому что Катя пояснила:

– Светлые не касаются ничего подобного...

– А у меня четырнадцать колен потомственных темных ведьм и ведьмаков, – продолжила Варвара. – Ни одна из известных порч на такое не способна, все они, в основном, направлены на физическое и материальное. Даже с могильной землей или кровью такой удар не нанести.

– Это я сразу отбросил, тогда они просто уничтожили бы насылающего, и дело с концом, – кивнул Влад.

– Проклятия на сущность не существует, разве что кто-то чертовски гениальный обнаружил, как вскрыть ментальное пространство настолько нагло, но верится в это не особо... – Прахова почесала щеку каким-то совершенно кошачьим движением. – А твои что сказали?

– Бабушка решила сначала что-то выяснить. Наверняка хочет связаться с кем-то из «старой гвардии», – закатил глаза Яблонев.

– Может, вы не от того отталкиваетесь? – предположила Катя. – Ты уверен, что это был процесс гниения, а не само-

разрушения?

– Уверен, но мысль интересная, – протянул Влад.

– Если сосредоточиться на слове «гниение», – понимающе дополнила Захарова.

– Значит, это имеет прямое отношение к миру мертвых, – продолжила мысль Варвара. – Тогда логично, что проблему он создал себе сам, без постороннего вмешательства.

– Не плевать ли, какую он себе проблему создал? – поинтересовалась Ирка. – Меня вот лично больше заботит, что за проблему он оставил вам.

По тому, как упрямо сжались губы моего ведьмака, я поняла, что его заботит и одно, и другое. Не знаю, что такого тревожного он чувствовал от загадки сущности Ильи, но она не давала ему покоя с той самой ночи. Удивительно, но мое любопытство даже не встрепенулось в сторону этого ребуса.

– Лошадка права, – покивала Миркова. – Его братец, может, и залег на дно, только долго это не продлится. Жажда мести – чувство побуждающее, верно?

– Еще как, – согласилась Варя. – Удар может последовать раньше, чем ты рассчитываешь. Просто так подобное не оставляют.

Приятно, что ПрахМир выражает то же опасение, что и я. Чертовски раздражает, что никакого эффекта на Влада это не оказывает. Как будто я не знаю чего-то очень важного, например, рецепта его успокоительного.

– Что бы он ни задумал, атаковать незаметно и внезапно

у него не получится, – уверенно ответил Яблонев. – К тому же, я объяснил ситуацию Максиму Николаевичу, и это точно создало Игнату дополнительные проблемы.

Максим Николаевич был очень хорошим знакомым Влада, работающим в органах. Прежде ведьмак сотрудничал с ним по делам полиции – я это знала, хоть Яблонев и не вдавался в подробности – а совсем недавно мы помогли найти его крестника в лесу. Кто бы мог подумать, что «должок» придется попросить вернуть так скоро.

– И какие обвинения ему смогут предъявить в случае поимки? – спросил Березин.

– Для начала, его задержат по подозрению в одном особо тяжком, с ориентировкой схож, – хмыкнул ведьмак. – А потом любая личная вещь проводника в моих руках – и проблема решена.

– Не слишком ли радикально? – поморщилась Катя.

– В самый раз, – ответила Прахова. – Не предлагаешь же ты погрозить ему пальчиком и прочесть получасовую нотацию на тему, как нехорошо похищать фамильяров, грабить покойников и убивать практикующих?

Скривившись на последних словах, я посмотрела на Влада. Связь не выдавала ни единой эмоции ведьмака, он тщательно экранировался, а это могло означать только одно. Темный действительно собирался проклясть Игната насмерть, как только представится возможность.

Живот, поймав льдину, конвульсивно сжался.

– Настя, а ты что думаешь? – обратился к Захаровой Леша.

– Практикующий вправе поступать с угрозой его жизни и жизни его фамильяра так, как считает нужным, – не задумываясь ни на секунду, ответила Безумная Шляпница. – Пора готовиться к костру, близится полночь.

Пусть Настя и поставила в этом разговоре точку, я мысленно подрисовала той хвостик для личного разговора с темным, собирающимся перешагнуть серьезную черту.

– Ты не можешь этого сделать, – прошипела я Владу, едва мы зачем-то отошли к опушке, и ведьмак присел над своим рюкзаком. На самом деле все тандемы разбрелись по разным сторонам поляны, и это, очевидно, тоже было обязательной частью вечера.

– Сомневаешься в моих силах? – размеренно поинтересовался Яблонев, отрываясь от копания в бренчащих недрах, пропахших травами и горячим воском.

– В силах нет, а вот в рассудке начинаю, – отрезала я. – Это же... Ты сам много раз говорил, что это как бумеранг. Наносишь вред – получаешь в ответ, и я сейчас уверена, что ничего не путаю.

– Не путаешь, – лаконично подтвердил ведьмак, доставая из сумки свечу и пучок какой-то травы, от которой тут же неприятно засвербело в носу.

– В делах клиентов ты – посредник, и всегда предупреждаешь их о рисках и обязательной расплате. Не хочешь се-

бе эту же речь повторить?

– Для себя я вправе делать исключение, как и всякий темный, – улыбнулся парень краешком рта.

– Как удобно. А высшие силы, – я яростно ткнула пальцем в небо, – это исключение поддержат?

Тяжело вздохнув, Яблонев дернул меня за рукав, заставляя опуститься рядом на одно колено:

– Мы не будем обсуждать это здесь и сейчас.

– Еще как будем, – процедила я вполголоса.

– Ты начинаешь фонить, – поморщился Князь.

– И это только начало. Я не позволю тебе подписываться на черт знает какие последствия из-за мести. Он того не стоит, ясно?

– Не из-за мести.

– Да все равно из-за чего! – прорычала я, схватив его за руку. – Посмотри мне в глаза и откажись от этого решения.

– Агата.

– Никаких «агат»! – фыркнула я, пропустив повелительную интонацию мимо ушей. – Я – твой фамилляр, и я против этой затеи. Богов ради, тебе что, одной заваренной каши расхлебывать мало?

Длинные пальцы с силой стиснули мои, и я вжалась лбом ему в плечо, сознавая, насколько грубо было тыкать темного носом в клятву, данную Захаровой по чистой глупости. Именно глупости, что бы там ни думал об этом сам Влад. Впрочем, глупости ведь все совершают, от этого никто не

застрахован. Даже те, кто изначально видит и знает больше многих.

– Прости, я не хотела... Ты не понимаешь, я чувствую, что так нельзя. В животе как будто морозилка образовалась, – постаралась я передать удар тарана интуиции максимально точно.

– Я с удовольствием выслушаю твои предложения по решению проблемы, – обманчиво шелковым голосом заверил Влад. Под этим самым шелком скрывались железные колья, торчащие из трясины, и слышалось тиканье бомбы. Кажется, я недооценила степень его решимости.

– Обними меня, – пробухтела я, не придумав ничего лучше. По крайней мере, мою проблему в эту минуту его объять точно решит.

– О, боги, – поперхнулся Яблонев смешком, послушно пряча меня в своих руках. – Великолепное решение.

– Я старалась.

– Есть еще какие-то пожелания? – голос практикующего снова зазвучал с привычной теплотой и особыми низкими вкрадчивыми нотками, предназначавшимися только мне.

О, да. Одно точно было. Я подавила тяжелый вздох, пинком прогоняя мысли об укусах.

– Слишком много свидетелей.

Понимающе хмыкнув, Влад погладил меня по спине:

– Я подумаю.

– Отклонено, – покачала я головой, на деле потираясь

лбом о его майку. – Тут не о чем думать. Мы найдем другой способ, если Игнат снова появится на горизонте, но ты не будешь подставляться. Пожалуйста.

– Тебя устроит только капитуляция? – недоверчиво усмехнулся Яблонев.

– Можно без белого флага, честное фамиллярское.

– Обойдешься компромиссом, – опустив голову ниже, Влад почти прижался губами к моему уху. – Мы оставим мое решение в качестве плана «Б», если не придумаем ничего лучше. Так или иначе, я сделаю все, чтобы он не смог к тебе подобраться. Договорились?

Вряд ли получится выбить из него что-то лучшее, тем более, когда я додумалась впустить Влада в свое личное пространство настолько близко. Глупости совершают все? Да, и помногу раз.

В следующий спор с Яблоневым буду умнее. Наверное.

– Договорились.

– Умница, – шепнул Влад, и я дернулась, когда этот... наглый индивид прикусил меня за ушко.

– Ты...

– Бесподобен, – ухмыльнулся Князь, поднимаясь на ноги.

– Эй, ПтицаПес, вас долго ждать? – крикнула Варвара.

– Ровно столько, чтобы вы нас позвали, КисБрысьМяу, – не остался в долгу Яблонев, и воздух над поляной содрогнулся от хохота нашего круга.

Достав из рюкзака зеркало в серебряной оправе с изящной

ручкой, Влад пояснил:

– Его нужно почистить и зарядить, и лучше костра силы с этим ничто не справится.

Издав глубокомысленное «а-а-а», я заметила, что Захарова воткнула трость в землю рядом с собой. С другой стороны Варвара положила на землю что-то маленькое, скорее всего, какое-то украшение. Лешу и Катю не было видно за сложенными ветками, но, наверняка, и у них имелись предметы для сверхъестественной чистки.

Встав на одну линию с ПрахМиром и Захаровой, создавая полукруг на своей стороне, я медленно выдохнула, ощущая воздух вокруг иначе. В ментальном дог уже давно сошла на опушку темного леса, освещаемого луной. Наверху, почти сливаясь с темнотой ночи, на толстой ветке царственно восседал иссиня-черный ворон. Моя сущность, в отличие от Яблонева, не могла похвастать спокойствием, переминаясь с лапы на лапу и вертя головой во все стороны.

Посмотреть, к слову, было на что. Слева, по другую сторону от моей дороги, выросла стена из кустов диких роз. Холеная черная кошка, больше напоминающая уменьшенную копию пантеры, прошла между ними, не задев ни единого листочка, грациозно потянулась и плавно села. Скорее желтые, чем янтарные, глаза, лениво шурясь, задержались на мне и скользнули выше, к ворону.

Следом за пантерой малой, тенью появилась пантера большая, перепрыгнув стену роз. Приоткрыв пасть, дикая кошка

глубоко вздохнула и с непередаваемой грацией растянулась за спиной подруги, настороженно наблюдая за округой и подергивая хвостом.

Ноздри защищал мороз, и я отвернулась от ПрахМира, чтобы встретиться с полярной лисой, чьи снежные владения как будто плавно вытекали из леса Яблонева. Небо над льдами и сугробами было под стать сущности хозяйки. Завораживая северным зелено-розовым сиянием, оно слепило холодным светом звезд, серебрившим все вокруг лисы.

За снежными полями было еще что-то, я слышала отдаленное уханье совы и лошадиное ржание, но рассмотреть возможности не было. Впрочем, зрение – не самая сильная сторона собаки. Нюх, распознавший многочисленные запахи светлых от медово-горчичного до травянистого, сообщил мне все, что нужно.

Услышав чирканье спички, я вынырнула из ментального. Влад зажег свечу и перекинул длинный и широкий коробок Варваре. Ведьма подожгла свою и отправила коробок дальше. Момент, когда свечу зажег замыкающий круг практикующий, я уловила без каких-либо подсказок. Как будто у кого-то был пульт от пространства, и он резко выключил звук.

Во внезапно сгустившейся темноте тишина сдавливала со всех сторон, все замерло, и я могла только смотреть, как Влад приближается к кострищу вместе с Настей и Варей. По спине поползли мурашки, на голове зашевелились волосы, внутренности словно попали в невесомость... Происходящее на-

поминало ту крохотную долю секунды, когда машина подлетает на лежащем полицейском. Только вот «подвешенность» растянулась на целую минуту.

Практикующие что-то говорили, но я скорее чувствовала вибрации голосов, чем слышала звуки. Воздух рассказывал больше, особенно, касаясь языка. Поверх привычных весенних и лесных запахов накладывались причудливо переплетенные между собой ароматы членов круга. Земля и небо, вода и лед, жар и холод, розы и мед, ягоды и дикие травы... От количества контрастов и сочетаний несочетаемого во рту было вязко, как после бокала хорошего вина.

Влад вбросил пучок травы, прихваченной из рюкзака, девушки сделали то же самое, и все они разом поднесли свечи к костру. Если бы кто-нибудь ранее сказал мне, что такой склад веток возможно зажечь огоньками свечей без бумаги и розжига, я покрутила бы пальцем у виска. Однако против увиденного лично не идут даже самые заядлые скептики, а я с этой дороги сошла еще в феврале.

Красно-оранжевое пламя взметнулось вверх, молочно-белый дым заструился в ночное небо, и тишина взорвалась оглушительным треском чавкающего дровишками огня. Отступив на пару шагов, Яблонев, не оборачиваясь, протянул руку, негласно разрешая приблизиться и занять место рядом с ним.

Как только фамилльяры поравнялись с практикующими, спина загудела от возникнувшей позади энергии. Ноги при-

росли к земле, я не могла пошевелиться, пока жар от костра проходил сквозь каждого в круге, вжимая в плотную невидимую стену и будто бы проверяя. Мистический фейс-контроль закончился так же внезапно, как и начался, когда ментальное слилось с реальным.

Снова, как и на крыше во время боя с Ильей, я видела оба плана. Мы-сущности и мы-люди, объединенные одним костром. Что ж, не зря Яблонев не хотел ничего рассказывать – передать такое словами невозможно. Я даже не пыталась понять, как, существуя лишь физически, огонь находился в ментальном, более того, ощущался мной-догом вполне реальным, а не какой-нибудь проекцией.

Влад достал из-под куртки странно изогнутую ветку, и я, прежде не претендующая на звание знатока деревьев и не способная отличить дуб от каштана в темноте, почему-то точно знала, что это осина. Слово высветилось в голове, как номер поезда на электронном табло вокзала.

Ощущение правильности происходящего уладило волнение, Яблонев сделал глубокий вздох, подавая пример, и медленно опустил мою ладонь на сухую и шершавую древесину. Представляя, что придется держаться за разные концы палки, я, как всегда, упустила какой-то винтик логики практикующих, потому что наши руки плотно соприкасались ровно в центре, одинаково сжимая прут.

– Смотри на костер, думай о том, что должно в нем сгореть, – еле слышно проинструктировал Влад. – Не задумы-

вайся слишком сильно, не копай глубоко. Выкидывай то, что мешает, и не спеши, никто не торопит.

Угукнув, я нехотя отвела взгляд от своего темного, позволяя опустить прут вниз на вытянутых руках. Вглядываясь в пламя, я недовольно отмела саму собой заигравшую в голове песню про изгиб гитары желтой. То же мне, нашла время.

Влад снова сделал глубокий вздох, и я повторила за ним, следя за сражением желтых, оранжевых, рыжих и красноватых языков пламени. Сосредоточиться. Думать. Выгнать прочь.

К счастью, своего главного врага я знала по имени. Страх не справиться.

Я не боялась Игната, того, что он может сделать, или что произойдет дальше. Главный, острый и самый болезненный кошмар, каким оплела меня паутина Ильи – боязнь подвести других. Что, если не хватит сил, умений, опыта, да чего угодно еще, и моя слабость окажется роковой для кого-либо из близких? Если одна ошибка будет стоить невосполнимо много?

От пугающих предположений и пессимистичных картин в голове отвлекло странное ощущение в держащейся за «громоотвод» руке. Температура моего тела отличается от общечеловеческого стандарта, совсем рядом костер, и все же это не помешало понять, что на моих стискивающих палку пальцах можно жарить сосиски. Кожа ладони гудела, кисть налилась прежде незнакомой тяжестью, все вокруг исчезло в

хлынувшей бурным потоком реке памяти.

У каждого в жизни есть моменты, о которых стыдно вспоминать, независимо от возраста. Глупые ошибки, неправильно понятые ситуации, выходявшее боком притворство, откровенно неудавшееся и раскрытое вранье... На быстрой перемотке я просмотрела всю личную галерею позора.

Влад велел не копать в себе, выдать то, что лежит на поверхности, только не предупредил, что шарить во мне все же будут. Жар окружал со всех сторон, вскрывал и прижигал старые раны и нарывы, кремировал мою неуверенность.

Открыв глаза, я оказалась вплотную к костру, плечом к плечу с Владом. Не сговариваясь, мы швырнули ветку в огонь, и кинжальная струя пламени выстрелила вверх, заглатывая концентрат наших проблем. Скользнув пальцами сквозь мои, Яблонев настойчиво потянул назад, и я попятилась за ним на ватных ногах, ошарашенная произошедшим.

То, к чему люди на кушетке психолога стремятся из сеанса в сеанс, я получила в рекордный срок. Облегчение. Понимание. Уверенность. Не знаю, как, но «костер силы» и правда дал ответ. Не просто ответ из решебника, а все действия задачи. От ее сверхъестественного «дано» основная суть не менялась. Бояться ошибиться – нормально, но брать на себя ответственность и вину за все не выдержат ни одни плечи. Кажется, я была слишком зациклена и одурманена страхом, чтобы додуматься до этого самостоятельно.

– Все хорошо? – спросил Влад, когда Саша и Варвара бро-

сили свою ветку, и костер разгорелся пуще прежнего.

– Прекрасно, – не сдержала я улыбки. – На самом деле отлично.

В серых глазах отражалось танцующее пламя, но облегчение и радость ведьмака не перекрыло даже оно. Улыбнувшись краешком рта, мой практикующий кивнул на огонь.

– Скоро начнется второй этап. Мы избавились от старого и ненужного, подпитав этим костер, а теперь он подарит нам новое и важное.

– Знание будущего, – догадливо прошептала я, вспомнив разговор в машине.

– Будь очень внимательна, неизвестно, как именно оно решит тебе открыться, – напутствовал Яблонеv.

– А что нужно делать?

– Смотри в огонь, как через свечу.

Кому-то это указание показалось бы странным, но только не фамильяру, побывавшему хотя бы на нескольких делах своего практикующего. Огонь в них играет не последнюю роль, и нет такого ведьмака или целителя, кто не держал бы дома целую кладовую свечей или не делал их сам.

Костер сильно полыхнул с противоположной стороны, кто-то из светлых покончил со своей веткой, и это стало сигналом для остальных. Настя шагнула назад, Влад качнул головой и отошел вправо, указывая оставаться на месте. Прах-Мир тоже разошлись, краем глаза я заметила Потапова... Мы становились широким кругом, и позже я поняла, почему.

Ментальное адаптировалось под реальное, когда все практикующие синхронно «отпустили» свои силы. Серебристая лента энергии со снежных полей Захаровой столкнулась с фиолетовой Яблонева, прошедшей сквозь дога. С другой стороны канат ведьмака переплелся с алым Праховой. Красный исчез в голубой энергии Березина, как я догадывалась, и навстречу серебристому Насти из-за костра вылетело золотое свечение Кати.

Круг энергии замкнулся, казалось, от такой силы заудели не только кости, но и земля под ногами, однако это было не все. Внутри колеса цветов, между сущностями практикующих и фамильяров, образовалось еще по одной черте, от которой, прямо в костер силы, протянулись лучи энергии и скрылись в огне.

Волосы встали дыбом, дог припала к земле и колючее напряжение окутало меня со всех сторон. Прежде я не испытывала ничего подобного. Физического не существовало. Только разноцветные свечения, ощущения и яркое пламя перед глазами.

Я чувствовала каждого присутствующего в тысячи раз сильнее обычного, но все, связанное с ними, воспринималось отдаленно, как будто не до конца проснувшийся мозг цепляется за остатки сна. Всего один глубокий вздох и взгляд в центр костра силы отрезал остальных, оставляя меня наедине с языками пламени.

Глаза заслезились, пульс бился на языке, ногти впились

в ладони... Упрямо не отрывая взгляда, я замерла, когда в ушах раздался дикий вой и жалобный скулеж. Так собачье племя не сражается и не угрожает. Так оно скорбит.

Чужой плач нарастал, все внутри перевернулось и замерло, пронзительный вой не замолкал. Кто-то умирал... несчастный, забитый и слабый... Резкий всхлип в ушах, безысходность, сейчас все будет кончено... Предсмертный визг...

Снова. Еще раз. Раз за разом. Одно и то же на повторе, отличаясь лишь звучанием. Сводит с ума, скручивает внутренности, пробирается в голову, как мелодия самой кошмарной музыкальной шкатулки на свете.

«Хватит... хватит... Пожалуйста, прекратите, не умирайте, слышите, не умирайте, я больше не могу это слышать и чувствовать, остановитесь!»

Терпкий густой запах крови во рту, отчаянье заменило воздух, холод под кожей, мертвечина заползает в нос... Вой. Нескончаемый, обреченный, скатывающийся в хлипкое умоляющее поскуливание...

– Агата! О, боги, Агата, посмотри на меня!

Что-то цепкое силком потащило за шкурку, назад, прочь из проклятой шкатулки чужих страданий, хоть я изо всех сил старалась помочь, пинаясь и отталкиваясь руками и ногами.

– Руки держи ее, руки!

– Она сейчас сознание потеряет.

– Не должна, мы ее уже оттуда вытащили.

– Кто-то раньше видел подобное?

– А у кого-то здесь есть потомственные фамильяры?

– Леш, как Ирка?

– Миш, тащи вискарь! Тут нужно и наружное, и внутреннее применение.

– Бегу!

Разомкнув глаза с противными слипшимися от слез ресницами, я тут же увидела встревоженное бледное лицо Яблонева, в свете костра казавшееся особенно таинственным. Впрочем, таинственности и мистики так же добавлял «режим ведьмака» – метаморфоза, происходящая каждый раз, когда он мощно применял свои способности, полностью погружаясь в ментальное.

Справа на одном колене сидела Варвара, подперев голову рукой. Взгляд Праховой выражал такое явное «у нас опять проблемы», что захотелось немедленно притвориться спящим, а лучше мертвым опоссумом.

За спиной Варвары верным телохранителем стояла Саша. Пантера выглядела настороженной, осматривая округу, будто ждала нападения. Можно подумать, здесь неподалеку еще какой шабаш собрался.

– Я... – начав, я резко оборвалась, без понятия, какое слово поставить следующим. «В порядке» значилось последним в списке, а вот топ-5 прочно заняла емкая нецензурщина.

– Пока просто дыши, – велел Влад, стерев с моей щеки слезы. От прикосновения его прохладных пальцев сразу по-

легчало. С удовольствием положила бы ладонь практикующего себе на лоб вместо компресса, но ситуация не располагала к нежностям. Что за жизнь, вообще? Когда ни подумай, ситуация никогда не располагает.

– Пусть лучше выпьет, а то истерика может начаться, – появилась в поле зрения Захарова с пластиковым стаканчиком в руках.

– Согласен, – кивнул темный, помогая мне подняться на локтях. – Пей залпом, как микстуру.

Это было бы забавно, если бы не чувствовалась вся ненормальность ситуации. Не хватало только знаменитой фразы: «Пациент скорее мертв, чем жив. Пациент скорее жив, чем мертв». Поморщившись на резкий запах крепкого алкоголя, я проглотила жгучую жидкость и скривилась от вкуса. Гадость-то какая...

– Что там с Лошадкой? – тем временем спросила Варя Шляпницу.

– Приближается к адекватному состоянию, – оценила Захарова, обернувшись.

– Что случилось? – прохрипела я.

– Не поверишь, нам тоже интересно, – протянула Прахова, но никакого укора в этом не прозвучало. Скорее тщательно скрытое беспокойство. – Все было как обычно, пока вы с Ирккой разом не упали с криком и не начали кататься в конвульсиях по земле, продолжая орать, как резанные.

– Ты как будто пыталась оторвать себе уши, – добавила

Сашка. – Лошадка начала лягаться копытами направо и налево, плевать и отвешивать себе пощечины, губу в кровь разбила. Мишка с Березиным еле ее скрутили.

Я смотрела на ПрахМир с открытым ртом. Ругалова, которая наносит себе увечья? А инопланетяне у нас тут не высаживались на поляну? Во всяком случае, в это верилось больше, чем в самоистязания такой бережной к себе подруги.

– Агата, что произошло? Что ты увидела в костре? – перекрыл красочные объяснения кошачьего тандема Влад.

Голос ведьмака был ровным, вкрадчивым, но где-то там, в сером тумане глаз, мелькали тени и отражался костер. Связь между нами буквально вибрировала от сдерживаемой злости, но я хорошо чувствовала, что ко мне его гнев не имеет никакого отношения. Совсем как в машине решившего полихачить Березина.

– Я не видела. Только слышала и чуяла, – пробормотала я. – Пахло кровью и мертвечиной, но звук... – Меня передернуло, и я сильнее вжалась в грудь ведьмака. – Сложно описать, как будто выла собака, и в то же время нет, или, может, она была не одна... Не знаю. Звук был прямо у меня в голове, на повторе... Я просто хотела, чтобы это закончилось. Слушать такое... ужасно.

Влад помог подняться, и, не без помощи Саши, я, все еще на ватных ногах, добрела до забытой клеенки в окружении пледов. Почти таким же способом приволокли Ирку. От одного взгляда на Лошадку меня снова затрясло. Если я выгля-

жу хотя бы на пятьдесят процентов так же, то в гроб кладут краше.

– Собираемся, – утвердил Березин, кутая растерянную Ирку в свою куртку.

– Без вариантов, – согласился Влад.

– Езжайте, мы приберемся, – закивала Катя.

– Только пусть сначала выпьют это, – Захарова перекинула Владу небольшую фляжку. – Так дорога быстрее пройдет.

Не знаю, что это было за пряно-медовое питье, но, благодаря всего трем глоткам я смогла дойти по темному лесу до машины Леша почти самостоятельно, держа своего ведьмака только за руку, а не наваливаясь всем телом. ПрахМир, вызвавшиеся проводить, разговаривали с парнями о чем-то важном, но слова проплывали мимо. Переглянувшись с Ирой, одинаково контуженные и вымотанные, мы залезли на заднее сидение.

Кажется, я вырубилась еще до того, как наши практикующие подошли к машине.

Глава 6

Проснувшись в кровати Яблонева, что, благодаря нюху, не стало для меня новостью, я привстала на локтях. Ведьмака в комнате не оказалось, но колеблющийся в воздухе тонкий аромат свечей и древесной стружки с нотками табака сообщил, что парень был здесь не так давно.

На пороге комнаты, как и всякая уважающая себя служебная собака, нес стражу Кельт. Нес – сильно сказано, но, с другой стороны, то, что пес лежал на спине лапами кверху и призывно помахивал хвостом еще не значило, что он не бдит.

– Не выпрашивай, тебе нельзя в хозяйскую кровать, – хмыкнула я, прекрасно видя, куда клонит эта лукавая мордаха. – А вот мне можно, – ляпнула я, тут же прыснув. – Нет, ты слышал? «Хозяйская кровать», – важно повторила я, отчего-то широко улыбаясь. – Даже не помню, как в ней оказалась.

Взгляд наткнулся на джинсы, перекинутае через спинку компьютерного стула, и, внезапно, провалы в памяти превратились в существенную проблему. Черт с тем, что я не помнила, как покинула машину Березина и попала в кровать. Куда больше тревожило, что я не имела ни малейшего понятия кто, когда и как раздел меня до нижнего белья и майки. Ради собственного спокойствия стоило надеяться, что это бы-

ла Тамара, но ехидный червячок сомнений все же указывал на ее сына.

Выбравшись из-под одеяла, я почти схватила джинсы, но отчетливый запах костра заставил передумать и вспомнить о сменной одежде в заранее прихваченном рюкзаке. Переодевшись в чистое и попутно восстановив в памяти большую часть событий Вальпургиевой ночи, я вышла в коридор. Лестница на чердак была опущена, значит, Влад в своем «гнезде», вот сейчас и...

– Даже не думай подниматься сюда, не поев, – послышалось с чердака, и я убрала ногу с первой ступеньки, недовольно скривившись. Яблонев наверняка предчувствует количество моих вопросов, так что с его стороны весьма логично подстраховаться. Как однажды сказала Миркова: «голодный фамилльяр – горе практикующего». После парочки споров на пустой желудок с этим трудно было не согласиться.

– Не очень-то и хотелось, – буркнула я Кельту, и пес согласно заворчал.

На кухне за столом сидела Тамара, попивая кофе и вчитываясь в какую-то очень потрепанную и старую на вид толстую тетрадку. Заметив меня, ведьма улыбнулась и отодвинула ту на край стола, предварительно закрыв. Никаких опознавательных знаков на красной обложке не было, но все мои фамилльярские настройки сообщали о чем-то вроде ментальной радиации.

– Семейные рецепты, – пояснила мама Влада, заметив, на

что я пялюсь.

Ага. Не иначе как проклятий.

– Садись-садись, сейчас разогрею тебе мясо, ты пока себе в кружку вон из того термоса налей, – поспешила остановить меня на пути к холодильнику Тамара.

– Да не надо, я сама...

– Вот еще глупости, ты итак в этом доме некоторым слишком потакаешь, – женщина недовольно покосилась на потолок. – Мы теперь даже не выходим на ужин и обед, нас фамильяр накормит, когда придет, или уже накормил, – проворчала ведьма. – Бессовестный!

Трудно поспорить. Совести у Влада точно не было, или он крайне удачно ее прятал. В защиту Яблонева (а его защита – моя прямая обязанность) готовка Тамары не то, к чему стоило бежать, ломая ноги и захлебываясь слюной. Кулинарув в этом славном семействе потомственных темных не наблюдалось.

Сдавшись яростной заботе ведьмы, я покорно села за стол с кружкой пахучего... чая. Лучше буду называть это так, пусть на вид это и походило на какой-то суп из травы и листьев.

– Как твоя мама? – спросила Тамара, поставив тарелку с шашлыком в микроволновку.

– Не знаю.

Это казалось самым честным и правдоподобным, даже если мало напоминало ответ. В любом случае, врать ма-

ме-ведьме своего практикующего – не лучшая идея. Может, моя интуиция и барахлила в последнее время, но здесь сработала как часы.

– А ты? – Серые глаза женщины сверкнули совсем как у сына, когда Влад искал решение к какой-нибудь сверхъестественной задаче.

– Думаю, что ответ такой же, – я уставилась на «суп» в кружке.

– Хочешь поговорить об этом?

– Эта фраза слишком напоминает прием у психолога, – кисло отметила я.

– Что поделаешь, я же он и есть, – пожала плечами хозяйка дома, чуть улыбнувшись. – Начни с начала.

– Вы же знаете, что я не понимаю, где начало.

Моя мистическая жизнь началась с середины, хаотично, по каким-то кочкам и оврагам, без отчетливой линии старта, со страховкой в виде Яблонева, но, похоже, без тормозов.

– Все так говорят, – хмыкнула ведьма. – Самообман – пространенное явление.

Сложность общения с практикующими в том, что они всегда видят то, что хочется скрыть. Конечно же, для меня не секрет, в чем заключается моя проблема. Говорят, что ее понимание – половина успеха, но, если так, то со второй, отвечающей за устранение, пока беспросветно.

– Я злюсь, – неожиданно призналась я. – Очень сильно.

– На кого-то конкретного? – не удивилась Тамара.

– На родителей, на ситуацию, на себя... По-моему, проще перечислить на что я не злюсь, – хмуро поделилась я. – Мама не говорила правды, и почти всю жизнь я чувствовала себя какой-то неправильной. Отца вообще не было, и вдруг он появился в самый неподходящий момент. Меня раздражает, что постоянно случается что-то, что не дает... остыть и держит в напряжении. Влад рассказал, что случилось вчера? А планировалась, между прочим, интересная поездка на природу безо всяких катаний по земле и попыток оторвать себе уши. Я все время чувствую себя... не знаю, как проснувшийся вулкан, который вот-вот выплеснет лаву. Сессия еще эта... – Тяжело вздохнув, я закрыла лицо руками, вспоминая, что дома ждет еще курсовая и подготовка к зачетному тесту. К трем тестам, если честно.

Микроволновка сообщила о выполненной миссии, и Тамара поставила передо мной тарелку с мясом.

– Для начала поешь.

– Влад мне сказал то же самое, – пробурчала я, начиная думать, что у практикующих по части фамильяров на все один ответ. Плачешь? Поешь. Проснулась? Поешь. Вот-вот начнешь все крушить и ломать? Ерунда какая. Просто пойд и поешь.

– То, что ты испытываешь – нормально. Ненормально, что ты винишь себя за эти эмоции, – мягко начала ведьма, присев напротив. – Трудности случаются у всех, в любых отношениях, неважно, романтических, дружеских или семейных.

Неподходящий момент или подходящий – этих прилагательных не существует в жизненном пространстве. Оно просто случается и, по опыту, могу сказать, всегда именно так и тогда, когда нужно.

– Не могу сказать, что мне от этого стало легче.

– Никто не говорил, что жить легко, – пронизательно заметила темная. – Злость – хорошая эмоция при сражении, она подпитывает, разогревает кровь, помогает встать, когда упал, но жизнь – это не сплошные драки. Найди, где использовать свой гнев с пользой.

– Странный совет от психолога, – приподняла я бровь, спешно проглотив кусок свинины. – Разве вы меня сейчас не на йогу должны были послать?

– Разве ты не знаешь? – Тамара деланно удивилась. – Я же ведьма.

Поперхнувшись, я расхохоталась.

– Йога, – закатила глаза женщина, фыркнув. – Да ты на ней заснешь.

Это продлило мой смех еще на пару минут. Отсмеявшись, я покачала головой, чувствуя странное облегчение. После разговора с Тамарой и третьего куска мяса жизнь и правда перестала видаться в темных красках.

– Отнеси это Владу, скажи, что здесь ничего нет и прекрати мне «выкать», – Тамара передала красную тетрадь, как только я откинулась на спинку стула, доев. – Она не кусается.

– Да я просто... От нее чем-то фонит...

– Силой нашего рода, для тебя не опасно, – пояснила Тамара. – Иди, у меня клиент вот-вот подъедет.

Ретировавшись из кухни с тетрадкой в руке, на лестнице я все же поддалась любопытству, велев Кельту притвориться, что он ничего не видел. Открыв на первой попавшейся странице, я зацепилась за рукописный заголовок «Колесо мертвеца» и тут же ее захлопнула, коря себя за несдержанность.

Оставив любимца Яблонева сторожить проход на чердак, я, наконец-то, залезла в святую святых ведьмака. Влад обнаружился в своем кресле для приемов. Сидя на нем боком и перекинув ноги через подлокотник, парень читал книгу в черном кожаном переплете.

– От тебя пахнет мясом и мамиными наставлениями, – оценил практикующий, подняв на меня взгляд.

– А жалобы на себя ты не учуял, о, не желающей есть мамины кулинарные шедевры сын? – вытаращилась я, и мы обменялись смешками. – Держи, Тамара сказала, что в ней ничего нет.

– Так я и думал, – тяжело вздохнул Яблонев, забрал у меня тетрадку, вложил ее в книгу и опустил на столик. – Какая страница?

– Что?

– На какой странице ты ее открыла? – он кивнул на объект моего неумемного интереса.

– Как ты понял? – округлила я глаза, начиная думать, что по дому расставлены камеры.

– Расслабься, я всего лишь сделал предположение, основываясь на твоём любопытстве, и ты только что его подтвердила, – чуть улыбнулся ведьмак в ответ на мое не слишком радостное выражение лица, наверняка показывающее готовность пнуть его воронье величество.

– «Колесо мертвеца», – скрестила я руки на груди. – Это что-то значит?

Момент, когда в Яблоневе проступал темный ведьмак, пропустить было невозможно. Выпрямившись в кресле, он перебросил ноги на пол и посмотрел на меня так внимательно, что кто-нибудь другой на моем месте уже выбегал бы из дома. Склонив голову на бок, парень продолжал прожигать во мне дыру, однако, прежде чем я всерьез забеспокоилась, он моргнул, и из серых глаз исчезла эта парализующая воронка, затягивающая в никуда.

– Что такое?

– Ничего. Я подумал, что это могло быть знаком, как в гаданиях по книге, но на тебе, слава богам, нет ничего напоминающего запущенное колесо.

– И у меня все тот же вопрос.

Я присела на подлокотник его кресла, решив, что диванчик по другую сторону столика слишком большое расстояние между нами.

– Колесом в ментальных практиках обозначают магический цикл. Например, колесо ведьмы – это календарь основных языческих праздников, требующих определенных риту-

алов, оно нерушимо и непреложно. Колесо может быть запущено практикующим на конкретного человека или событие и как проклятие, и как благословение. Например, колесо невесты – это запуск периода для замужества, а колесо вдовы – время, в течение которого женщина перестанет быть интересна мужчинам, окажется в разводе или потеряет супруга. Колесо мертвеца – это период, заканчивающийся смертью.

Я приоткрыла рот:

– И я открыла страницу именно с ним?

– Успокойся, я не увидел ни одной спицы, так что на тебе этого нет. К слову, моя защита заставила бы его прокатиться мимо и вернуться к отправителю.

– Спицы?..

– Тебе не нужны такие подробности, – отрезал Яблонев, и я как-то сразу поверила, что да, действительно не нужны.

– Ладно. – Я глубоко вздохнула. – Я готова.

– К чему?

– К твоему объяснению, желательно, очень понятному для новичка, что это вчера, черт возьми, было. Такое же не происходит постоянно, верно?

– Не происходит. Над этим все еще думаю, причем, не только я. – Влад откинулся на спинку и прикрыл глаза. Непохоже, что сегодня он много спал. – Обычно участник круга получает видение от костра способом, к которому расположен. В твоём случае это слух и обоняние.

– А Ирка? – Я поморщилась, ощутив укол совести. Вчера

нам было не до разговоров, мы едва переставляли ноги, куда там делиться «волшебными» впечатлениями, но... – Почему это случилось с нами обеими?

– Это один из главных вопросов, – Князь приоткрыл один глаз. – Лошадке ближе осязание, по ее словам, она чувствовала, как что-то ползает по ее лицу и пытается прогрызть кожу.

Вытаращившись на парня, я потеряла равновесие и приземлилась на Яблонева. Точнее, прямо ему на руки, словно он только этого и ждал.

– Сиди тихо, – пробормотал Влад, даже не пытаясь помочь мне подняться.

Вместо этого темный усадил меня поудобнее, оставив у себя на коленях. Сообразив, что его такая поза вполне устраивает, я подняла голову и даже открыла рот, чтобы сказать что-то наверняка не блестящее интеллектом, но, наткнувшись на внимательный взгляд из-под ресниц, передумала. Вряд ли его мысли даже коснулись той темы, в которой только что увязала я. Тяжело быть девочкой.

– Я думаю, что из-за вашей длительной дружеской связи и частых соприкосновений Ругалова уловила отголоски того, что открылось тебе, когда ты не смогла справиться с таким объемом и отбросила часть видения. К тому же, она наверняка сильно беспокоилась о тебе после того случая, а Знание предпочитает гармонию, потому это не мог быть кто-то из темных, так что выбор остановился на светлом фамильяре.

– Как такое возможно, я же... не умею это делать.

– Ты – потомственный фамильяр, – красноречиво вскинул бровь Влад. – Когда инстинкты работают на максимум, тебе не нужно уметь, все происходит рефлекторно.

– Так что это было? Ты можешь расшифровать?

Яблонев тяжело вздохнул и снова закрыл глаза.

– Расшифровать такое видение непросто. Мне понятно, что то, что слышала и чуяла ты, было петлей смерти, но совершенно неясно, смерти чего или кого. Вой в твоём случае может означать слишком многое, учитывая твою сущность, а смерть это не только о физическом прекращении чьей-либо жизни. Смысл может быть как слишком глубок, так и лежать на поверхности, означая самое простое и очевидное. Мне так же понятно, что Ирка столкнулась с падальщиками. У практикующих есть такая поговорка: «Услышал падальщика в костре – быть беде». Так или иначе, мы получили серьёзное предупреждение. Вот только неизвестно, на кого или что нацелена угроза.

– Разве... не очевидно, что если видение получила я, то и угрожает это что-то мне?

– Нет, – отрезал ведьмак. – Никто не существует в пространстве обособленно, мы все связаны между собой. С таким же успехом предупреждение может относиться к твоим близким, друзьям или знакомым. И потом, я же сказал, что не стоит воспринимать все буквально, смерть – это более глубокое понятие, чем ее определение в учебнике по биоло-

гии.

Покосившись на темного, я уставилась в стену, стараясь привести мысли и все им сказанное в порядок. Вздвогнув, когда длинные тонкие пальцы ведьмака обвили мое запястье, я запоздало выдохнула, только сейчас понимая, что зачем-то задерживала дыхание.

– Не бойся, – Влад мягко привлек меня, позволяя спрятаться от жалящих догадок у себя на плече. – Мы со всем разберемся, как и всегда.

– Тебе не кажется, что, чем больше мы разбираемся, тем запутаннее и страшнее все становится?

– Нет. Это просто повышается уровень сложности, что вполне закономерно и необходимо для дальнейшего роста и развития.

– У меня такое чувство, что это цитата из какого-то доклада, – скривилась я, на что Яблонев фыркнул в макушку, закрывая меня в кольцо рук. Сразу же стало... хорошо. По-домашнему уютно, надежно и спокойно, все равно как падать спиной вперед, зная, что приземлишься на мягкий матрас.

– Закрой глаза, – тихо проговорил Влад с той особой интонацией – золотой серединой между просьбой и приказом, которую я не могла повторить, сколько бы ни пыталась. – Подними руки над головой.

– Что, еще какой-то подарок? – тут же заерзала я, готовая немедленно начать дебаты на тему его неуместной щедрости.

– Делай, как я говорю, – размеренным голосом велел Яб-

лонев.

Закусив губу, я вытянула руки вверх.

– Чуть сожми кулаки, как будто что-то держишь. Вот так. Представь, что это перекладина всех проблем.

– У мамы таким трюкам научился?

Тяжелый вздох темного пригасил мой скептицизм и поставил на рельсы серьезности.

– Хорошо, хорошо, – пробурчала я, в который раз ныряя в прорубь собственных неприятностей. – Представила.

– Теперь у нас два варианта. Можешь вцепиться в нее мертвой хваткой, пока пальцы не побелеют и кисти не сведет, или отпустить.

– И куда я упаду?

– В реальность, – уверенно ответил Яблонев. – Видишь ли, люди привыкли относиться к страхам и тревогам, как к домашним любимцам. Ласкают их, пригревают на груди, удерживают возле себя, придумывают имена и прикармливают своими сомнениями. Без человека их не существует, сами они никого не преследуют, в ноги и руки не вгрызаются, в заложниках не держат. Достаточно лишь однажды осознать, кто в кого на самом деле вцепился, чтобы выйти из этой ситуации победителем. Чем больше ты думаешь о них, пытаешься прогнозировать, накручиваешь себя, представляя худшие сценарии, тем сильнее сжимаются твои руки. Реальность – это не мысли о будущем, а действия в настоящем. Негативное мышление, к которому относится вся эта перекладина, –

Влад легонько постучал по моим кулакам, – очень быстро превращается в личную параллельную реальность, где все пошло не так. И она затягивает. Понимаешь?

– Да, – выдавила я, в тысячный раз задаваясь вопросом, как у ведьмака получается разжевать то, к чему даже подступаться было страшно.

– Так что? Продолжишь висеть в параллельной реальности, где все страшно, непонятно, неудачно и беспросветно, или все-таки спрыгнешь и пойдешь шаг за шагом в настоящем?

Глубоко вздохнув, я разжала кулаки и уронила руки на колени. Стало не в пример легче. Почти так же, как после бросания ветки в костер. Открыв глаза, я посмотрела на Яблонева.

– Как ты смог всего за несколько минут так прочистить мне мозги?

– Это талант, – хмыкнул ведьмак, взъерошив мне волосы. – Во-первых, все, что с тобой происходит, очевидно и без моих способностей, а, во-вторых, фамильяру всегда проще понять себя, когда он находится рядом с практикующим, это одна из возможностей связи. Сейчас ты просто позаимствовала несколько присущих мне черт и правильно их использовала, пусть и с моей помощью.

Ну, конечно. Следовало понять, что внезапно появившийся обзор «над» проблемой – это фишка Влада. В отличие от меня, ведьмак все рассматривал сверху, согласно своей кры-

латой сущности, в то время как я неслась напролом через колючие кусты и репейник.

– Хорошо. Шагаем по реальности, – глубокомысленно кивнула я. – И куда шагаем, что делаем дальше?

– Сейчас тебе нужно вернуться домой, провести время с мамой и начать готовиться к сессии, – усмехнулся Влад, видя мое скривившееся с первых же слов лицо.

– Ты же знаешь, что я спрашивала не об этом!

– Знаю, но ты опять тянешься к перекладине, – чуть пожал плечами темный. – Что у нас там... – Он погладил большим пальцем мой лоб. – Отец? До встречи с ним еще восемь дней. И хотя мне тоже очень интересно, что он и его практикующий тебе скажут, за это время может произойти еще много чего.

– Хватит, терпеть не могу, когда ты лезешь мне в голову!

Я отпрянула, слишком поздно осознав, что за спиной нет ничего кроме подлокотника кресла, и есть все шансы растянуться на коленях темного горизонтально. Пальцы вцепились в края толстовки парня, напрягшись всем телом в попытках удержаться, я потянула Яблонева на себя, почти сразу наткнувшись на его руку, выступившую в качестве подпорки. Словно этого было мало, вторая рука практикующего так же легла мне на спину, заключая в кольцо, и это поменяло все.

Вероятность падения ушла в ноль.

Вероятность возгорания взлетела до небес.

Серые глаза, оказавшиеся прямо напротив моих, потемнели на несколько тонов, напоминая штормовое море, и, клянусь, оно звало нырнуть с головой. В нос ударила ароматная смесь деревянной стружки, воска и табака, истребляя все прочие запахи. Оглушительное биение сердца отдавалось в горле, мешая дышать, когда горячее дыхание коснулось подбородка... В этом застывшем пространстве я почти слышала, как под кожей разливается пламя, неподвластное ни одному жаропонижающему.

Зрительный диалог между нами сократился до одного общего «о, боги».

В наэлектризованной тишине наше движение началось одновременно. Медленно откинув голову, я подставилась под его плавное приближение. Шею приятно закололо сотнями игл, едва к ней прижалось тепло ведьмака, и армия мурашек захватила спину и руки.

– Всегда вздрагиваешь, – прошептал Влад, когда я дернулась от первого прикосновения к излюбленному месту укуса всех киношных и книжных вампиров.

– Нельзя? – сдавленно спросила я, чувствуя типичное для таких моментов нарушение мыслительного процесса.

Я уверена, что расслышала смешок, но эта уверенность растаяла под укусом ведьмака, как и я сама. Нежный захват неуловимо обернулся яростным натиском, раскаленный воздух пек губы, пальцы жадно нырнули в его темные пряди... Между нами, средь белого дня, вновь пробила полночь, оку-

тывая тьмой контроль и любые границы.

– Тебе пора домой, – хрипло сказал мой личный Цепеш, когда одурманенная и потерявшая всякие ориентиры, я пыталась отдышаться на плече у ведьмака.

– Угу, – невразумительно согласилась я, только глубже зарываясь носом в тепло его шеи. – Ты такой горячий...

– О, боги...

– ...у тебя, случаем, не температура?

Секундная пауза донесла до нас обоих возможный и настоящий смыслы сказанного, и, прыснув, мы расхохотались.

– Нет у меня никакой температуры, это все ты с ядерным теплом своей сущности, – пояснил Яблонев, ловко отстраняя меня от себя и возвращая из гнезда рук на землю. Короткая заминка почти втащила за уши конфуз, но серьезность, вновь проступившая на лице Влада, избавила нас от возникшей неловкости. – Я могу быть уверен, что, оказавшись дома, ты не схватишься за перекладину снова?

– Думаю, да, – кивнула я, пряча руки в карманы джинсов. – А я могу быть уверена, что ты сразу расскажешь, если что-то из всего этого, – я неопределенно повела подбородком, – прояснится?

– Да.

– Даже если подумаешь, что я испугаюсь?

– Да, – снова кивнул темный, смерив меня недовольным взглядом.

– И, если куда-то неожиданно соберешься, тоже расска-

жешь?

Зная, как глубока и широка река терпения Яблонева, я даже не удивилась, когда ведьмак ответил «да» с той же интонацией и спокойствием, хотя любой другой на его месте уже закатил бы глаза или стиснул зубы.

– Ни разу не слышала от тебя столько «да» подряд, – прищурилась я. – Целый страйк. Подозрительно как-то.

– Если поторопишься, успеешь на автобус и будешь дома через полчаса, – изящным жестом Влад указал на выход.

– Да ты буквально выгоняешь меня... Постой-ка, – я скрестила руки на груди. – Ты такой сговорчивый, только чтобы я побыстрее свалила из твоего дома?

– У тебя есть свой, и там тебя очень ждут, – утвердил Влад, скопировав мою позу.

– Ты что, с мамой моей сговорился?

Яблонев смерил меня взглядом из серии «кто бы говорил» и, не посчитав нужным ответить вербально, снова указал на выход. Именно в этот момент за окном послышалось громкое карканье, и я понадеялась, что укор в моем взгляде прожжет его до самой сущности.

– Автобус все ближе.

– Мне театрально покашлять, или ты все-таки объяснишь, почему пытаешься вышвырнуть меня из дома за шкуру?

– Хорошо, давай подумаем вместе, – мило улыбнулся Яблонев.

Если бы кто-нибудь, в порядке общего бреда, спросил у

меня, какой дорожный знак может ассоциироваться с этой улыбкой темного, я, не раздумывая, указала бы на лопату или ремонтные работы. Потому что в нашем случае она означала, что сейчас мы будем копать так глубоко, как не снилось ни одному археологу.

– Давай, – уже не так уверенно согласилась я.

– Что ты сделала, как только проснулась сегодня? – лицо Влада стало непроницаемым, не давая ни одной подсказки о смысле вопроса.

– Э... поговорила с Кельтом, переоделась, а потом ты отправил меня есть. Что в этом такого?

– То, что раньше ты первым делом проверила телефон и позвонила бы маме, чтобы сказать, что с тобой все в порядке, – неожиданно жестко припечатал ведьмак. – Недавно ты оказалась в серьезной опасности, а вскоре после этого уехала на ночь с друзьями в лес. Неважно, сколько правдивого твоя мама знает об этой поездке, но ты даже не задумалась о том, чтобы связаться с ней сегодня.

– Она мне тоже не позвонила, – тут же надулась я, ужаленная словами практикующего.

Скептически глянув в ответ, Влад склонил голову набок:

– Агата, что ты делаешь? Прячешься от нее или наказываешь? И то, и другое слишком глупо, чтобы я закрывал на это глаза. Навсегда спрятаться невозможно, наказывать бесполезно – никто не может вернуться в прошлое и изменить его. Эта ситуация ослабляет тебя, а, значит, и меня. Неста-

Бильный фамилляр скорее наломает дров, чем поможет что-то построить. Как ты поведешь себя, если в следующем деле придется помогать кому-то с конфликтом «дочки-матери»? Сможешь ли остаться объективной и не перетягивать меня на чью-то сторону своими эмоциями?

Ладно, это больше походило на ушат ледяной воды, полностью отрезвляющий от недавнего возгорания. Закусив губу, я нерешительно посмотрела на Яблонева. Прежде я не рассматривала собственные семейные неурядицы с такого угла.

– Я... поняла, – пробубнила я.

– Следующий автобус через пятнадцать минут, – только и сказал Влад, поднимая со стола семейные записи. – Напиши эсэмэску, когда доберешься, я собираюсь немного попрактиковаться, так что могу не ответить на звонок.

– Хорошо. Влад... – я обернулась возле лестницы с чердака. – Спасибо.

– О чем ты? – темный хмыкнул. – Это моя работа. Держи хвост пистолетом, – подмигнул парень.

Закатив глаза, я ретировалась из обители практикующего, мысленно желая ему не подавиться ужином от шеф-повара Тамары.

– Я буду тщательно пережевывать! – донеслось мне вслед.

– Да чтоб тебя! – Я топнула по ступеньке, напугав лежавшего в коридоре Кельта и, судя по каркающему смеху, знатно развеселив Влада. – Так и живем, – развела я руками пе-

ред псом и театрално поцокала языком.

Дома, вместо ожидаемого материнского расстрела беспокойством, меня встретило минное поле из тишины и повисшей в воздухе неуверенности. Если неделю до этого мы успешно не пересекались в одном пространстве надолго, исключая шанс серьезного разговора тет-а-тет, то стартовавшие майские праздники и жесткий указ Влада представляли настоящую угрозу.

Завозившись в прихожей с обувью, я проверила обстановку стандартным «привет, мам, я дома» и тяжело вздохнула, получив в ответ осторожное «привет». Да, определенно, мама тоже идет по этому хлипкому мостику над скандалом.

– Думаешь, как сказать, что нам нужно поговорить?

Сегодня день телепатии, что ли?

Заглянув в комнату, я кивнула, обнаружив Ма на диване в компании семечек и электронной книги.

– Думаю, мы и так знаем, что хотим сказать друг другу, – нервно предположила я, пытаясь прислушаться к интуиции, но та упорно молчала. Похоже, придется довериться реальности и просто «шагать» по дороге. – Я... не понимаю, зачем вы все это устроили. Раньше мне казалось, что... – я приоткрыла рот, не зная, какое слово употребить: голосовые связки напрочь отказывались воспроизводить «отец» или «папа».

Наверное, оттого что не подходили ситуации. В моей жизни вообще не было случая, когда они могли бы понадо-

биться. Чуждые, непонятные, какие-то совершенно лишние, словно принадлежащие иностранному языку, они застряли в горле тугим комом, как если бы я подавилась пережаренным мясом.

– Мне казалось, что еще до моего рождения между вами произошло что-то ужасное, — все же продолжила я, — что-то такое, что ты даже имени его никогда не произносила. Ты всегда игнорировала мои вопросы о нем и никогда не сравнивала нас, как это делают другие матери-одиночки, когда ребенок натворил что-то позорное. Еще месяц назад я хотела найти его, чтобы увидеть, узнать, понять, что он тебе сделал, но, оказывается, у вас не такие уж плохие отношения, если он приехал по первому твоему зову. Я чувствую себя обманутой, мам. Дело даже не в том, что ты все это время знала о существовании практикующих и фамилльяров, моей наследственности и всячески водила за нос, отрицая малейшие проявления моей... «необычности». Я могу списать все это на боязнь сверхъестественных вещей. Чего я не понимаю, так это зачем всю мою жизнь нужно было притворяться, что он... плохой? Ты не говорила этого напрямую, ты вообще о нем не говорила, и это позволило мне сделать собственные выводы, придумать историю и верить в нее годами. И знаешь, что теперь? Через неделю мне предстоит с ним встретиться, а у меня вот тут, — я постучала себя по груди, — все огнем горит от злости, как только я думаю об этом. Твое молчание оказалось намного хуже, чем если бы ты выдумала

какую-нибудь банальную историю.

– Агата...

Опустившись на свой диван, я обхватила голову руками, упершись локтями в колени. Невероятно, как слова, убежавшие всю неделю, внезапно нашлись и сложились в предложения. Тамара точно знала, что делала, советуя «просто начать с начала».

– Я всегда хотела для тебя только лучшего, – тихо продолжила мама, и я закусила губу, чуя подкрадывающийся стыд. – Это нормальное желание любого хорошего родителя: хотеть своему ребенку лучшей жизни и оберегать его от опасностей. В свое время, по ряду причин, мы решили, что для тебя лучше никогда не знать обо всей этой... мистике. Этот мир, он такой опасный: проклятия, порчи, все эти знания...

– Это вы хорошо придумали, – фыркнула я, благополучно отфутболивая стыд в аут. – Вот только я и есть «мистика». Опасность – я и есть. Хочешь, по одним запахам расскажу все, что сегодня происходило в этой комнате? Что это за ряд причин у вас был? Раз их несколько, значит, дело не только в твоём личном мнении об «ужасном» мире практикующих? Кстати, на это сейчас указывает моя интуиция, у меня шестое чувство работает, как компас и Гугл вместе взятые. Сразу предупрежу: я чувствую, когда врут, у лжи тоже есть свой запах, а еще у меня на быстром наборе толпа покойных предков по линии его рода, и они очень хороши, когда нуж-

но получить совет или подсказку.

Как ни странно, мне удавалось оставаться спокойной, даже хладнокровной. Вернее, на высоте птичьего полета. С такой формулировкой удивлению точно места не было. Конечно же – связь и Влад «Карр» Яблонев на том ее конце.

– Агата, пожалуйста, прекрати так напирать на меня.

– Напирать, мам? Ты меня сумасшедшей выставляла каждый раз, как происходило что-то из ряда вон. Помнишь, как однажды у бабушки дворовая собака вдруг защитила меня от соседских мальчишек? Ты же знала тогда, что это не просто так, верно? А что сказала на мою историю? Что мне нужно меньше читать фэнтези. У тебя всю мою жизнь на запястье провисел браслет-сканер на предмет практикующих, и после этого ты говоришь, что я напирала?

– Я понимаю, – неожиданно кивнула мама. – Сейчас тебе кажется, что я поступила неправильно, сыграла на твоих эмоциях и неведении, обманула, предала и бог знает, что еще. Но на то были причины, и Вячеслав хочет сам тебе о них рассказать. Я согласна с этим просто потому, что не сумею объяснить этого так хорошо, как он. Однако все это, вообще все это, – мама махнула рукой, будто стараясь охватить все мои двадцать лет, – не значит, что я когда-либо вредила тебе умышленно. Ты – мой ребенок, и все, что я делала и делаю было из лучших побуждений.

– Благими намерениями... – протянула я, как никогда согласная с концовкой фразы.

– Знаю, – устало согласилась Ма, и в этой усталости я увидела отражение своей собственной. Я не привыкла злиться на маму. Наши отношения никогда не держались в суровых рамках «родитель-ребенок», больше напоминая сестринские и дружеские, и чувствовать между нами такую продолжительную эмоциональную непогоду попадало в категорию «нонсенс».

Я зажарилась до хрустящей корочки под палящим гневом.

Я промокла до костей под ливнем из обид.

Я не могла дышать в этой ледяной проруби растерянности.

Потребовалось всего два шага, чтобы подойти к ее дивану, и всего одно крепкое объятье, чтобы подарить свое «прости» и принять ответное.

Глава 7

– Обожаю май, – широко улыбнулась Ирка, вытянув свои подкаченные тренировками с Лешей ноги и откинувшись на спинку скамейки. – Золотая середина между холодом и жарой, вкусный ветер, и вечера какие-то совершенно особенные, правда?

Я угукнула, занятая борьбой с фольгой, скрывающей под собой спасительное мороженое с шоколадной крошкой. Ругалова, купившая себе классический рожок, таких проблем не испытывала и уже всю хрустела вафлей. По другую сторону Миркова перемалывала пластиковой ложкой пломбир в стаканчике, и я буквально чувствовала ее взгляд «я же говорила брать такое же и не мучиться». Что поделать, к этому страданию меня привели любовь к «фонарику» и отказ искать легких путей.

– Дай сюда, – не выдержала Пантера, пихнув мне свое. – Подержи. Вся сейчас измажешься, оно уже снизу капает. Когти тебе на что?

– У меня их нет, – пробурчала я, глядя, как она распечатывает фольгу в два движения.

– Ну да, конечно, и клыков, да и вообще ты вся такая овца овцой, – фыркнула фамилляр Праховой, под хихиканье Ругаловой возвращая мою законную добычу. – Пожалуйста.

Убежденная, что первый кусочек – самый важный, я за-

змурилась, погружаясь в знакомый с детства вкус. Впервые мы выбрались на прогулку женским составом фамильяров нашего круга и поначалу общаться без присутствия практикующих было непривычно. Похоже, совместная поездка в Калугу не сильно помогла им найти общий язык, так что Ирка с Сашей разговаривали больше со мной.

С одной стороны, в этом была логика: с Лошадкой мы дружили несколько лет, а с Пантерой принадлежали одному мистическому лагерю темных и удивительно хорошо понимали друг друга, при этом ничего особо не говоря. Слава богам, на втором большом круге по парку мне пришло в голову заговорить о школьных годах, что сподвигло обеих на диалог. Закрепив успех вопросом о любимых фильмах, уже к третьему кругу я наконец-то добилась полноценной беседы.

– По поводу мая, кстати говоря... – заговорила Миркова, попадая своим стаканчиком точно в урну в метре от нас. – Для меня это самый быстрый месяц в году. Шашлыки, парад, дача, огород, потом неделя уходит на стабилизацию практикующего после девятого, дальше начинаются выезды за травами, камнями и поисками смысла жизни по лесам. Туда-сюда – и уже июнь, привет, лето.

– В смысле выезды за травами? – уставилась я на нее, не припоминая таких вводных от Яблонева.

– Тебе не о чем переживать, – отмахнулась Сашка. – Максимум скатаетесь с Князем пару раз к его бабуле, у нее запасы не переводятся, а вот нам с Варей нужно будет сначала

добраться до Калуги, а потом нарезать круги по сосновому бору в поисках всякой всячины вроде первый смолы, нетрутового мха и еще много чего.

Доедая мороженое, я едва не подавилась на словах «скатаетесь к бабуле». Звучало мило и по-домашнему, прямо как в одной рекламе, где опрятная старушка в сверкающем белизной фартуке приходит из сказочно чистого коровника сразу с кувшином молока к детям и внукам, которых, кроме этого самого молока, в жизни вообще ничего не интересует.

– Ого, Леша мне тоже ничего не говорил, – протянула Ирка.

– Наверняка собирается преподнести как отличную прогулку на свежем воздухе, – хмыкнула Миркова. – Ну что, перейдем к горячей теме дня?

– М? – я невинно посмотрела на Пантеру.

– Да ладно, ты же не думаешь, что я поверю, будто через два дня после Вальпургиевой ночи, на которой вы обе знатно отличились, ты просто так позвала меня погулять по парку компанией фамильяров-девочек?

– По правде, я давно хотела сходить с вами куда-нибудь, – сказала я, не кривя душой. – Мы состоим в одном круге, выполняем одну и ту же обязанность, и, думаю, в некоторых моментах можем понять друг друга даже быстрее практикующих. Чем лучше мы общаемся, тем больше пользы, разве нет?

– Ага, до первой ссоры внутри круга, – скептически протя-

нула Ирка. – Ты же помнишь, что фамилляр автоматически на стороне своего практикующего в любом конфликте и не должен выдавать информацию о нем постороннему? А посторонние, как известно, все, кроме членов тандема.

– Лошадка права, узы практикующего и фамилляра накладывают множество ограничений на дружбу с кем-либо, тем более, с обладающим способностями, – согласилась Саша.

– Смотрите-ка, вы уже близки к идиллии, – фыркнула я.

– Это ситуативно, – пожалала плечами Миркова. – Завтра все может перемениться, Варвара с Березиным что-то не поделят, и придется проверять чьи-то копыта на прочность.

– Встретив их клыками, – буркнула Ирка.

– Может хватит? – я показала руками «тайм-аут». – Что такого должно произойти, чтобы практикующие одного круга, заметьте, прекрасно между собой общающиеся, довели дело до драки?

– Тебе напомнить, как весело было в гостях у Варвары? – приподняла бровь Саша, естественно, намекая на нашу драку после полной активации моего фамиллярства угрозой жизни Яблонева.

– Да уж, шоу было хоть куда, – покивала Ругалова.

Я закатила глаза:

– Настоящее шоу началось бы, если бы схлестнулись практикующие. Однако этого не произошло ни тогда, ни в случае с тобой и твоей паранойей.

– Да, мы всего-то дошли до Захаровой и ее «чудесного»

сундучка с камешками, – язвительно отметила Ирка.

– Зря ты так, – Саша покачала головой. – Это еще очень культурное решение проблемы. Как-то раз, на каникулах в Калуге, на нас наткнулся тандем темных... Не буду вдаваться в подробности, но, если коротко: они начали, а Варя закончила, – Миркова щелкнула пальцами. – Мощная порча была, у меня потом волосы на голове еще пару дней шевелились.

– Я просто хочу сказать, что сейчас мы все в хороших отношениях, – быстро вклинилась я, пока Ругалова не успела возмутиться «драконовскими» методами ПрахМира. – Не надо заранее думать и ждать, когда это может измениться, а помогать друг другу сейчас. Поэтому, у меня есть один важный вопрос к вам обеим до того, как мы перейдем к Вальпургиевой ночи, ладно?

– Задавай, – прищурилась Пантера.

– Давай, я готова, – поддержала Ирка.

– У вас когда-нибудь было чувство, что некоторые привычные способности фамильяра работают как-то не так, или вообще не включаются?

– Не-а, – уверенно заявила Ругалова. – У меня скорее наоборот было: иногда я не понимала, что они работают. То есть как бы лошадь побежала раньше, чем ее запрягли.

Хмыкнув на сравнение, я повернулась к притихшей Пантере. Девушка вертела в руках брелок в виде серебристой фигурки потягивающейся кошки, и ее задумчивое выражение лица не предвещало ничего хорошего.

– Плохие новости? – осторожно поинтересовалась я, когда молчание затянулось.

– Угу, – кивнула Миркова, глядя перед собой. – Личные ментальные возможности фамильяра напрямую зависят от его психического состояния. Иными словами, если сейчас у тебя трудности с привычной способностью – проблема в голове. Я сама сталкивалась с этим. Есть одно огромное различие между практикующими и фамильярами, о нем редко говорят, хватает и очевидного, но по мне оно одно из самых важных.

– Какое? – опередила меня Ругалова, пригнувшись к коленям, чтобы лучше видеть Пантеру.

– Практикующие, если вдруг их все достанет и станет неспособны, способны отказаться от дара и жить обычной жизнью. На такое идут редко, Варвара, например, не знает никого, кто бы так поступил, но выбор остается за ними. У нас такой роскоши нет. Фамильяром родился – фамильяром живешь.

«Фамильяром умрешь», – логично закончила я про себя, пожившись.

– Подожди. Хочешь сказать, если практикующий фамильяра отказывается от дара, то фамильяр...ммм... переходит к следующему, что ли? – ошарашено высказала Ирка.

– При особом везении. Вы же уже достаточно пробыли фамильярами, чтобы осознать все прелести уз с практикующим? Если с их стороны все будет вырвано с корнем, с на-

шей продолжит цвести и требовать чего-то вроде новой благодатной почвы, – мрачно усмехнулась Миркова. – Понятно, что второй практикующий никогда не сравнится с первым, но в такие дебри я лезть не собираюсь. Варя скорее себе все кости переломает и съест таз червей, чем откажется от дара.

– Влад тоже, – среагировала я, не став напоминать, что совсем недавно мы доказали это на злосчастной крыше заброшенного завода.

– На меня не смотрите, я считаю, что у Леши даже такой мысли не возникнет, – замахала руками Ирка. – Но узнать было интересно, никогда не задумывалась.

– Я не просто так это в разговор вплела. Способности фамильяра – врожденные. Им нельзя научиться, как практикующий-самоучка Шакал, развить с нуля, или получить еще каким-либо способом, вроде жертвоприношения.

– А что, дар практикующего можно и так получить? – поперхнулась Ругалова.

– Помнишь историю древнего мира? – приподняла бровь Миркова. – Жрецы преподносили богам много чего, и не всегда это были мед с молоком или фрукты. А про вуду что-нибудь слышала? Вот и делай выводы.

Скривившись, Ирка откинулась обратно на спинку, наверняка подумав о человеческих жертвах, реках крови, отрубленных конечностях и внутренностях. По крайней мере, в моей голове возникла именно эта цепочка образов.

– В общем, твои способности не могут вдруг исчезнуть,

или как-то неправильно заработать. Это что-то вроде меча и щита – если натренировался ими пользоваться, то дальше ты или берешь их в руки и дерешься, или вообще не притрагиваешься. Разбираться надо не с оружием, а с тем, что мешает его поднять.

– Проблема в голове, – повторила я ее слова.

– Ничего удивительного, – фыркнула Ирка. – У тебя в последнее время что ни день, то новая проблема. Похищение, этот гад сбежавший, родственники новые, как двое из ларца, и еще масса приятностей вроде универа, козла с Крокодиллом на привязи, да и с Вл... Ой! – Ругалова зажала рот рукой. – Яшлык прикушила, – сморщилась подруга.

– С Захаровой шутки плохи, – понимающе покивала Саша.

Я сочувственно глянула на Ирку, догадываясь, что последний камень на весах моих проблем она относила к нашим странным отношениям с Яблоневым, мерси его клятве. Зато благодаря ее клятве, данной Шляпнице, Ирка не имела возможности капать мне этим на мозги.

– Ну, это я уже поняла, – пробурчала Лошадка.

– Что у тебя случилось, что ты не могла пользоваться способностями? – осторожно поинтересовалась я у Мирковой, морально готовая получить в лоб за такие личные вопросы.

Пантера тяжело вздохнула. Я заметила, как она дернула рукой к карману за пачкой сигарет, но мы были в парке посреди белого дня, так что с желанием покурить придется по-

терпеть.

– Я тогда, наверное, год уже как была фамильяром, чувствовала себя очень уверенно, много тренировалась и хорошо знала, на что способна. Вернее, я так думала, – хмыкнула Миркова. – Как-то раз зимой мы с Варварой шли от клиента поздно вечером. Сами знаете, когда практикующий вымотан, мы напряжены еще сильнее обычного, и цель всего одна: максимально быстро и без происшествий доставить его домой.

– Есть такое, – в один голос поддакнули мы с Ирккой.

– Вместо того, чтобы вызвать такси или добраться другим транспортом, Варя решила пройтись и проветриться. Я помню, что идея не понравилась мне сразу, но не стала спорить с Праховой, тем более что пройти нужно было всего пять улиц, а это полчаса медленным ходом с подуставшей ведьмой на прицепе. Где-то на середине дороги, как раз в одном из дворов между двумя остановками, к нам в попутчики стали набиваться два наркомана, – Сашка мрачно усмехнулась. – Вам еще не доводилось сталкиваться с таким?

Переглянувшись, мы с Ирккой отрицательно покачали головами.

– У них особая энергетика саморазрушения и дурманящий запах, как будто наркоз ввели, и он вот-вот подействует, – продолжила Миркова. – Когда до меня дошло, что от такого присутствия может случиться с практикующим, только что изрядно потратившим силы на изгнание нескольких

тварей, я на инстинкте полностью перешла в режим сущности. Конечно, в такой ситуации, любой опытный фамилляр остановится на классической защите: изолировать практикующего в ментальном пространстве и перекрыть подход к нему физически.

– Дальше делаешь лицо пострашнее, добавляешь во взгляд желание убивать, и сторонний интерес пропадает сам собой, у всех внезапно находятся дела поважнее, – покивала я. Сама я уже не раз успела применить эту теорию на практике, правда Владу чаще угрожала надушенная бумажка с телефончиком, подкинутаая в капюшон толстовки, но кому нужны эти жалкие подробности?

– Верно, – Саша дала мне «пять». – Конечно, сейчас в подобной ситуации я поступила бы совершенно иначе, но в тот момент... Инстинкт «защитить любой ценой» перекрыл все, я не пыталась избежать угрозы, сразу же дойдя до точки «устранить». Последнее, что я помню, как один из них попытался наскочить на Варвару, говоря что-то о том, что девушкам не следует ходить в одиночку так поздно, мало ли что может случиться. Когда мозги, не без помощи Праховой, встали на место, оказалось, «мало ли что» случилось с ними. Моя семья – династия военных. Прадед, дед, отец, мама и оба старших брата – все носили или носят форму, все отличаются бойцовским характером и с детства учатся держать удар. Я двенадцать лет занималась каратэ, потом пять лет айкидо, а сейчас кикбоксингом...

Краем глаза я заметила, как раскрылся рот у Ирки.

– Понятно, почему ты так хороша, – протянула я. – Получается, у тебя не только сущность ловкая и быстрая, но еще и тело натренировано.

Я мигом вспомнила, как легко и непринужденно Саша вела себя на наших тренировках, подсказывая и показывая, как отступать, разрывать дистанцию и блокировать нежелательные для практикующего контакты.

– Лестный отзыв, – выдала Миркова одну из кошачьих улыбочек Праховой. – Варвара считает, что все, что было в моей жизни до запуска фамиллярства, готовило меня к нему. У тебя, потомственной, все ментальные навыки и умения в подкорке, зато приходится подтягивать физический план. У меня наоборот: полная готовность во втором и необходимость обучения в первом. Обучаться и тому, и другому одновременно невозможно, слишком много времени займет.

– Это не совсем верно, – вмешалась Ирка. – По-твоему выходит, что фамилляр, помимо потомственного, может стать только кто-то спортивный, но я, например, ни то, ни другое.

– Я же сказала: не становится, а рождается. С вами, светленькими, отдельная история, – скривилась Пантера. – Ваши практикующие не лезут в могилы за ответами, не погружаются в мир мертвых и предпочитают не сталкиваться точкой зрения с чужой стенкой мнения. Если ты родился фамилляр темного, тяга к спорту и успеху на этом поприще га-

рантирована. Хотя, посмотри на Потапова. Далеко не рохля, верно? Алена у Паши – профессиональный пловец. Я знаю еще троих фамильяров темных из других городов, и это все ребята с хорошей физической подготовкой.

Я кивнула, соглашаясь с Мирковой. Спортивный характер и целеустремленность – то, что доктор прописал, когда состоишь в тандеме с темным. На слабых ножках по дремучему лесу не побегаешь, без силы воли и упорства с уверенными ведьмами и ведьмаками не поспоришь. Когда-нибудь я перестану удивляться закономерности всего происходящего в мире практикующих, но точно не сегодня.

– Так что случилось с теми наркоманами? – вернулась я к прежней теме.

– Да ничего хорошего, – зыркнула исподлобья Саша. – Первому я сломала руку и выбила зуб, второму вывихнула колено, сломала кисть, нос и обеспечила сотрясение, плюс еще по мелочи синяки, ушибы и ссадины. Зрелище было жалкое: два покалеченных доходяги, снег вокруг в крови... Первый раз, когда я по-настоящему осознала, на что способна, и все резко перестало быть эфемерным и существовать в теории. Это была жесткая практика, и на то, чтобы принять ее и себя потребовалось много времени. Несколько месяцев после того случая я не могла атаковать на любом плане, каждый раз в голове будто щелкал выключатель.

– Окей, это серьезная ситуация, – согласилась я, догадываясь обо всем, что Миркова не произнесла вслух. Сле-

пая ярость и испепеляющее бешенство, игнорирующие существование любых тормозов, были знакомы мне не понаслышке.

– Поэтому, если что-то не так, ищи ответ здесь, – Пантера постучала себе по виску. – Или передала страхом, или закопала неуверенностью.

Я понимающе кивнула, однако ничего из сказанного не походило на мой случай. Интуиция с Вальпургиевой ночи вела себя, как пьяная, как будто на моей привычной волне шел эфир с помехами. Утром я смогла учуять апельсины с третьей попытки, хотя они лежали прямо передо мной. Впрочем, нельзя исключать и правоты Влада, Ирки и, похоже, всех окружающих, осведомленных о моих приключениях. Всему виной банальный стресс.

– Ладно, а что насчет костра силы? – прервала спокойное молчание Ругалова.

– Пойдемте еще пройдемся, сюда приближается много детей, а это всегда слишком громко и суетливо, – сморщила нос Сашка. – Так что насчет костра? – спросила девушка, когда мы свернули на другую аллею. – Вам официальную версию практикующих, или мою личную?

– Официальную мы и так знаем, – пробормотала я. – Ничего точно сказать нельзя – будем ждать прояснений. Никто не паникует, занимаемся обычными делами, улыбаемся и машем.

– У тебя прямо подгорает, а? – хихикнула Пантера.

– Я очень хочу спокойствия и обычной фамиллярской рутины, но не могу делать вид, что все нормально, когда все вокруг твердит об обратном. Так что давай свою версию.

– Она основана не на логике и расшифровке значения, как делают практикующие, а на языке тела. Во-первых, когда вас накрыло, мы с Варей уже отстрелялись. Она сильно отвлеклась на свое видение, поэтому не заметила, как все началось. На самом деле, никто кроме меня на тебя не смотрел, Яблонев тоже был в трансе. Ты оскалилась, – Сашка покосилась на меня. – Настолько свирепо, что я повернулась по кругу, выискивая недоброжелателей, решив, что твой нюх сработал быстрее моего слуха. Это явно была реакция на прямую угрозу, инстинкты не обманешь. Во-вторых, вы обе вертелись, пинались и размахивали руками, но движения были больше похожи на драку, чем на панические попытки отмахнуться от чего-то неприятного. В чем бы ваши мозги в тот момент не увязли, рефлекс и инстинкты оно не остановило, так что я думаю, что это было предупреждение о серьезном враге, причем конкретно тебе, – серьезно посмотрела на меня Миркова.

– Ты этой теорией с Варварой делилась? – выпалила Ругалова.

– Нет, я вообще собиралась рассказать ее только Агате, но раз разговор зашел при тебе... – Пантера пожала плечами. – Если сказать практикующим, это может нарушить их концентрацию для помощи другим людям. К тому же, я могу

ошибаться, и тогда весь круг будет напряжен попусту. Нам уже Игната хватает, а если у него еще окажется темный на подхвате, вообще весело будет, – закатила глаза девушка, доставая сигареты, как только мы вышли из парка. – В общем, будь начеку, не расслабляйся и проверяй нюхом каждую подворотню дважды, прежде чем туда зайти, ладно?

– Ладно, – безрадостно протянула я, надеясь, что такой осечки, как с апельсинами сегодня, больше не повторится.

– Мне пора. Если что, звоните, коллеги, – отсалютовав двумя пальцам, Пантера бойко зашагала через дорогу на загоревшийся зеленый. Похоже, фамильяр Праховой не была фанатом долгих прощаний.

– Ну, спасибо, Агата! – накинулась Ирка, едва мы повернули в сторону дома. – До этой прогулки я верила, что не о чем волноваться, раз толком ничего не произошло...

– Ничего не произошло? – перебила я. – То есть, когда нас с Владом едва не убили, или когда мы вдвоем бились в припадке у костра – это ничего не произошло? Ничего себе у тебя стандарты завышенные!

– Чего ты завелась-то, я не это имела ввиду! – всплеснула Ругалова руками, едва не выронив сумку. – Я говорю, что касательно этих видений пока еще ничего не произошло, это вроде как... ну... типа тизера к фильму, или анонса книги.

– Ага, и я даже уже знаю их жанр, – хмуро заметила я. – Ужасы и триллер.

– Я думала, ты скажешь детектив, и я такая: «убийца дво-

рецкий!»! – толкнула меня в плечо Ирка, и мы обе приснули. – Ладно, если серьезно, Миркова сильно напрягла, и ты еще со своими разговорами про нарушение способностей... Кар-кар знает?

– Да ничего такого, я просто любопытничала, как всегда. Если у меня что и не получалось последнее время, то это из-за усталости... эмоциональной и ментальной, – добавила я настолько уверенно, что почти сама поверила.

Попрощавшись с Иркой на остановке, я проверила телефон, не порадовавший никакими новостями от Яблонева. Стоило только подумать о ведьмаке, как экран высветил входящий «Князь», и заиграла одноименная композиция «Наутилуса Помпилиуса». Покивав строке «Идет, идет, идет вслед за мной...», я приняла вызов:

– Слушай, у меня вопрос.

Хохотнув в ответ, Яблонев фыркнул:

– О, боги, как я удивлен.

– Какая мелодия у тебя стоит на меня?

– «Волкодав» «Мельницы», – не задумываясь, ответил

Влад.

Широко улыбнувшись такому выбору, я перепрыгнула бордюры и бодро зашагала в сторону дома.

– Как погуляли?

– Непло... подожди. Я не говорила тебе о прогулке, – нахмурилась я.

– Я же практикующий. Причем темный.

– Нефильтрованный, – буркнула я, добиваясь еще одного смешка. – Ты что, опекаешь меня 24 на 7?

– Вообще-то, это моя обязанность, но, на этот раз, все гораздо проще: мы разговаривали с Варварой по делу, и она сказала, что Саша отправилась на встречу фамильяров-девочек в парк. Её-то фамильяр рассказывает, когда собирается повидаться с другими членами круга.

Я закатила глаза, безо всяких способностей слыша укор.

– Ну, я новичок без опыта работы, откуда мне знать такие тонкости, – прикинулась я невинной овечкой.

– Я мог бы сейчас прочесть целую нотацию на эту тему, но меня слишком радует твое настроение, так что оставим ее на другой случай, – неожиданно отступил Влад, и мои щеки сообщили, что собираются треснуть от удовольствия.

– Вот это щедрость, Княже, – хмыкнула я.

– И ты туда же, «Князь тишины» на звонке, верно? – протянул Яблонев. – Я думал, ты выберешь что-то пооригинальнее.

– Вообще-то сначала я хотела «Черный ворон, чёй ты вьешься над моею головой...», но это как-то слишком трагично, – припомнила я.

– Да уж, – оценил ведьмак. – Как ты уже догадалась, я звоню не просто так.

– Вот это новость! – деланно возмутилась я. – Никакого интереса к жизни своего фамильяра, посмотрите на него, сплошной деловой подход!

Я прикусила язык, сама не понимая, откуда взялась эта фраза и интонация. Когда это я так развеселилась?

– Странно. Я чувствую, что ты абсолютно трезвая и на истерику это тоже не похоже, – вторя моим мыслям, медленно проговорил Влад. – Ты пытаешься скрыть свое настроение и переигрываешь?

Логичное предположение, но нет.

– Сбой на фоне эмоциональной нестабильности, – повторила я объяснение Ругаловой, которое она вывела из-за моих резких перепадов настроения. Как часто они случались с тех пор, как умер Илья? Возможно, пора подумать о записи на прием к Тамаре в качестве пациента. – Сама уже ничего не понимаю.

– Я понял. Это нормально, скоро пройдет, – успокоил Влад. – У меня на завтра появилось дело, нужно будет съездить в Заречье к одной семье, говорят у них двух дочерей кто-то душит по ночам. Составишь компанию?

– Спрашиваешь! – фыркнула я, поежившись от ситуации. – Думаешь, сущность?

– Слишком много вариантов, нужно смотреть на месте. – Я почти видела, как он пожал плечами. – О, боги...

– Что такое?

– Мать что-то спалила на кухне, судя по запаху, возможно даже Кельта. Я позвоню ве...

– Спасай Кельта! – перебила я, успевая услышать хихиканье ведьмака, прежде чем звонок разъединился.

Решив провести сорок пять секунд ожидания зеленого светофора с пользой, я погрузилась в карту запахов. Наверняка утром были какие-то неправильные апельсины – сейчас все ароматы распознавались отчетливо, слой за слоем. Парфюм женщины справа, булочки из хлебной палатки за спиной, табак, бензин, резина, асфальт... Поморщившись от волны перегара, донесшейся слева, я «отключила» супер-обоняние, сосредоточившись на дороге.

Когда до дома оставалось два поворота, взгляд зацепился за знакомый силуэт на другой стороне дороги. Несмотря на то, что девушка стояла спиной ко мне, я легко узнала в ней Ярославу Самойлову. Окликнуть никогда не улыбающуюся одноклассницу, прозванную Несмеяной, помешала увиденная картина в целом.

Пригнувшись, Ярослава разговаривала с кем-то на пассажирском сидении черной иномарки, держась за дверцу машины. Короткая вспышка головной боли заставила зашипеть сквозь зубы; где-то там среди полей Герцогиня недовольно заворчала и поскребла передними лапами землю. Моргнув, я успела увидеть только рукав джинсовой куртки Самойловой, прежде чем она села в машину, и та умчалась наперерез трамвайным путям.

У Ярославы появился парень? Помотав головой так же, как собака стряхивает с шерсти воду, я вовремя вспомнила, что ее бабушка недавно оказалась в больнице, и ей требовался уход. Скорее всего, Самойлова разговаривала с ней,

садясь в такси.

Точно, потому голова и заболела, что я почувствовала чужую болезнь. Все-таки зря на себя наговариваю, все с моими фамильярскими настройками в порядке.

Задумавшись о словах Пантеры, я кивала в ритм барабанов «Арии», вбивающих в уши «Волю и разум», вскоре полностью поглощенная хитом русского рока.

– Все, во что ты навеки влюблен, уничтожит разом... тысячеглавый убийца-дракон... должен быть повержен о-о-он... сильнее всякий воин! Воля! И Разум! Воля! И Раз... твою мать!

Последнее восклицание вырвалось одновременно с тем, как я приложилась об асфальт коленкой и рукой, едва успев спасти от столкновения лицо. Острая боль, мигом напомнившая о классическом падении с велосипеда в семь лет, обожгла кожу на ладони и колене. И это прямо напротив своего подъезда!

– Ну, зашибись, просто супер, – сморщилась я, оценив порванные джинсы, стесанную до мяса ладонь и разбитое колено, кровь из которого уже начала пропитывать ткань вокруг дырки. – Не хочешь покупать джинсы с драными коленками, на тебе, ноу-хау, экономия на бренде...

Бурча себе под нос все, что думаю о забытых во дворе игрушках, камнях и мусоре, попадающем под ноги, я не обнаружила ничего, обо что могла бы споткнуться. Голый асфальт. Упала на ровном месте. Не удивлюсь, если Герцогиня

только что заползла в траву и прикрыла глаза лапами.

Фамильяр темного практикующего, человек, исходивший вдоль и поперек этот двор, не падающий даже в гололед, едва ли не рухнул как мешок кирпичей на пустом месте. Позорище.

– Мам, где у нас перекинь? – с порога спросила я, скидывая кроссовки.

– Во втором ящике на кухне, а что? Что-то случилось?

– Не поверишь, я бы тоже хотела это знать, – пробормотала я, хромая в указанном направлении.

– Это что... какие-то ваши разборки? – вытаращилась мама, оценив мои «ранения».

Вот еще не хватало! Слава богам, во дворе никого не было, и я растянулась перед домом, а не на глазах у Крокодила, например.

– Угу. С подъездной дорожкой. Чудом избежала нокаута, – кисло поделилась я, зашипев, когда ссадина запенилась розовым.

– Ты же никогда не падаешь, – не поверила мама, сунув под холодную воду полотенце.

– Все когда-то бывает впервые, – ответила я сквозь стиснутые зубы.

Может, к нормальным людям это и применимо, но у таких, как я, на первом месте стояла другая истина. Просто так ничего не случается, неважно, в первый, или в двадцатый раз. Обычное неудачное падение, кто-то другой на мо-

ем месте мог бы и перелом получить, но само происшествие уже необычно.

Как назло, интуиция отвечала мертвой тишиной, переживая очередной сбой. Если верить Мирковой, это означало только одно: у меня и правда проблема с головой.

Глава 8

Холодный ветерок касался век, танцевал по губам и приятно шевелил волосы на макушке. Приоткрыв рот, я поймала на язык запахи: земля, мокрая трава, влажность, густой лимонный аромат. Напряжение в воздухе чувствовалось кожей, кончики пальцев неприятно покалывало...

Бросив гадать, я распахнула глаза и обнаружила себя сидящей на асфальтированной дороге глубокой беззвездной ночью. Единственным источником света служил мигающий неподалеку фонарь. Свет дрожал и трепыхался так отчаянно, что я поспешила подняться на ноги, предчувствуя нечто максимально далекое от прекрасного.

Со всех сторон, насколько хватало глаз, тянулись поля «лимонной» травы, вырастая прямо из темноты и будто надвигаясь на занятый мною пяточок. Участок дороги тоже не внушал доверия, представляя собой, самое большое, отрезок метров в десять с одним фонарем. Как будто кто-то сбросил его сверху прямо в поле, как ненужный палас.

Разбудивший меня ветерок давно затих, и зловещие вид и тишина этого места слишком напоминали кадры из ужастика. Не хватало только полей кукурузы и... Оборвав разошедшуюся фантазию, я сморщилась, замечая белую завесу тумана, приближающуюся спереди.

Волосы на голове встали дыбом, покалывание с пальцев

перекинулось на позвоночник, и в нос заползло гадкое сочетание гнили, холода и тухлятины. Что бы в этом тумане ни пряталось, это точно не маньяк или несданный зачет, так что главная роль в моем кошмаре отведена чему-то более оригинальному.

Поведа шей, я скрестила руки на груди, ожидая, когда оно перестанет прятаться. Надеюсь, сон перетечет во что-то более приятное, если расправлюсь с «этим» достаточно быстро. Неплохо было бы поваляться на песочке у воды, хотя от прогулки с какой-нибудь горячей кинозвездой тоже не откажусь.

Очередной вздох, пропитанный лимонным ароматом, перебившим вонь неизвестного, заставил меня зевнуть так широко, что щелкнула челюсть. Встряхнув головой, я подозрительно прищурилась, чувствуя странную тяжесть в руках и ногах, усиливающуюся по мере того, как приближался туман. Фонарь замигал на сверхсветовой скорости, словно внутри него метались бешеные светлячки, и вдруг перегорел с шипением и треском. Проследив взглядом за разлетевшимися искрами, я моргнула.

Какой-то странный сон даже по моим меркам. Слишком медленный и... правдоподобный?

Предупреждающий рык в голове велел заткнуть предположения куда подальше и сосредоточиться на происходящем. Не припомню, чтобы предки раньше навещали меня во сне...

Темная фигура, появившаяся за стеной тумана, не дала додумать мысль до конца. Вглядываясь в размытые белой дымкой очертания, я инстинктивно отступала, увеличивая дистанцию. Вот когда она покажется во всей красе, тогда и решу, как действовать.

Герцогиня, до того топтавшаяся на траве в окружении невидимых глаз предков, оскалилась и грозно зарычала, вздыбив шерсть. Недвусмысленное «не подходи» поддержала стая рода, и я резко перестала воспринимать все вокруг за сон. Да, бесспорно, я спала, телепортацию ведь еще не изобрели, но все же... Если физически я по-прежнему находилась дома в своей кровати, то в ментальном кто-то пытался навязать мне драку.

В тумане возле начала дороги образовался проем, и из него, будто переступив порог дома, шагнула высокая женщина в черном. Длинное платье висело на смертельно худой фигуре, как на вешалке. Если верить хлипкому седому пучку волос, удерживающему на себе плотную вуаль, она была очень старая... и потусторонняя – не бывает у людей настолько длинных тонких пальцев, заканчивающихся острыми когтями. Оценив вид ее бледных кистей, покрытых трупными пятнами, и до жути очаровательный маникюр, я понадеялась, что бабулина вуаль останется на своем месте. Если опасности нужно смотреть в лицо, это явно не тот случай.

– Что тебе нужно?

Вопрос банальный, она точно меня не на пирожки с ча-

ем звать пришла, но почему-то в такие моменты ничего уместного в голову не лезет. Проигнорировав вопрос, старуха плавно приближалась, в то время как мои идеи заключались в их полном отсутствии. Я не знала, что это такое, каким образом и чем оно собирается мне навредить, но железная истина была всего одна: нельзя позволить ей до себя дотронуться.

– Святые тотемы, кого и куда ты цапнула, что последовала такая ответочка?

Стремительно обернувшись, я отпрыгнула в сторону, чтобы видеть обоих непрошенных гостей. Костер и гроза в воздухе, темный ведьмак в черных кожанке и джинсах перед глазами. Тот самый... Так вот почему...

– Ты... Как ты...

– Тш-ш, – практикующий вальяжно отмахнулся. – Порычишь на меня после того, как мы с ней разберемся, воинственная. А теперь не глупи и встань слева, – он указал на место рядом с собой.

Поперхнувшись от такой наглости, я вынужденно выбрала меньшее из двух зол, занимая позицию возле парня.

– Тебе повезло, что она такая медлительная, – спокойно пояснил ведьмак. – Иногда они прыгают быстрее саранчи.

– Кто она?

– Кошмарница. Достаточно редкий вид проклятия, и я впервые вижу, чтоб его так хорошо сработали. Даже мелиссу привязали, чтобы снизить твою активность, – незнакомец

кивнул на окружающие нас поля, что не помешало ему достать из кармана нож с резной белой ручкой и выставить перед собой горизонтально. – Кто-то очень хочет, чтобы ты не проснулась.

– И как ее прогнать?

– Никак, – хмыкнул ведьмак, неожиданно хватая меня за руку и отступая еще на несколько шагов. – Только развеять. Смотри, чтобы в меня ошметки не полетели.

– Каким образом? – отдернула я руку, вместе с тем осознавая однотипность своих вопросов.

– Ты фамильяр, или где?

– Да, но я не твой фамильяр, чтобы ты там ни вбил себе в голову!

– Угу-угу, – насмешливо покивал он. – Оттого я здесь и стою, мне же заняться больше нечем по ночам...

Тряхнув головой, практикующий снова заговорил, но уже на другом языке, и перебивать его теперь я не посмела. Мешать произношению «темного» языка – себе дороже. Наслушавшись от Яблонева, я узнала его с первых звуков, но еще убедительнее была особая давящая энергия, ввинчивающаяся под кожу и отдающаяся гудением в костях.

Слова пролетали сквозь уши, как вода через сито, не задерживаясь в голове. Все, что я улавливала, пусть и не зная смысла – это грозную интонацию. С тихого шепота, по нарастающей, слова впивались в старуху, как иглы, я даже видела багровые крапины, зависшие в воздухе между парнем и

тварью. Чем громче звучал его голос, тем крупнее они становились, вскоре уже напоминая десятки ножей, препятствующих ее приближению.

– Готовься, она попробует отбиться, – рыкнул практикующий, прежде чем все вокруг осветило багровое свечение, исходящее от него волнами.

Дыхание перехватило от ощущения его силы. Обтекая меня, она заполняла все пространство, заставляя увядать и жухнуть траву. Кем бы он ни был, рядом со мной стоял очень мощный и опасный ведьмак, в чем-то даже слишком похожий на Влада.

Лимонный аромат исчез внезапно, так же, как и все поля, оставляя вокруг лишь темноту в красных бликах и участок дороги с нашим противником. Стоило ему пропасть, как тяжесть, прежде пригибавшая меня к земле, улетучилась.

Кошмарница взметнула руки, и в этот же миг темнота превратилась в мое ментальное пространство, соседствующее с...

О, боги.

Полоса травы гнулась от яростного ветра и сменялась песчаной косой огромного озера под грозowymi тучами. Отвлекаясь на белые и красные отсветы, я не заметила, откуда появился огромный волк. Я была достаточно осведомлена о собачьем роде и его прародителях, благодаря своей сущности, так что понять представитель какого вида стоит передо мной труда не составило. Что говорить, в моей стае предков

тоже был один такой.

Серый волк. Самый крупный волк в мире. Выше метра в холке и почти два в длину с хвостом. Мощные лапы, стальные челюсти, жесткий мех, способность выживать даже в самую суровую зиму. Такой зверь вполне мог слопать бабушку, охотников, лесорубов и оставить на десерт Красную Шапочку, ковыряясь в зубах спицами.

Смерив меня-дога оценивающим взглядом, он повернул морду в сторону угрозы и оскалился, демонстрируя внушительные клыки. Вздрыбив шерсть, я тоже уставилась на старуху, выпуская грозный низкий рык. Может серый и был серьезным противником, но в данный момент не моим.

Вынырнув из ментального, где дог и волк подкрадывались к темной фигуре одинаковыми маневрами с разных сторон, я посмотрела на практикующего, видя то же самое, что всегда замечала в Яблоне. Черты хищной сущности проступили четче, глаза теперь больше напоминали волчьи, что-то неестественное и пугающее появилось в линии подбородка и скулах... Режим ведьмака успешно активирован.

Наблюдения на обоих планах не заняли и пяти секунд, парень пырнул ножом воздух перед собой, посылая его багровые копии в единственную мишень. Жуткие руки кошмарницы сорвали вуаль, и я инстинктивно шагнула вперед, мельком подумав, что не зря не хотела этого видеть.

Старое обезображенное лицо с затянутыми бельмами глазами, впалые щеки, едва заметный плоский, как у змеи, нос

и... вертикальный рот. Тонкие треснувшие губы раскрылись в стороны, выпуская в нашу сторону фонтан чего-то липкого, вязкого и черного. Поглотив большую часть ножей, он продолжил путь, метя в ведьмака.

Это не было чем-то осознанным. Это даже не было мыслью. Мгновенное действие без вопросов, предположений и сомнений. Герцогиня рывкнула, взвившись в воздух, когда на пути у контрудара проклятья встала я, закрыв практикующего стеной своего «пошла ты к черту». Врезавшись в силу моей воли, дрянь опала на асфальт, застывая бесформенной лужей.

Обняв меня за плечи, заслонившись, как щитом, парень выставил нож перед нами обоими, крепко вжав мою спину себе в грудь:

– Побольше злости, дорогая. Если она достанет меня, я проснусь и вряд ли успею вернуться, прежде чем она присосется к тебе. Рот у нее не для улыбки.

– Не распускай руки, – прорычала я, желая заехать наглицу локтем в живот.

– Даже не начинал, но спасибо за идею, – хмыкнул ведьмак на ушко, и его горячая рука резво нырнула под мою футболку, накрывая живот, в то время как язык лизнул шею.

Фитиль пороховой бочки моего терпения прогорел в мгновение ока. Первосортная ярость за все и сразу вырвалась на свободу, откинув голову назад в надежде сломать этому... похотливому выскочке нос, я вцепилась в руку на жи-

воте, когда два жестких слова на «темном» в повелительном тоне заставили меня замедлиться и... Что это?

Не выпуская меня из объятий, практикующий развернул нас боком и метнул нож в приближающуюся кошмарницу. Лезвие вспыхнуло багровым, его траектория осветилась красными и белыми искрами. Нож вонзился в грудь старухи, алая завеса сомкнулась перед нами, и тварь охватило пламя, разлившееся во все стороны от застрявшего в ней оружия практикующего.

– И гвоздь программы... – словно забавляясь, протянул парень, когда багровую стену перед нами постарался протаранить рой черных искр, вырвавшийся из пламени. Застряв внутри нее, как мухи в янтаре, искры погасли и... обратились в пыль. – С проклятиями всегда нужно быть настороже до победного. Даже истребив и обезвредив основную часть, остается риск подцепить какой-нибудь остаток. Знаешь, что они умеют отращивать самих себя, вырастая до прежних размеров?

Такого о проклятиях я не знала, прежде вовсе не размышляя о них, как о... бактериях? Вирусах? Потом подумаю, сейчас есть проблема поважнее!

– Отвали от меня! – рявкнула я, выворачиваясь из рук незнакомца.

– Что ты, конечно же, я был рад помочь тебе, не стоит благодарностей, – и бровью не повел парень, проходя мимо.

– Как ты это сделал?

– Избавился от проклятия? Сначала я уничтожил сковывающий твои способности травяной заговор своим ментальным полем, потом вынудил проклятье среагировать защитным механизмом, догадываясь, что у него оно предусмотрено. Дальше, так как это твой сон и твой разум... – Парень поднял свой нож и вскинул его на свет появившейся в небе луны, осматривая. – Пришлось выжать из тебя некоторое количество агрессии, требующееся для атаки и защиты, чтобы зарядить нож. Способ мне, кстати, понравился, – невзначай поделился практикующий, подмигнув. – Но я не распробовал всех ноток, может, повторим? – Он облизнул губы в красноречивом намеке.

Вытаращившись на хама, я какое-то время только глазами хлопала, пытаюсь хотя бы прикинуть масштаб его наглости. Выходило весьма правдоподобно, учитывая, что приличных слов не находилось.

– Ты совсем больной? – рявкнула я. – Какого черта я не помню ничего о тебе, когда бодрствую?

Поразительно. Едва увидев его сегодня, я сразу вспомнила обо всех встречах до этого, начиная с первой в незнакомом городе и заканчивая его провалившейся попыткой проникнуть в комнату Яблонева, но наяву... Ни одной мысли, словно его вовсе не существовало!

– Потому что мне так нужно. Не дуйся, воинственная, это ненадолго, – ослабилась парень, убирая нож во внутренний карман куртки. – С такими темпами, с какими у тебя возни-

кают проблемы, я постараюсь управиться с делами побыстрее.

– Держись от меня подальше, по-моему, я уже это говорила, – думаю, губа только что обнажила клык, но я ничего не могу с собой поделать. Теперь, когда угроза номер один исчезла, все внимание сосредоточилось на надоедливом визитере.

– Дорогая, – закатил глаза практикующий. – По-твоему, я оказался здесь по собственной воле? Твои инстинкты призвали меня на помощь, и тебе очень повезло, что я был достаточно в форме, чтобы отправиться проверить, какая мерзость мешает моей девочке спать.

– Ты бессмертный? – поинтересовалась я, в упор уставившись на темного. – Или просто память как у рыбки? Не смей так меня называть, а лучше вообще исчезни и никогда больше не появляйся.

– Я уже говорил, что в восторге от твоего характера? Клыки почти как у меня, – подмигнув, он обнажил резцы в снисходительной улыбочке, намекая, что от упомянутой рыбки у его сущности нет ничего. Разве что гастрономический интерес.

– Что значит: я тебя призвала? – спохватилась я, не припоминая за собой никакого «зова», ни осознанного, ни инстинктивного.

– Ровно то, что я сказал, – пожал плечами ведьмак.

– Если бы я и стала у кого просить помощи, то только у

своего практикующего.

– Поразительное совпадение, – развел руками парень. – Это же я и есть.

То есть, предыдущего бреда было недостаточно? Как будто мне не хватает поводов, чтобы хотеть его придушить!

– Специализируешься на несусветной чуши?

– Знаешь, первое, что я начну с тобой тренировать – способность анализировать, – покачал головой ведьмак. – По твоему, что сейчас случилось?

– В мои сны толпами ходит всякий сброд?

– Сброд окружает тебя наяву, кошмарница тому прямое доказательство, – щелкнул пальцами незнакомец. – Сначала ты позвала меня, а после защитила барьером воли. По секрету, такие темные фамильяры могут проворачивать только для одного-единственного человека.

– Своего практикующего, – оторопело признала я.

– Не забивай пока этим голову, все равно поутру ничего не вспомнишь, – посоветовал ведьмак. – Сладких снов, воинственная.

Подмигнув, он исчез быстрее, чем очередное возмущение сорвалось у меня с языка.

Зажмурившись, я сжала голову руками, веля себе немедленно проснуться, схватить телефон и напечатать в заметки все, что только что произошло. Кошмарница, практикующий, волк, проклятье, гроза и костер, темный ведьмак, нож, багровая пелена... Кто-то не хочет, чтобы я проснулась, кто-

то... Кто-то...

– Агата! Подъем!

– Мне ко второй, – простонала я, накрываясь подушкой.

– Я к ней тебя и бужу, – разрушила мама надежду на еще один час сна.

Нехотя открыв глаза, я уставилась в стену, жалея, что майские праздники так глупо разбиты двумя рабочими днями. Настроения на учебу наскребалось еще меньше, чем обычно, нужно получить допуск к зачету (хорошо, ко всем зачетам), а после обеда предстоит дело с Владом в Заречье...

– Ты во сколько спать легла? – спросила Ма, когда я прошла мимо нее на кухню за спасительным стаканом воды.

Для совсем точного ответа следовало посмотреть на время последнего сообщения в переписке с Владом, но если приблизительно...

– В половину второго, а что?

– По виду так в половину пятого, – оценила мама.

Повернувшись к зеркальным дверцам шкафа-купе в прихожей, перед которым она поправляла макияж, я всмотрелась в свое отражение. Бледность, темные круги и яркие желтые крапины в карих глазах особо привлекали внимание. Странно, обычно такая метаморфоза у меня в полнолуние или при полном погружении в дела практикующих...

– Нет, точно не позже двух, – покачала я головой, силясь припомнить, просыпалась ли ночью от кошмара. Может, снова снился Илья?

– Как нога?

– Нормально, ты же знаешь, на мне все заживает, как на собаке, – хмыкнула я, теперь-то понимая, почему ни одна царапина и синяк не задерживаются на моей коже надолго. – Зонт не забудь.

– Дождя не обещали, небо ясное, – кивнула мама на окно, где по небу плыли редкие белые облачка, и светило солнце.

– Мало ли, кто там что не обещал, своему нюху я верю больше, и он говорит, что дождю быть, – авторитетно заявила я, ощутив его на языке еще до того, как встала с кровати. Интуиция подпевала обонянию во весь голос, рекомендуя не только зонт, но еще и ботинки на высокой платформе, или кеды, которые не жалко. Значит, ливень будет хоть куда, как и полагается майским грозам.

Похоже, следовало раньше растянуться на асфальте. Чувствуется схема эксплуатации пульта от телевизора: пока не вдарит, чтобы батарейки нормально встали, ничего не работает.

– Ты после института сразу домой? – Послушавшись моего совета, мама достала из шкафа зонт-трость.

– Нет, у нас дела с Владом, – честно и, в то же время, без конкретики, ответила я, поспешив скрыться в ванной.

– Ты... вы... Те самые дела?

Пора перестать верить, что от мамы можно так просто бежать. Для моей и граница Канады не станет серьезным препятствием, что уж говорить о деревянной двери.

– Мам, личное пространство! – возмутилась я.

– Не заговаривай мне зубы, чего я там не видела, – отмахнулась Ма, прежде чем применить ко мне фирменный взгляд всех мам на свете: «Говори правду, я все равно знаю, когда ты врешь».

– Честно говоря, не думаю, что тебе нужно все это знать. Меньше знаешь – крепче спишь. Мы помогаем людям, вот и все, – пожала я плечами, делая вид, что крайне увлечена выдавливанием зубной пасты на щетку.

– Мое волнение как рукой сняло! – язвительно прокомментировала мама.

Я тяжело вздохнула:

– Ты чего хочешь? Чтобы я перестала быть фамильяром? Поезд давно уехал, ту-ту, – я показала жест машинистов.

– Хочу, чтобы ты была осторожна и не ввязывалась во все эти опасные вещи. Я... – мама сбавила тон прежде, чем во мне проснулась злая собака, – понимаю, что это твое... что-то вроде предназначения, но, все же... Не обязательно лезть на рожон.

– Успокойся, Влад всегда знает, что делает, у него все под контролем, даже я периодически, – сгладила я возникнувшее напряжение шуткой.

– Радует, что хоть у кого-то ты бываешь под контролем, – чуть улыбнулась мама.

– Я поняла. Буду осторожна. Ты опаздываешь на работу.

Чертыхнувшись, мама спешно попрощалась и выскочи-

ла из квартиры, слава богам, не забыв зонт. Глубоко вздохнув, я вернулась к собственным сборам, стараясь припомнить, сколько пар по физкультуре мне нужно отработать, чтобы получить зачет. Выходило неутешительное количество в районе восьми.

Остановившись перед шкафом, я решительно вытянула толстовку-подарок от Яблонева с изображением дога на спине. Если нам сегодня разбираться с какой-то гадостью, лучше быть в «форме», да и по погоде.

«Не оправдывайся, признай: надеваешь, потому что хочешь, выпендрезница», – фыркнула в голове совесть голосом Ругаловой.

Показав язык отражению в зеркале, я отправилась покорять вершины учебы, хотя по факту основной задачей было не скатиться с уже взятых высот.

– Доброе утро, – зевнула Ирка, встретив меня у остановки политеха.

– Ого, ты поднялась в такую рань? – вытаращилась я на Лошадку, ожидая эсэмэски «Проспала!!!» с кучей молитвенно сложенных ладоней.

– Меня подняли, заставили собраться, впихнули бутерброд, усадили в машину и высадили здесь, – хмуро поделилась Ирка. – В кроватке было так тепло... Я бы книжку лучше почитала в ней, пока дождь льет.

– Хороший план, – покивала я, догадываясь, что Березину он таким не показался. Везет же нашим практикующим!

Они-то уже отгрызли свой кусок гранита науки... – Я тоже чувствую дождь.

– Да-да, у меня прямо в ноги отдает, представляешь, а Леша еще поцокал и выдал: «Пора менять подковы»! Нормально?

Закусив губу, я, как настоящая подруга, сдержала смех и покивала, придерживаясь негласных законов женской солидарности.

– Классная толстовка, – оценила Ирка, заглянув мне за спину. – Ух, пламя из глаз! Ну, это вылитая ты. Карыч сотворил?

– Ага, ночами вышивал, – язвительно откликнулась я, и мы обе прыснули.

– Ничего себе, ты тоже это видишь? – вытянулось лицо Ругаловой, смотревшей куда-то вперед, пока я рылась в карманах сумки в поиске студака.

Не могла же я забыть его дома в другой сумке... или куртке? Вот, зараза, только не это... Пальцы нащупали жесткую обложку студенческого, и я выдохнула с облегчением, про себя благодаря Яблонева, вчера посоветовавшего собрать сумку заранее. Мой заботливый ведьмак знал все мои восторги относительно раннего подъема после выходных и вовремя подсуетился, наверняка предчувствуя, что в одиночку я это... провороню, хах.

– Барбоскина, прием! – дернула за руку Ирка.

– Назови меня так еще раз, и Яблонев узнает, что он Ка-

рыч, – приподняла я бровь.

– Я тебя умоляю, это он и без меня знает, – фыркнула Ругалова. – Вперед глянь.

Последовав указанию Ирки, я чуть не прибавила себе морщин на лбу, увидев на углу родного корпуса гуманитариев Курятник в полном составе, фотографирующийся с Денисом и его другом Игорем. Какого... зачета он там забыл?

– У меня два варианта, – оценила мою гримасу Ирка. – Либо мы в параллельной реальности, либо Дэну выклевали мозги.

– Есть еще третий, самый реалистичный, – раздалось за спиной, и я резко обернулась, не давая скопытиться подпрыгнувшей на месте Ругаловой. Кивнув нам, как ни в чем ни бывало, Ярослава Самойлова тоже посмотрела вперед: – У тупости свой особый шарм, подкупающий парней, согласны?

Как она так бесшумно подошла, что ни я, ни Лошадка ее не почувствовали? Шок от фотосессии настолько сильный, что ли?

– На все сто, – поддакнула Ирка. – С твоей бабушкой все в порядке?

– Да, спасибо. Поцапалась с Марьяновой? – спросила Самойлова, одергивая рукава черной джинсовой куртки.

– Кто-то растрезвонил? – прищурилась я, мысленно ставя на старосту.

– Тут особого ума не надо. Ты общалась с этим парнем,

а теперь внезапно его в оборот берет Марьянова, – пожалала плечами Самойлова. – Смотрится она рядом с ним, как лобстер на одноразовой тарелке, так что вывод очевиден: делает назло тебе. Раз назло, значит, недавно был какой-то конфликт.

– А где мелодия из «Шерлока», которая сейчас должна заиграть? – округлила глаза Ругалова.

– Чему ты удивляешься? Логика – великая вещь, – невозмутимо ответила Несмеяна, как всегда даже уголком рта не дернув в подобии улыбки. Не знаю, что должно произойти, чтобы эта девушка хотя бы ухмыльнулась. В жизни не видела, чтобы кто-то умел оставаться настолько безэмоциональным...

– Подожди, хочешь сказать, то, что мы с Дэном...э... общаемся...

– Заметила партия Приторных? – моргнула Ярослава. – Да. Насколько мне известно, даже что-то вроде ставок делали: твой он парень, или нет.

– Прекрасно, – мне чудом удалось не обрезать язык о мигом заострившийся клык.

– Ну, это и правда неплохо, – посмотрела на меня Ирка. – Как говорит Леша: «если кто-то говорит о тебе за спиной, значит, он позади».

Фразочка в духе Капитана Очевидности от светлых никак не помогала избавиться от жара в горле и готового вот-вот вырваться наружу рычания. Ставки? Я им что, тотализатор?

– Леша? – не поняла Самойлова.

– Мой парень, – похлопала ресницами Лошадка.

– А-а, – кивнула отличница. – Ты чего?

– Задумалась, – коротко отрубил я, мысленно желая Марьяновой еще разок напороться на защиту от Влада. С удовольствием посмотрю это зрелище и даже никакого хлеба не попрошу.

– Привет! – улыбнулся Хворостухин, заметив нас первым, едва мы поравнялись с компанией его новых подружек.

– Привет, – одновременно ответили мы с Ирккой.

Я искоса оценила руку Дэна на плече предводительницы Ку-Курятника. Как он умудрился вляпаться во весь этот водостойкий мейкап и при этом выглядеть таким довольным? Почему из всех сотен девушек ТулГу именно Марьянова?

– О, вы же знакомы, точно, – растянула свои уже подвергшиеся косметическому вмешательству губы Инга. Такими темпами да с моей помощью, здесь и хирургическое потребует. Вроде бы отсюда до челюстно-лицевой клиники недалеко... Боги, дайте мне терпения!

Как всегда неожиданно внутри что-то резко встрепенулось, разливая тепло. Связь фамильяра и практикующего запульсировала с особой частотой, будто настраиваясь, прежде чем забиться размеренно и ровно, превратившись в фон для других ощущений. С каждым днем мне все больше и больше нравилось чувствовать, как на другом конце города просыпается Влад. Правда, сегодня он «включился» как-то слиш-

ком рано для себя – обычно его пробуждение приходилось на начало, а то и конец третьей пары...

Думая о своем ведьмаке, я, как подсказывали взгляды окружающих, пропустила какой-то вопрос, глупо улыбаясь. Зато рычать и скалиться больше не тянуло, и то счастье. Не объяснять же потом в деканате агрессивные выходки сущности спонтанным бешенством или аллергией на курятину.

– Простите, мы спешим, – и не подумала переспрашивать я, улыбаясь еще шире, заслышав «Князя тишины» на звонке.

Оставив Дениса в плену Ку-Курятника, я кивнула тактично ушедшим вперед Ирке с Ярой, принимая звонок.

– Или ты сейчас же говоришь, кого в такую несусветную рань я должен встать и проклясть, или даешь своему практикующему поспать, – проворчал Влад в трубку.

– Не такая уж и рань, половина десятого, между прочим, – возмутилась я, но тут же сдала назад. – Прости, не хотела тебя будить.

– Пока я не открыл глаза, о стопроцентном пробуждении речи не идет, – сонно протянул ведьмак, и я закусила губу, отчетливо представляя, как мой темный лежит с телефоном на щеке, утопая головой в подушке. С его умениями позвонить вслепую ничего не стоило.

– Я тоже так хочу, – пробубнила я. – Хочу лежать в кровати под одеялком...

– ...но институт, экзамены, сессия... – напел Влад в тему. – Разворачивайся и иди домой, в кровать, под одеяло, я

разрешаю.

– А если я хочу к тебе домой, в кровать, под одеяло? – Я прикусила язык, но навязчивая мысль с него уже сорвалась, попадая в уши к самому нежелательному в такой ситуации адресату. Сейчас бы уткнуться носом в теплую шею, вдохнуть воск и древесину и проспять до самого вечера в объятиях практикующего... Соберись, Агата!

– Приезжай, – вкрадчиво и немного хрипло велел Яблонеv, совсем не помогая моей сознательности выстоять. – В моем доме ты точно никому не захочешь откусить голову, и я смогу выспаться. Почему-то мне в голову идут числа три, шесть, два, один и пять. Запомни, видимо, тебе пригодится, – огорошил ведьмак прежде, чем я снова извинилась бы за свою импульсивность, ставшую для него будильником.

– Что это?

– Понятия не имею, – зевнул Влад. – Буду ждать тебя в четыре на Максима Горького.

– Сладких снов, – улыбнулась я, заходя в обитель гумани-тариев.

Короткий разговор с Яблоневым отогнал раздражение на Марьянову и ее свиту, так что за парту с Ругаловой я сядила в приподнятом настроении, без всяких сценариев жестокой расправы в голове.

– Ленка уже зачетки раздает, только что из деканата, – Ирка протянула мне мою. – Летний сезон «поставьте мне во-семьдесят один балл, я на красный диплом иду» официаль-

но открыт.

– Ты причитать и будешь, мне все равно на цвет диплома, – пожала я плечами.

– А маму порадовать? – хмыкнула Ругалова.

Красноречиво глянув на подругу, я покачала головой, не видя в этом серьезной причины. На самом деле, мою маму сейчас сильно порадует только мое официальное заявление об отказе быть фамильяром и контактировать с чем или кем-либо из мира практикующих. Пусть это делает меня плохой дочерью, но настолько ее радовать я не собиралась.

Глава 9

Покидая аудиторию с середины четвертой пары вместе с Ирой, я все еще не могла поверить полученному нами зачету по основам теории коммуникации. Числа, продиктованные Яблоневым утром по телефону, оказались правильными вариантами ответов в свалившемся, как снег на голову, тесте! Хорошо, что два ответа я знала сама, и, уловив знакомую последовательность, проставила остальные верно и сумела подсказать Ругаловой.

– Вот это я понимаю начало зачетной сессии! – ликовала подруга. – Слушай, ты спроси у Яблонева, вдруг его еще какая полезная информация посетит? Круто же! Вот бы с Щебином так же прокатило!

Хмыкнув под нос, я убрала зачетку в сумку, догадываясь, что учеба для темных практикующих с их способностями и любовью к себе просто не могла считаться чем-то сложным. Интересно, Яблонев хоть к одному экзамену или тесту готовился по-честному?

– Ты не знаешь, у Праховой часом диплом не красный? – Ругалова думала в том же направлении.

– Не знаю, но не удивлюсь, если так, – ухмыльнулась я, не представляя себе Варвару, зарывшуюся с головой в учебники.

– Ого-го, – задрала голову подруга. – Дождь все ближе.

– Ветер переменялся, – согласилась я, отмечая похолодание и чуя надвигающуюся на город грозу.

– Будет светопреставление... Ладно, я побежала домой, удачи на деле с Владом и передай ему «спасибо» за зачет! – быстро приобняв меня, Лошадка спустилась в подземный переход, в то время как я, заткнув уши наушниками, зашагала вниз по проспекту, решив пойти в Заречье пешком.

Как говорится: «для бешеной собаки семь верст – не крюк», так что всего через сорок минут я проходила мимо музея оружия, попутно оценивая целую выставку начищенной до блеска военной техники на его территории. Наверняка девятого тут будет целая программа, или их вот-вот перевезут на площадь. В любом случае, в этом году самый патристический праздник страны пройдет мимо меня. Пока все россияне будут чтить память погибших в Великой Отечественной кто как умеет, мы с Владом будем слушать наверняка занимательную историю моего отца.

Я все еще не чувствовала себя готовой к этому разговору, но не думаю, что подобная уверенность вообще осчастливит меня своим появлением. Через это просто нужно пройти, воспринимая как нечто неизбежное. Очередное неприятно-обязательное испытание, каких в жизни много. Экзамены, медосмотры, очереди на почте, размораживание холодильника, в конце концов... По мне, так лучше неделя генеральной уборки, чем минута беседы, грозящей изменить что-то важное и привычное.

Выдохнув, я ускорила шаг, стараясь не слышать за музыкой «Агаты Кристи» собственных мыслей. Яблонев прав: загадывать наперед бесполезно, так что следует дождаться момента в настоящем.

– Запирайте окна, запирайте двери, запирайте двери... На улице темно, когда любовь идет на дело... – запела я себе под нос, пересекая улицу Луначарского.

Холодный ветер ударил в спину и взметнул забранные в хвост волосы. Покосившись на голубое небо над головой, я обернулась, оценивая чернильный фронт, надвигающийся откуда-то со стороны Щекино. Да уж, солнцу сегодня осталось светить недолго, нужно успеть зайти к клиенту до того, как грянет местный апокалипсис.

Яблонева я увидела издалека, а почувствовала еще раньше. Стоя рядом с урной возле небольшого продуктового, зажатого между супермаркетами, темный курил, что-то набирая в телефоне. Резко вскинув голову, парень улыбнулся мне и тут же убрал технику во внутренний карман кожанки.

– Привет, – я вжалась лбом ему в грудь, глубоко вдыхая любимый аромат и чуть потираясь носом о гладкую ткань синей рубашки с перламутровыми пуговицами.

– Привет, Герцогиня, – Влад ободряюще погладил меня по спине и ласково дернул за хвост. – Как учеба?

– Потрясающе. Знаешь, что за числа ты сказал мне с утра? – отлепилась я от ведьмака, спеша поделиться радостной новостью. – Правильные ответы к зачетному тесту! У

меня первый зачет!

– Поздравляю, – хмыкнул Яблонев, нисколько не удивившись. – Я что-то подобное и предположил, ты же не играешь в лотерею, и чисел было явно меньше.

– Вы и это можете увидеть? – вытаращилась я.

– Давай лапу, – Влад взял меня за руку, направляясь к пешеходному переходу. – Не стал бы использовать слово «можем». Будущее, в отличие от прошлого и настоящего – тот случай, когда важны не способности к поиску информации, а решение предоставить ее с той стороны. Очевидно, что для Вселенной неважно, как именно ты сдашь зачет, так что это знание было в свободном доступе и само постучалось мне в голову.

– Но, получается, важно, чтобы я его сдала, – нахмурилась я, не спеша отпустить руку Яблонева, когда мы прошли светофор. – Я бы не справилась, ожидалась лекция, так что никто не готовился.

– Получается, что так, – отстраненно кивнул темный.

– Что-то случилось? – насторожилась я, чуя за базовым спокойствием ведьмака нечто мешающее поверить, что все в порядке. Ощущение, как от хлебных крошек в кровати: мелкое, раздражающее и впивающееся.

– У меня нехорошее предчувствие, – коротко сказал Влад, крепче сжав мои пальцы.

– Из-за клиента?

– Пока не уверен, но вряд ли, – чуть помолчав, ответил

ведьмак, увлекая меня в квадраты пятиэтажек. – Возможно, начал действовать феномен 9 мая. В прошлом году в это время мы с матерью и Кельтом уже были у Ба, подальше от большого скопления людей.

– Кстати, о твоей Ба... Она ничего не узнала? – Я в последний момент изменила вопрос, передумав поднимать тему о поездке к «бабушке в деревню», напророченную Мирковой.

– Велела не звонить и не докучать юношеской горячкой, – поморщился Влад. – Как только будет что сказать, сама позвонит.

– Сурово, – протянула я.

– Ведьмовски, – поправил темный, ухмыльнувшись.

Громовой раскат, раздавшийся сразу после его слов, добавил реплике драматизма.

– Не хватает зловещего хохота, – прокомментировала я.

– Оставим штампы кино, – отмел Влад, кивая на черную железную дверь второго подъезда дома напротив. – Нам сюда, квартира 63, третий этаж.

– Удивительно, что не 66, – хмыкнула я, оценив количество троек на один адрес.

– И правда, – практикующий остановился, оглядывая дом. – Снаружи вроде бы все прилично от подвала до крыши, значит, источник проблемы точно в квартире.

– Ты сказал, дочерей кто-то душит по ночам?

– Так сказали мне. Важное уточнение, – Влад нажал на

кнопки домофона, и нас пустили после первого же гудка. – Как видно, нас очень ждут.

Правоту практикующего я осознала, увидев хозяйку квартиры, вышедшую встретить нас на лестничную площадку. Худощавая блондинка в черных брюках, кремовой блузке и домашних тапочках заламывала руки и не отводила взгляда, пока мы поднимались по лестнице. Я сходу почуяла нотки кофе, средства для мытья посуды и отчаянья. Оно же сквозило в карих глазах женщины, припухших от слез и отмеченных кругами бессонницы.

– Добрый вечер, я – Влад, а это моя помощница – Агата, – серьезно представил нас ведьмак.

– Здравствуйте, – дружелюбно улыбнулась я, надеясь этим немного ее расслабить.

– Здравствуйте, я – Татьяна. Спасибо, что пришли, проходите-проходите, – закивала хозяйка, спешно открывая перед нами дверь.

Разувшись под еще один громовой раскат, я прошла вперед по узкому коридору, отмечая впереди светлую кухню и соседствующий с ней зал. Беглый осмотр выявил еще две двери справа, скорее всего, комнаты хозяев, и одну слева, отведенную под санузел, если верить запахам освежителя и порошка.

– Здравсьте, – вышла из-за угла кухни долговязая девчонка лет пятнадцати в драных джинсах с дырками на булавках, белой майке с героями какого-то неизвестного мне аниме и

красными и фиолетовыми прядями в темных косичках и на макушке. Темную синеву под глазами я отметила и у нее. Похоже, в этой квартире уже давно никто не спал. Смерив меня оценивающим взглядом, девочка приподняла бровь: – Ты экстрасенс? Сколько тебе лет?

Достаточно, чтобы снисходительно усмехнуться и скушать твои понты на обед, закусив «тыканьем» на десерт. К счастью, мой переходный возраст уже давно позади, так что я прекрасно понимала всю бессмысленность навязываемого подростком разговора и не собиралась отвечать. Диалог с клиентами – компетенция Влада, мое же дело – вовремя показать клыки и встать на пути у любой собравшейся навредить ему пакости.

– Люда! – следом за первой показалась вторая дочь Татьяны, судя по виду, старшая, хотя вряд ли намного. – Извините, она...

Договорить девушка не успела, вместе с сестрой уставившись мне за спину. Обе чуть приоткрыли рты, выглядя одновременно удивленно и восхищенно. Думаю, можно смело назвать это явление «эффектом Яблонева». Я уже наблюдала его в общественном транспорте, на улице, в кафе... словом, везде, где Влад попадался на глаза особам от шестнадцати и старше.

Как и все темные, мой ведьмак умел притягивать к себе внимание противоположного пола, ничего для этого не делая. «Обычный магнетизм. Мы – огонь, они – мотыльки», –

пояснил Влад сразу, как эта особенность проснулась после запуска фамиллярства и во мне. Такие игры Князя давно не интересовали, каким-то образом он гасил свою притягательность, но вряд ли понимал, что с его таинственной внешностью гибрида темного эльфа и вампира она не требуется вообще.

– Это мои дочери Надя и Люда, – представила дочерей Татьяна. – Девочки, Влад попросил нас всех остаться на кухне, пока они с Агатой проверят квартиру.

– Не квартиру, – качнул головой практикующий. – Вторая комната справа.

Странно, возле нее я ничего не почувствовала, но я ведь и не обладаю способностями Яблонева. Наверное, Виденье показало ему больше, чем рассказали мне инстинкты фамилляра.

– Это наша комната, – скрестила руки на груди Люда, придя в себя. – И я против, чтобы разные незнакомцы расхаживали по ней без нас. Мам, я не думаю, что какие-то студенты-готы могут нам помочь, в интернете полно случаев, когда так кражи обставлялись, – закончила она авторитетным тоном, презрительно вдернув нос.

– Люда! – возмутились ее мать и старшая сестра.

Наверное, зря я по дороге не перекусила. Теперь горло щекочет рык, а Герцогиня не прочь отгрызть чей-то очень длинный язык. Как только родители переживают этот ужасный подростковый период у детей? В окопе с молитвами?

– Он не ответит на твоё сообщение, потому что прямо сейчас показывает зонт рыжеволосой девушке со шрамом на щеке, – Влад склонил голову на бок, впившись в младшую вороньим взглядом. – Они идут мимо черной железной ограды и бирюзовых клумб с розовыми тюльпанами и слушают музыку в одни наушники. Песня не на русском и не на английском, что-то азиатское и очень ритмичное.

Побледнев, Люда вытаращи́лась на него, приоткрыв рот. Влад умел сбить спесь с кого угодно, всыпав ментального ремня. Похоже, девчонка понимала каждое сказанное им слово, и я хорошо увидела тот момент, когда шок в карих глазах сменился испугом. Бойтся, что Яблонев озвучит ещё какой-то секрет прямо маме в уши?

– Что касается комнаты, то она уже давно не ваша, – как ни в чём не бывало продолжил ведьмак. – Расскажите точно, что происходит ночью между двух и четырёх утра и когда это началось?

– Откуда вы... Глупый, наверное, вопрос, – оборвала сама себя Надя, внешне больше похожая на маму, значит, темный цвет волос у Люды от отца, присутствия которого в квартире не наблюдалось в принципе. Уж такое я замечала сразу и без всяких фамилярских примочек. – Не помню, когда началось, кажется, уже больше месяца... Сначала мы просто просыпались с Людой в одно и то же время из-за кошмаров.

– Одинаковых? – уточнил Яблонев.

– Скорее, похожих, – пробормотала девушка, покосив-

шись на младшую. – Мне снилось, что я тону и не могу выплыть на поверхность, а Люде...

– Темнота, – выдавила та, опускаясь на стул. – Сдавливает со всех сторон, невозможно ни дышать, ни выбраться.

– Кошмары прекратились на пару дней, когда мы стали засыпать со включенным светом, но потом стало только хуже. Я уехала на ночёвку к подруге и проснулась, чувствуя, что на меня кто-то смотрит, хотя рядом никого не было.

По спине побежали мурашки. Потустороннее сталкерство? Жуть в квадрате.

– Я проснулась почти в то же время, потому что что-то вдавливало меня в кровать, как будто на груди кто-то сидел, – добавила Люда, заметно пригладив колючки, которыми нас встретила.

– Тогда мы пригласили батюшку, и он освятил квартиру. Несколько дней все было спокойно, – продолжила Татьяна. – Мы думали, что все закончилось, но...

– Кошмары стали реальностью, – Надя уткнулась лицом в ладони. – Нам больше не снилось, что мы не можем дышать, оно... Что бы это ни было, оно и правда нас душит, сдавливает горло... Первые полчаса после пробуждения даже синяки на шее видны, а потом пропадают.

– Понятно, – Влад достал из рюкзака черную свечу и серебряный подсвечник. Это фирменное «понятно» от Яблонова, пожалуй, моя любимая реакция, когда перед носом появляется нечто мистическое и опасное. – Оставайтесь здесь,

зовите, если свеча потухнет раньше, чем мы вернемся. – Что-то пробормотав длинной спичке, ведьмак зажег фитиль и поставил свечу на центр стола. – Идем, – кивнул мне практикующий, и мы зашли в комнату сестер.

О том, что здесь живут старшеклассницы, кричал каждый квадратный метр. Стены, залепленные плакатами и постерами различных групп, героев-красавчиков из популярных сериалов и персонажей аниме. Компьютерный стол, заставленный фотографиями, разноцветными канцтоварами, шкатулками и фигурками. В книжном шкафу учебники и справочники теснил полк подросткового и любовного фэнтези, парочку книг я и сама читала. Две кровати, застеленные пледами с изображениями, очевидно, кумиров девушек и заваленные маленькими разноцветными подушками, разделяла тумба с красивым светильником в виде лилии.

– Ты уже знаешь, что это? – шепотом спросила я, плотно закрыв за собой дверь.

– А ты не чуешь? – оглянулся Влад, присев на корточки с рюкзаком. – Могилой тянуло еще на лестничной площадке, а за порогом и вовсе энергетика кладбища. Здесь поселился покойник, хотя никаких смертей в квартире, ни естественных, ни насильственных, я не вижу. И это странно...

Я глубоко вдохнула ртом, стараясь поймать на язык то, о чем говорил ведьмак. Парфюм, дезодорант, пластик, лак для волос, замазка, жидкость для снятия лака, кожа, кофе... Отметя запахи реальных вещей, я погрузилась глубже, в арома-

ты ментального, тут же морщась от отвращения.

– Агрх... Холодная гнилая сырость – это оно?

– Напомни мне сводить тебя на кладбище, – протянул темный.

– Очаровательное место для прогулки, – скривилась я, не в восторге от перспективы. – Почему странно, что он здесь поселился?

– Потому что для этого нет очевидных оснований. Здесь никто не умирал, никого не оплакивали и не поминают умерших. Очень интересно, какой якорь его тут держит, – Влад достал из рюкзака еще несколько свечей, цепочку и пучок травы, перевязанный белым шнурком. – Есть у меня одна догадка... Посмотрим.

– А как так получилось, что батюшка не помог? Разве освятить квартиру... – я оборвалась, услышав насмешливое фырканье практикующего, расстилающего на полу черную ткань. – Что?

– Такая помощь работает на определенных этапах и то, когда в нее искренне верят. Все трое крещеные, но все без толку, если крест воспринимается больше как украшение и дань традициям, а не реальная защита. Держи, – Влад протянул зажженную свечу. – Не факт, что ты его увидишь, это не сущность, но присутствие должна почувствовать.

– Если он...

– Тшш! – ведьмак выставил ладонь в знаке «стоп».

Я закрыла рот, оставляя язык за зубами. Перво-наперво

нужно было интересоваться о своих действиях, а не о том, что здесь происходит, но это же я, фамилльяр-новичок. Зачем инструкции, когда есть импровизация, да, Агата?

– Я скажу, что тебе делать, когда потребуется, – тихо проговорил Влад «читаю-твои-мысли» Яблонев.

Ведьмак зажег три свечи, очерчивающие на ткани невидимый треугольник, и остался стоять перед ним с опущенными руками, глядя перед собой. По-видимому, для такого ему не было нужды смотреть сквозь пламя. Сделав пару вздохов, настраиваясь, я подняла огонек на уровень глаз, отпуская на свободу все инстинкты фамилльяра.

В ментальном дог сошла с дороги на границу темного леса, скрывающего в своих ветвях величественного ворона. Не видя птицу, мы ее чувствовали, настороженно принохиваясь и прислушиваясь ко всему, что творилось вокруг.

В реальном каждая следующая секунда меняла комнату. Обычный человек не заметил бы ничего нового: вся мебель и предметы по-прежнему оставались на своих местах, свет не мигал, а шторы не раздувал неизвестно откуда взявшийся ветер, как это любят показывать в кино. В ментальном же разворачивалась бурная деятельность.

Фиолетовая с вкраплениями синего энергетика Влада расходилась от ведьмака волнами, как круги по воде, затрагивая все пространство от пола до потолка. Воздух, за неимением лучшего слова, застыл и ощущался таким же материальным, как и шкаф, словно его можно было потрогать и даже раз-

бить об него нос при столкновении. Только вот предметы в комнате не сталкивались, а *застрали* в нем, как муравьи в смоле. Не знаю, как, но эту разницу я чувствовала так же, как между черным и белым.

– Выходи, – тихо уронил Яблонев.

Комната содрогнулась от мощи, заложенной в приказе ведьмака. На месте незваного гостя я бы уже паковала вещички. Лучше уходить на своих двоих, чем с пинка и за шкирку.

Гром прогремел где-то совсем над нами, белая вспышка молнии осветила сумрак комнаты, и Влад медленно повернул голову направо. Резкий, почти неуловимый, взмах цепочкой на манер кнута. Фиолетовая волна энергии ведьмака ударила по ближайшей к окну кровати.

Сморгнув выступившие от гляделок сквозь огонь слезы, я задержала дыхание, когда свисающий до пола плед зашевелился. Вниз по позвоночнику скользнула льдинка, тело напряглось, и клыки во рту как будто стали больше и острее. Холод коснулся ступней, вонь сырости и гнили усилилась, перекрывая всю карту запахов. Из-под кровати, совсем как в детской страшилке, *выскользнул* он.

Слишком реальный, чтобы это можно было назвать привидением или вообще чем-то нематериальным. Болотного цвета костюм с вязаной жилеткой, белой рубашкой и галстуком. Волосы, прилизанные на сторону в бесполезной попытке скрыть лысину. Тараканьи усики и жидкая бородка. О по-

тусторонней природе гадкого мужичка сообщал только запах тлена и распространяющийся по комнате холод могилы.

Усмехнувшись, продемонстрировав при этом два передних золотых зуба, он сел, оперся локтем на кровать и сделал нам с Владом ручкой «пошли прочь».

Либо такие вещи меня уже не удивляют, либо теперь шок запаздывает на день. Без какой-либо команды Яблонева я шагнула вперед, становясь между покойником и практикующим. Потом буду тарашиться на Влада с сотней вопросов в минуту, сейчас нужно выставить отсюда эту мразь. О том, что перед нами та еще тварь, говорили интуиция, связь с ведьмаком и очевидные наблюдения. Добрые духи людей по ночам не душат и вряд ли плотоядно облизываются, глядя на девушек, как этот сейчас на меня.

– Значит, душитель, – вкрадчиво отметил Яблонев под карканье ворона в ментальном. – Пойдешь-пойдешь, туда, откуда достали.

Пусть я видела призрака, но его речи не слышала, даже не заметила, чтобы он открывал рот. Нужно ли ему вообще разговаривать, как обычным смертным? Что-то подсказывало, что необязательно.

Покойник картинно размял пальцы, все его тело мигнуло, на миг пропадая, и вот он уже сидит на кровати нога на ногу, опираясь на отставленные руки.

– Чего это он такой борзый? – не выдержала я.

– Сытый, – лаконично пояснил Яблонев за спиной. – К

тому же не приبلудный. Значит, в комнате есть предмет, к которому он привязан. Закрой глаза, глубоко вдохни и постарайся найти место, откуда могилой тянет больше всего.

Как найти источник, если тут провоняло все подряд? И почему я сразу этот смрад не почувствовала, он же с ног сшибает и нос морозит похлеще, чем зимой. Кинув взгляд на покойника, ответившего мне масляной улыбочкой, от которой хотелось передернуться, я прикрыла глаза. В конце концов, Влад не даст ему и шагу ступить в мою сторону, никаких сомнений.

Раскрыв рот, я втянула холодный воздух, пробуя его на язык. Сначала гниль чувствовалась однородной, окружая со всех сторон. Вонь была такой сильной, что пропитала предметы и стены, я чувствовала ее примесь в каждом запахе. На самом деле, чем больше я сосредотачивалась на ней, тем больше казалось, что существует только она, а все остальное пытается пробиться из-под нее, словно вялые ростки сквозь мерзлую землю.

Но, следуя логике – верной подруге практикующих, источник должен быть у всего, даже у паранормального. Выступив чуть вперед, я сделала еще один глубокий вдох. Похоже, тактика с картой запахов не подходит, все слишком равномерно...

За спиной Герцогини раздалось сварливое ворчание, и в ментальном пространстве с нами поравнялись немецкая овчарка, бигль и доберман. Предки моего рода с самым высо-

кокласным нюхом, с ходу поняла я. Посмотрев на меня, как на нерадивое дитё, бигль уткнулся носом в землю и показательно глубоко потянул носом. Присев, доберман раскрыл пасть, овчарка же задрала голову на максимум, оставшись стоять.

Вот в чем дело! Карта показывает все пространство, в то время как от меня требуется взять след, то есть, необходимо понять, на каком уровне от пола до потолка находится самый интенсивный и сильный запах.

Ладно, пора применить теорию предков на практике... Присев на корточки, я перекатилась на колени и опустила голову к полу. Первый же вдох поведал много о чем, от грязного капронового носка в районе стола до валявшейся где-то справа упаковки чипсов с паприкой, но могильный холод ощущался скорее налетом. Странно, покойник-то вылез из-под кровати, стало быть, запах испускает не он. Стоя в полный рост, я так же не учуяла ничего слишком выделяющегося, тогда...

Резко выпрямившись на коленях, я быстро втянула воздух несколько раз, пролистывая запахи, и сразу же открыла рот, ловя их на язык. Наконец-то! Ледяное течение, плотная нить гнили, сырости и холода вела прямо к подоконнику.

– Подоконник! – ликующе рывкнула я, оборачиваясь на Влада.

Уголки губ ведьмака дернулись, на его счастье так и не выпустив смешка, и плевать, насколько комично я при этом

выглядела. Конечно, Яблонев все это время глаз не сводил с потустороннего квартиранта, крутя цепочкой, но вряд ли от взгляда темного ускользнули мои передвижения. Наверняка со стороны все это выглядело более, чем нелепо.

– Отлично. Пойдем, посмотрим, – Яблонев вышел из треугольника свечей, я поравнялась с практикующим, и мы успели сделать несколько шагов, прежде чем дух перегородил нам дорогу, появившись перед подоконником за одну вспышку молнии за окном.

Лицо покойника растеряло все довольство, «смертный» лоск растворился, выпуская наружу нечто злобное, угрожающее всему живому в радиусе своего действия. Оно вспарывало мои инстинкты и до упора нажимало кнопку тревоги.

Кожа твари покрылась трупными пятнами и разбухла, черты исказились, обернувшись ужасающей маской, глаза затянулись молочной пленкой. Такое за человека не принять и темной ночью со спины.

– Рот закрыл и свалил, – низким голосом проговорил Влад, не впечатленный метаморфозой. К слову, сейчас он сам мог напугать своей собственной, выпустив наружу темного потомственного ведьмака со всеми вытекающими.

Вместо ответа дух оскалился и встряхнул руками. Еще один оглушительный громовой раскат накрыл дом, словно оповещая о начале боя лучше всякого удара в гонг. Столкновение произошло со скоростью света. Причем «того» света, потому что на этом никто не умел мгновенно перемещаться

в пространстве.

Вот он все еще у подоконника, а вот уже перед Владом с маленькой поправочкой в лице фамильяра. Клыкастой, злой, как сто чертей, и клацающей пастью поправочкой. Мой мысленный посыл, насквозь пропитанный агрессией и жадной потрошить «ты к кому руки тянешь» в ментальном обратился глухим рыком и фиолетово-синим барьером, закрывшим любой подход к темному лесу ворона. Нечего всякой дряни лезть к моему практикующему. Я – фамильяр простой, долго разбираться не буду. Раздеру на куски и дело с концом.

Ударившись о стену, дух отскочил, и перед глазами все поплыло от резкой головной боли. Какого...?! Барьер исчез, покойник рванул к нам с Герцогиней, вытянув руки, когда его на полном ходу остановила фиолетовая сеть энергии, заброшенная крыльями ворона, только что заложившего над нами вираж. Судя по тому, как душителю забился и задрожал, кидаясь то в одну сторону, то в другую, ощущения были не самыми приятными.

– Агата, – Влад потянул за руку, и я только сейчас поняла, что каким-то образом оказалась задницей на полу и продолжала видеть покойника, даже выронив свечу.

Сверление в висках отступило так же резко, как и атаковало, едва пальцы темного аккуратно обхватили мое запястье. Короткий импульс волнения на том конце связи фамильяра и практикующего исчез, Яблонев скрыл свои эмоции за привычным щитом спокойствия и сосредоточенности. Ед-

ва заметно качнув головой, ведьмак убрал руку, придав мне устойчивое положение, и, напоследок, ошутимо надавил на плечо, веля оставаться на месте.

Все внимание практикующего сфокусировалось на подоконнике и духе, но я хорошо понимала, что пронзительный вороний взгляд вернется ко мне сразу, как только будет решена проблема клиента.

– Очень интересно, – пробормотал Влад себе под нос, наклоняясь к горшку с цветком. – Великолепно придумали, давно такой дурусти не видел.

Взяв его в руки, Князь обернулся к покойнику и со всего размаха швырнул посуду об пол. Горшок разбился, и комья мокрой земли разлетелись по ковру и ламинату. Одновременно с броском ведьмак отчеканил на темном языке что-то жуткое и давящее, адресованное душителю. Приказ разнесся по комнате гудящей вибрирующей волной, затрагивая абсолютно все, пронзая насквозь и вызывая мурашки. Сила воли ведьмака подмяла под себя ментальное и реальное, рассеклась вокруг меня и вдарила по твари, вырвав у той истошный вопль, донесшийся даже до моих ушей. Фиолетовая сеть *вдавилась*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.